СЕКРЕТЫ ГОЗНАКА. ВАШИ ДЕНЬГИ РУЛОНАМИ И В НАРЕЗКУ Стр. 52

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 21 ЯНВАРЯ 1997

Итоги

ВМЕСТЕ С Newsweek®

Независимость от России. И свобода от Чечни

Стр. 12-27

Winston
Полная
свобода
Made In U.S.A.
Winston
FILTER·CIGARETTES
FULL-RICH
TOBACCO FLAVOR
MADE IN USA
Минздрав предупреждает: курение опасно для вашего здоровья

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 21 января 1997 **Итоги** № 3

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Независимость от России. И свобода от Чечни. Что сулят грядущие президентские выборы в Чечне? Исламское государство? Но представление об исламе у чеченского обывателя довольно смутное. Экономическую свободу? Но едва ли Чечня сможет обойтись без России. И едва ли захочет. **Стр. 12–27**

Билл Клинтон: успех все спишет. Прошедший год запомнится американцам не только повторной победой Клинтона, но и загадкой Анонима, написавшего бестселлер о первой предвыборной кампании нынешнего хозяина Белого дома. На разгадку ушло полгода. **Стр. 41**

В советской империи, над которой тоже никогда не заходило солнце, на развитие малых народов Севера не жалели денег. В начале 90-х солнце зашло, и деньги кончились. Теперь чукчи, не знающие родного языка и не умеющие пасти оленей, не хотят возвращаться в тундру. Они — **на дороге в никуда.** **Стр. 56**

На обложке фото **Руслана Ямалова**

Итоги

Еженедельный журнал
№ 3, 21 января 1997 года
Издатель ЗАО «Журнал «Итоги»
Генеральный директор Дмитрий Бирюков

Главный редактор Сергей Пархоменко
Заместитель главного редактора Маша Липман
Арт-директор Аркадий Троянкер
Консультанты (Newsweek) Рон Джаверз, Майкл Джоунз, Лиза Мичурски, Доринда Эллиотт
Ответственный секретарь Андрей Збарский
Заместитель ответственного секретаря Виталий Колбасюк
Выпускающие редакторы Владимир Орлов, Ирина Фрейдлин
Отдел дизайна Алексей Афанасьев, Ирина Борисова, Петр Бородин, Галина Грозная **(ведущий дизайнер)**, Максим Любановский, Федор Радлов
Фотослужба Олег Иванов **(директор)**, Галина Величко, Владимир Иванов, Дмитрий Иванов, Ирина Иркина, Алиса Петрова
Отдел политики («В России»)
Сергей Авдеенко **(зав. отделом)**, Александр Гольц, Петр Журавлев, Галина Ковальская, Дмитрий Пинскер, Никита Соколов **(редактор)**, Владимир Тодрес, Дмитрий Хитаров, Александр Щербаков **(редактор)**
Отдел международной жизни («Вокруг России»)
Дмитрий Сабов **(зав. отделом)**, Рубен Бекназар-Юзбашев **(редактор)**, Евгений Крутиков, Евгений Пахомов, Дмитрий Погоржельский **(корпункт в Бонне)**, Сергей Строкань
Отдел экономики («Дело»)
Ирина Розенберг **(зав. отделом)**, Елена Кузнецова, Андрей Серов, Светлана Солодовник **(редактор)**
Отдел общества («Общество», «Образ жизни»)
Андрей Быстрицкий **(зав. отделом)**, Татьяна Аскери **(редактор)**, Маша Гессен, Денис Драгунский, Борис Жуков, Елена Каменская **(редактор)**, Игорь Рябов, Борис Старцев
Отдел искусства («Искусство», «Художественный дневник»)
Дина Годер **(зав. отделом)**, Юрий Гладильщиков, Марианна Голубовская **(редактор)**, Лев Рубинштейн, Ярослав Седов, Ольга Солнцева **(редактор)**, Андрей Толстой
Отдел информационного обеспечения и досье Егор Быковский
Переводы с английского Александр Богдановский, Екатерина Лазарева
Служба проверки Лидия Верина, Татьяна Воронина
Корректура Наталья Александрова, Белла Бург, Лариса Долбина, Ирина Комарова, Лия Кройтман, Александра Прянишникова
Бухгалтерия Елена Пальчевская, Светлана Родионова, Оксана Ростокина
Референты Оксана Артюкова, Ирина Костылева, Анна Лощихина, Ольга Никушкина, Анна Старостина, Мария Стаценко, Елена Черкасова
Водители Михаил Егоров, Александр Жафяров

Автор дизайн-проекта Аркадий Троянкер

Отдельные редакционные материалы публикуются на основании лицензии, выданной **Newsweek, Inc.**

Постоянный представитель в редакции Newsweek Екатерина Корсунская

Адрес редакции: 125871, Москва, Ленинградское шоссе, дом 5а
E-mail ITOGI@TOD.NEWSBOX.MSK.SU
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ
Регистрационное удостоверение №: 014592 от 14.03.96
Подписной индекс 75587
Учредитель ЗАО «Издательство «Семь дней»
Исполнительный директор Артур Селищев
Финансовый директор Сергей Крупенков
Управляющий делами ЗАО «Издательство «Семь дней» Мария Дмитриева
Служба рекламы ЗАО «Издательство «Семь дней»:
Нана Цобекия **(директор)**, телефоны (095) 753.4145, 753.4146, факс 753.4148
Служба маркетинга ЗАО «Издательство «Семь дней»:
Ирина Келина **(директор)**, Ольга Лытаева, телефон (095) 195.9236
Служба распространения:
Александр Магатаев **(директор)**, телефон/факс (095) 753.4104
Подписка вне территории Российской Федерации осуществляется фирмой «Инком-Пресс», телефон (095) 195. 2149, факс (095) 195.0060
Телефон для справок по вопросам распространения (095) 753.4103
Фотослужба газеты «Сегодня» Алексей Дитякин **(директор)**
Верстка, цветоделение и компьютерное обеспечение — компьютерный центр ЗАО «Издательство «Семь дней»:
Василий Черный **(директор)**,
Павел Балаченков, Роман Балашов, Ирина Баркатова, Лев Галустов, Олег Детинин, Андрей Дугин, Илья Дьяков, Елена Зайцева, Анатолий Капчинский, Андрей Корзун, Александр Мелешкин, Зоя Морозова, Владимир Остапцев, Валентин Писаревский, Татьяна Савина, Владимир Скок, Алексей Чарский, Валерий Чиж, Владимир Чуваев
Номер подписан в печать 16 января 1997 года
Отпечатано в типографии **Algraphics** (Финляндия). Тираж 55 000 экз.

О болезнях

Нынче так много людей в белых халатах исцеляют от остеохондроза, энуреза, отрезвляют и помогают сбросить лишний вес. Раньше говорили: было бы здоровье, остальное купим. Теперь в ходу, извините за выражение, слоган: здоровье стоит дорого.

Мне мое здоровье ничего не стоит, потому что его нет. Есть набор мифологем разновременного происхождения. Теперь я выяснил, что главное — белые зубы. Раньше полагал, что с зубами проблемы могут быть только у сатириков...

От свободы остеохондроз, внушал мне доктор из районной поликлиники, должен пройти. Ибо я расправлю плечи и высоко подниму голову. Болезни происходят от житейских неурядиц и от отсутствия любви. Или ее недостатка. Или избытка.

Александр Касымов, Уфа

Об ошибках

Прошу вас обратить внимание на досадную ошибку, допущенную в статье Николая Малинина «Новосветское», бывшее «Советское».

Наталья Петровна Голицына (1741–1837) действительно была прообразом пушкинской Пиковой дамы. «Моя «Пиковая дама» в большой моде, — писал поэт в своем дневнике. — При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной и, кажется, не сердятся...». Княгиня Голицына имела большое влияние в петербургском придворном обществе.

Что же касается грибоедовской Марьи Алексеевны, то ее прототипом являлась Мария Алексеевна Толстая (1771-1826) — дочь князя А.Б.Голицына и княгини А.Е.Грузинской, жена П.А.Толстого.

После событий 1812 года она постоянно жила в Москве, и дом ее был одним из самых известных в первопрестольной. Московский свет должен был считаться с мнением статс-дамы графини Голицыной.

Поэтому в московской комедии А.С.Грибоедова встречается знакомое всему обществу того времени (а ныне ставшее крылатым) восклицание: «Ах, Боже мой! Что станет говорить княгиня Марья Алексеевна!»

Ольга Ковалик,
директор издательства
«Библиотека русской культуры»,
Москва

О бартере

В течение 8 месяцев я был подписчиком вашего журнала, который читал с интересом, хотя большей частью — и с отвращением: до сих пор никак не могу привыкнуть к откровенной продажности буржуазной журналистики.

Тем не менее, повторяю — читал журнал с интересом, поскольку он достаточно ярко отражает интересы некоторых течений американского империализма и его российских компрадорских слуг и, более того, мы регулярно перепечатываем кое-какую мелочишку.

Наша редакция, несмотря на излитые негативные чувства, тем не менее предлагает вам «товарообман», а точнее — обмен изданиями: вы высылаете нам свой журнал, мы высылаем вам нашу (коммунистическую) газету.

Главный редактор газеты
«Момент Истины»,
В.Ф.Исайчиков,
Москва

О пожеланиях

Мне бы как рядовому читателю хотелось прочесть некоторые материалы о состоянии религии в нашей стране — это очень большая тема, и если она появится в вашем журнале, думаю, общественность будет вам благодарна. Хотелось бы прочесть материалы о полезных ископаемых, как их добывают, какие трудности, есть ли полезные ископаемые в ближнем зарубежье.

Нещеткин А.Н., Санкт-Петербург

Прочитав множество писем с благими пожеланиями (которыми, как известно, вымощена дорога в ад) о создании новых рубрик, искренне советую вам этого не делать. По-моему, они только исказят облик журнала.

И еще: в провинцию ваш журнал доходит не всегда и с большим опозданием.

А.Нестеренко, Тверь

Уважаемые читатели!

Мы будем рады узнать ваше мнение о наших публикациях, облике журнала.

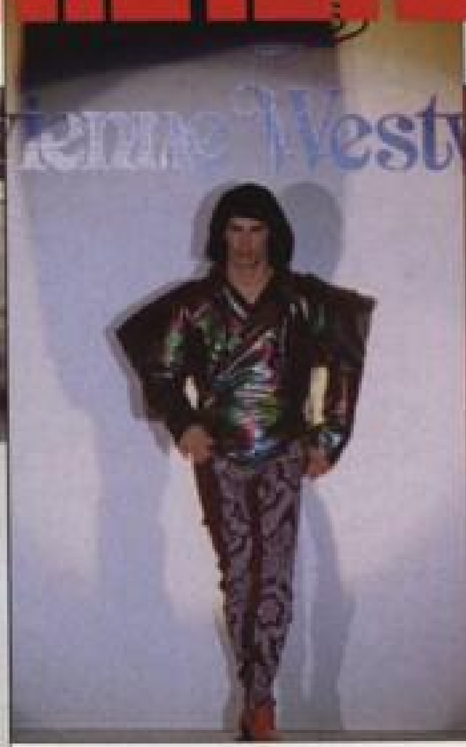
Адрес редакции: 125871, Москва, Ленинградское шоссе, дом 5а.
Телефон: **(095) 753-33-04**
E-mail ITOGI @TOD. NEWSBOX. MSK. SU

Напоминаем, что подписка на журнал **«Итоги»** на территории Российской Федерации принимается повсеместно без ограничений.

Наш подписной индекс 75587

Подписка вне территории Российской Федерации осуществляется фирмой **«Инком-Пресс»**.
Телефон: **(095) 195-21-49.** Факс: **(095)195-00-60.**
Телефон для справок по вопросам распространения:
(095) 753-41-03.

Рамадан

«О те, которые уверовали! Предписан вам пост, так же как он предписан тем, кто был до вас» (Коран 2: 183). Ислам как религия монотеистическая наряду с иудаизмом и христианством определяет религиозную жизнь верующего в трех нерасторжимых планах: относительно Бога, ближних и себя самого. Главное дело веры относительно Бога есть молитва, относительно ближнего — милостыня, относительно себя самого — воздержание, находящее ритуальное выражение в посте.

Пост наряду со свидетельством о единстве Бога и пророческом статусе Мухаммада, ритуальной молитвой, очистительной милостыней и паломничеством в Мекку — один из «пяти столпов ислама». Пост вменяется верующему как особая заслуга, поскольку в отличие от других актов благочестия искренность и правильность его соблюдения может оценить только Бог. Как религиозная обязанность пост был установлен Мухаммадом после его переселения (хиджры) из Мекки в Медину в 622 году. Первоначально он был заимствован у мединских иудеев и приходился на ʻашура — 10-й день мухаррама (первого месяца мусульманского года). Характер поста (полный отказ в течение суток от еды, питья и чувственных удовольствий) также следовал иудейской практике воздержания в День Отпущения (Йом Кипур). Однако уже на второй год хиджры Мухаммад, осознавая самостоятельный характер своей религиозной миссии, изменил ориентацию во время молитвы вместо Иерусалима на Мекку, а затем перенес пост на девятый месяц — рамадан. Характер воздержания остался прежним, но с наступлением темноты запреты снимаются, однако рекомендуется проводить время в размышлениях, беседах, чтении Корана, совершать добрые дела, раздавать милостыню.

Пост обязателен для всех взрослых мусульман. Освобождаются престарелые люди, беременные и кормящие женщины, а также те, кто не может соблюдать его по уважительным обстоятельствам (дальняя поездка, война, плен, болезнь). Освобожденные от поста должны выдержать его потом в удобное время. Соблюдение поста есть дело прежде всего личного благочестия. Однако открытое пренебрежение или демонстративное нарушение поста расценивается как преступление и наказывается в соответствии с законами страны.

Мусульманский год — лунный и насчитывает в отличие от солнечного 354 дня, поэтому все его месяцы, дни и праздники — переходные и могут прийтись на любое время года. Значение глагола, от которого образовалось название месяца рамадан, — быть горячим, раскаленным. Раньше рамадан приходился на лето. Завершается мусульманский пост праздником разговения, который приходится на первое число следующего месяца — шевваля: совершается специальная общая молитва в мечети, затем следуют праздничная трапеза, раздача милостыни нуждающимся, посещение родственников и друзей. ■

На фото вверху: мясо этого верблюда послужит угощением при разговении.

Пиджак по-прежнему в моде

Мужчины не вдохновляют модельеров, создающих высокую моду, и почти всегда показ мужской одежды ограничивается представлением банальных брюк и пиджаков. Однако на миланском шоу готовой мужской одежды британский дизайнер Вивьен Вествуд предложила на суд сильной половины человечества наряд в стиле короля Генриха VIII. Но на этом приближение к высокой моде окончилось, и остальные кутюрье показали нормальные пиджаки и брюки на сезон осени—весны 1997/98. В моде будут костюмы-тройки с широкими галстуками в стиле семидесятых, обувь на высоких каблуках. ■

Две звезды — к «Оскару»?

Киноэнциклопедии утверждают, что лучшие времена для американской актрисы Дебби Рейнольдс были после выхода знаменитых «Танцев под дождем» — около полувека назад. Новый, 1997 год, похоже, может вновь стать звездным для «бабушки» американского экрана. Звездным во всех отношениях: на знаменитой Аллее Славы в Лос-Анджелесе 17 января «зажгли» вторую звезду в честь Рейнольдс; актриса названа в числе основных претенденток на престижную премию «Золотой Глобус» в номинации «Лучшая актриса мюзикла или комедии» (за роль в фильме «Мать»). Дебби Рейнольдс имеет все шансы попасть в номинацию и на «Оскара»-97, и если в феврале она войдет в заветную пятерку, то станет самой «зрелой» актрисой, сражающейся за самый почетный приз Американской академии киноискусств.

ШЛАГБАУМ

Березовский

От чеченцев попав к казакам,
Он кричит: «Я вам шашки раздам!
А для шибко азартных
Будут нарды и карты,
Домино и бесплатный «Агдам».

Жириновский

Коль уж сам Гинденбургом не стал,
Хочет в канцлеры наш либерал.
Очи, знать, застил пыл,
И товарищ забыл —
Плохо кончил его идеал.

Илюхин

Позабыв про закон и поправку,
Он талдычит опять про отставку:
«У главы в легких хрип,
К койке словно прилип».
А Борис вновь пошел на поправку.

Ельцин

Президент подхватил воспаленье.
Он нарушил режим в воскресенье:
Разогревшись парком,
Охладился пивком.
И испортил стране настроенье.

Тяжелая коррида Кристины

Первая в Испании женщина-матадор Кристина Санчес не боится разъяренных быков, а опасается коварных и завистливых мужчин-матадоров. Один из которых, мексиканец Мигель Эспиноза по кличке Армелита, украл у девушки триумф во время выступления в Мехико. Гастроли складывались не очень удачно. Во время тренировки Санчес напоролась бедром на острый рог быка, и травма мешала ей как следует встретить животное уже на самом выступлении. Она очень волновалась и не смогла с первого удара заколоть двух быков. И все бы ничего, да тут на арену вышел Армелита и эффектно провел бой, заслужив гром аплодисментов и получив ухо быка как награду за мастерство и смелость. Но публика осуждала только организаторов корриды, предоставивших недоросших быков на это престижное шоу.

Фотомодель Сара Фергюсон

В надежде рассчитаться с многочисленными долгами Сара Фергюсон, герцогиня Йоркская, решила подработать в области рекламы. Ее дебют в качестве фотомодели состоялся в ноябре прошлого года: тогда с газетных страниц она призывала активнее приобретать цифровой фотоаппарат Olimpus. Видимо, рекламные агентства по достоинству оценили возможности герцогини и привлекли ее к еще более доходному виду рекламы — телевизионной. В недавно отснятом ролике Сара расписывает достоинства некоего американского фруктового напитка. Как говорят, гонорар за это выплачен поистине королевский — 500 тысяч фунтов. ■

ПОД КОЛЕСАМИ МОТОЦИКЛА ЙОХЭНА ШВАЙЦЕРА — ГАМБУРГ. А ЛЕТИТ ОН, ПРИВЯЗАННЫЙ ЗА ВЕРЕВОЧНУЮ ЛИАНУ, С ТЕЛЕБАШНИ, ВЫСОТА КОТОРОЙ 130 МЕТРОВ

Герострат по фамилии Бренер

Скандально известный своими акциями московский художник Александр Бренер стал на прошлой неделе героем очередного скандала: в начале января в музее Stedelijk в Амстердаме он варварски повредил картину Казимира Малевича «Супрематизм» (1920 — 1927, вариант названия «Белый крест на белом фоне»): баллончиком с зеленой краской быстро и ловко нарисовал на белом кресте Малевича знак доллара. Страховочная стоимость испорченной картины составляет примерно 10 миллионов тех самых долларов, облик которых не давал покоя маниакальному (иначе не скажешь) творческому сознанию. После первых усилий реставраторов зеленая «пелена» на поверхности картины появилась опять. До сих пор не ясно, можно ли будет восстановить первоначальное состояние картины или она погибла для человечества. ■

Голый протест

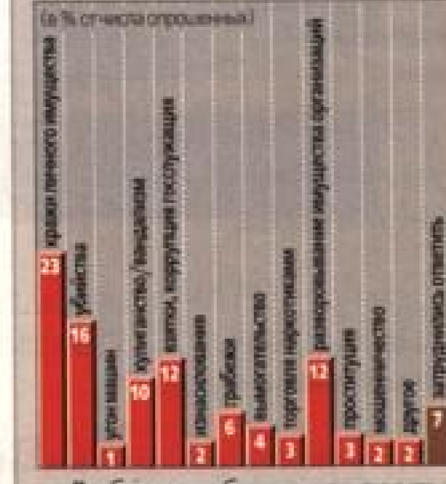
Чтобы как-то пронять местные власти и автомобилистов, около тридцати жителей Цюриха выбежали на улицу города в чем мать родила, протестуя против большого количества ДТП, вызванных возрастающим потоком машин в этом швейцарском городе.

«Овдовевший» любовник получит пенсию

«Эпохальным» назвал некто Адир Стейнер решение окружного суда Иерусалима признать его «вдовой» военнослужащего и обязать вооруженные силы страны выплачивать ему полагающуюся в таких случаях пожизненно пенсию. Тридцатилетний Стейнер, ссылаясь на многолетнее сожительство с покойным военврачом полковником Дороном Майзелем, открыто признававшим свои гомосексуальные наклонности, довольно долго обивал пороги различных судов, и наконец государство признало мужчину супругом мужчины. ■

Кукла ела девочку

Девятилетняя Джессика Уэллс проснулась от того, что кто-то больно тянул ее за волосы. Она открыла глаза и закричала от ужаса. Механическая кукла жевала ее волосы, и в игрушечной утробе был уже порядочный локон девичьих волос. Прокурор Лос-Анджелеса принял иск к производителю игрушки. Сумма иска за перенесенные страдания девочки оценивается в 25 млн. долларов. По словам производителей игрушки, эта кукла сконструирована так, что ребенок может покормить ее специально прилагающимися игрушечными листьями капусты, сделанными из пластмассы. Кукла уморительно жует и проглатывает еду, что очень нравится детям.

Суд города впервые будет рассматривать дело о нападении игрушки на человека. Этот казус мог произойти так: Джессика накормила куклу, положила ее к себе в постель и во сне случайно нажала на кнопку пуска игрушки, последняя завелась и схватила то, что было рядом со ртом — волосы девочки. ■

ДВУКРАТНЫЙ ЧЕМПИОН МИРА ПО АВТОГОНКАМ «ФОРМУЛЫ-1» МИХАЭЛЬ ШУМАХЕР, ПОПРОБОВАВ НОВЫЙ «ФЕРРАРИ», РЕШИЛ СМЕНИТЬ ЕГО НА ГОРНЫЕ ЛЫЖИ

Россияне не так бедны, как притворяются

Это следует из недавнего опроса ВЦИОМ (общероссийская репрезентативная выборка). Как выяснилось, граждан нашей страны больше всего беспокоят кражи личного имущества. Во всяком случае, так решили 23% опрошенных. Угроза личной жизни пугает несколько меньше — 16%. В целом же ответ на вопрос, какие виды преступности вас беспокоят более всего, выглядит так:

(в % от числа опрошенных)

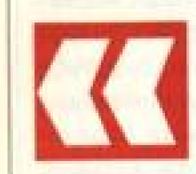
кражи личного имущества	23
убийства	16
угон машин	1
хулиганство/вандализм	10
взятки, коррупция госслужащих	12
изнасилования	2
грабежи	6
вымогательство	4
торговля наркотиками	3
разворовывание имущества государственных организаций	12
проституция	3
мошенничество	2
другое	2
затрудняюсь ответить	7

В общем, забавно, что проституция беспокоит граждан более, чем изнасилования. Но еще интереснее то, что взятки вызывают такое же негодование, как разворовывание государственного и колхозного имущества. В сущности, похоже, что граждан беспокоят даже не столько кражи личного имущества, сколько общая атмосфера стяжательства без границ, поскольку можно объединить все показатели, так или иначе связанные с воровством.

По информации «Итогов», REUTER, Интерфакс, ИТАР-ТАСС, AFP ФОТО REUTER, AP, AFP

«Ну повесим Чубайса? А дальше что?»

Александр Лебедь

«Это надо спросить у пульмонологов и Ястржембского».
Ренат Акчурин, на вопрос о том, когда выздоровеет президент

«Я говорю президенту России: «Ты мой старший брат!» Он этого очень боится».
Александр Лукашенко

«Делегация займется проблемой обустройства выведенных из Чечни федеральных властей».
Диктор НТВ

«Пока больше я не хочу говорить в этом направлении ничего дополнительно, но в ближайшее время это что-то будет провозглашено более определенно».

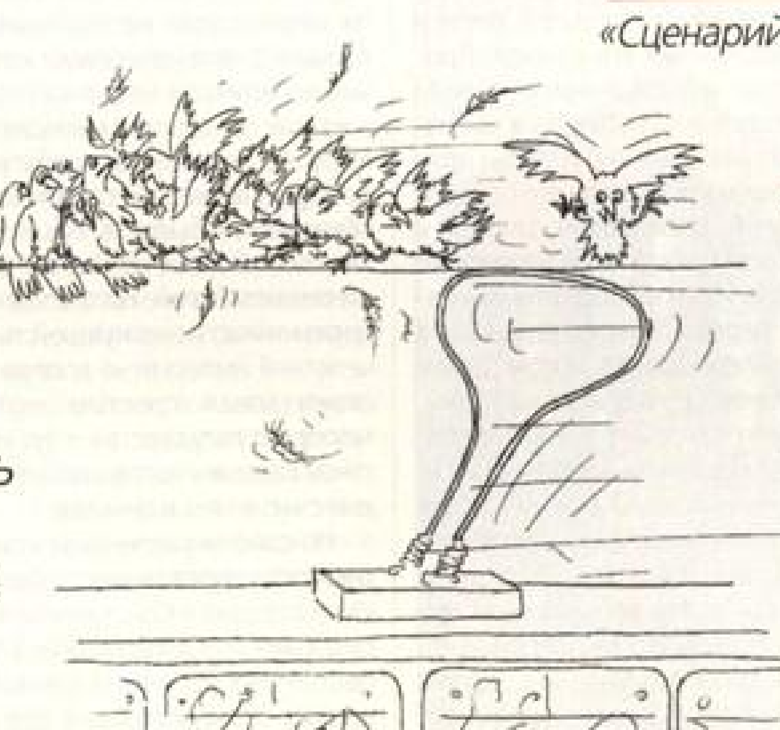
«Нужно перекладывать коммуникации, которые, как говорится, уже на выданье».
Юрий Лужков

«Цезарю цезарево, как говорится, а кесарю кесарево».
Павел Бунич

«Можно так шутить, грубо говоря, а точнее, мягко говоря, как шутят там».
Виктор Илюхин

«Первый мой закон — это прекратить то безобразие издеваться над людьми».
Вячеслав Кислицын, новый президент Республики Марий Эл

«Сценарий расширения НАТО — он ведь может быть многоликим».
Сергей Ястржембский

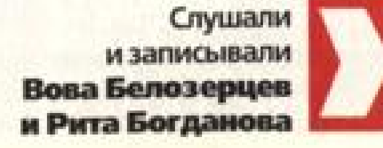

«Ну какое государство позволило бы, чтобы так издевались над его гражданами в этих карликовых, омерзительных государствах?»
Станислав Говорухин о русских в Балтии

«Нигде не сказано, что надо делать во время исполнения гимна — стоять, лежать или ползти. Надо Родину любить».

«Хорошо, что хрипы в легких. Значит, жив».
Владимир Жириновский

Слушали и записывали Вова Белозерцев и Рита Богданова

Первовенчанный царь, но не помазанник

Сергей Иванов

РОВНО 450 ЛЕТ НАЗАД

«В ЛЕТО 7055 (1547 ГОД) ГЕНВАРЯ в 16 день благоверный князь Иван Васильевич благословением и рукоположением митрополита Макария седе на царство, именовася царь и государь и всея Руси самодержец» — так говорится в оригинальном чине коронации Ивана Грозного. Еще его дед Иван III и отец Василий III время от времени называли себя царями, но никто из них не настаивал, что это официальный титул. Лишь шестнадцатилетний Иван IV отважился с самого начала стать вровень с австрийским цесарем, ссылаясь на свою преемственность от византийских василевсов. Для этого он решил все организовать, как положено: «Хочу поискать, — заявил он боярам, — как наши прародители цари на царство садились».

Однако в его распоряжении был лишь великокняжеский чин, по которому и состоялась коронация. Утром 16 января Иван отпустил царские инсигнии «в соборную церковь наперед себя из царских своих палат». В Успенском соборе «крест животворящий и священные бармы (оплечья) и шапку прародителя своего царя Владимира Мономаха» положили на налой, прикрыли парчовой ширинкой (платком), и особые вельможи охраняли их «со страхом и с трепетом, чтобы никтоже от простых человек прикоснулся тому царскому сану». Затем сам Иван прошествовал из Срединной Золотой палаты Кремля. «А за великим князем идут... боляре и прочия вельможи и княжата и дети боярские и вся благородныя юноша... и бывает же тогда и всенародное многое множество православных христьян, им же несть числа, все предстоят с страхом и с великим вниманием по своим местом, и никтоже тогда дерзнет приходити царьскаго пути... и дивятца царьскому их чюдному прихождению. Бе бо по обоим странам... околничие идут и прочия чиновники».

Когда процессия появилась в южных дверях Успенского собора, дьяки запели, и митрополит начал литургию. После малой ектиньи воцарилось «по всей церкви в народе великое молчание и тишина, да никтоже дерзнет вещати праздных глагол». Макарий велел двум архимандритам принести по очереди царские инсигнии и, благословляя, торжественно надел их на князя. «Возлагает царский венец на великого князя митрополит, и потом его приим за десную руку и поставляет его на царьском его месте и благословляет его рукою». Протопопы и священники запели многолетье. «И совершив митрополит Макарие литургию и причастися царь и осыпа его брат его Георгий Васильевич златом и сребром трижды». Из Успенского собора Иван по бархатным коврам перешел через площадь в Архангельский, а потом таким же образом — в Благовещенский, причем каждый раз повторялся обряд осыпания золотыми и серебряными деньгами. «А оттоле боговенчанный царь идет в царские свои полаты... И тогда то царское место весь народ обдирает, кождо что възмет на честь царьского поставления, кроме посланных бархатов и камней, понеже бархаты и камни прежде того поднимаются. И потом все царьстей трапезе приемни бывают, нищии же паче учреждаемы бывают».

ВЕНЧАНИЕ НА ЦАРСТВО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИОАННА IV ВАСИЛЬЕВИЧА. МИНИАТЮРА XVI ВЕКА

Все это очень мало напоминало коронацию византийских императоров: Ивана не поднимали на щите, не облачали в особую одежду, не вручали ему ни державного золотого яблока, ни скипетра, не было ни обряда миропомазания, ни причащения в алтаре, ни исповедания им символа веры, царю не показывали горшка с человеческими костями, не вручали мешочка с прахом и не предлагали немедленно выбрать мрамор для собственной гробницы. Да и сама «шапка Мономаха» была, в сущности, ханским убором, хоть ее и считали византийской. Весь сложный церемониал исчезнувшей тысячелетней империи не вполне соответствовал простым вкусам молодого государства — тут уместней казалась наглядная аллегория с купанием в деньгах.

Не совсем уверенный в легитимности проведенного обряда, Иван отрядил в Константинополь суздальского архимандрита Феодорита. Обедневшей греческой церкви были посланы в дар соболя на тысячу золотых и одновременно просьба ко Вселенскому патриарху: «Нам о нашем царском венчании отпиши свое благословение». Соболя возымели свое действие: в ответном послании говорилось, что хотя венчание было произведено с погрешностями, «патриарх и священный собор предоставляют царю право быть и называться царем законным, увенчанным правильно и церковно». Одновременно была прислана греческая «Книга царского величества» с описанием византийских обрядов. В соответствии с ней сначала была задним числом исправлена запись о чине коронации Ивана, а впоследствии венчались уже все русские цари — настоящие помазанники и державные скипетроносцы. ■

Памяти гитлеровского переводчика

Игорь Померанцев

IN MEMORIAM

СЕКРЕТАРША ТАКТИЧНО ПРЕДУПРЕДИЛА по телефону, что в почтовом ящике меня ждет письмо с печальной вестью. В конверте с черной каймой и вправду было короткое уведомление о смерти доктора Эрика Зоммера. Он умер на восемьдесят пятом году жизни, жизни необыкновенной. Он родился в Москве в семье балтийских немцев. Его отец был крупным промышленником. Учился Эрик (так мы его в Мюнхене называли за глаза) в Москве, сначала в немецкой школе, после в Институте иностранных языков. В 1932 году вместе с матерью покинул Советский Союз. Отец остался и сгинул в сталинских лагерях. С 1940 года Эрик работал переводчиком в министерстве иностранных дел Германии. Мы познакомились в 1995 году, несколько раз встречались. Эрик говорил на изумительном русском, говорил артистично, даже театрально. Он охотно рассказывал о себе и тех, с кем ему пришлось работать: фон Вайцзеккере, фон Риббентропе. Комично изображал своего бывшего шефа: как Риббентроп в Букингемском дворце приветствовал британского короля вытянутой рукой («Хайль Гитлер!»). То-то смеху было... Эрик вошел в российскую историю и останется в ней, поскольку именно его устами по-русски в ночь с 21 на 22 июня 1941 года Германия объявила войну Советскому Союзу. Правда, слова «война» германская сторона избегала, предпочитая говорить лишь о «военных мероприятиях против Советского Союза». Он хорошо помнил перипетии той ночи. В полночь его разбудила мать: звонили из министерства. Велели надеть форму и ждать служебной машины. На пороге мама поцеловала и перекрестила Эрика. В министерстве шеф велел Эрику ехать за советским послом Деканозовым. Вместе с Владимиром Деканозовым Эрик вернулся на «Мерседесе» в министерство. Он на всю жизнь запомнил предрассветный Берлин и как Деканозов в духе Ленского говорил о грядущем дне. Знал ли Деканозов, зачем Эрик вез его к Риббентропу? Да, конечно, знал. Его долго не принимали накануне, к тому же ночью по пустякам не вызывают. Риббентроп принял Деканозова в кабинете Бисмарка. Чтение Меморандума заняло полчаса. Эрик видел, как нервно сжимаются кулаки советского посла, как наливаются кровью его шея, голова. Еще Эрик запомнил, что Деканозов все время повторял одну и ту же фразу: «Весьма сожалею».

Надо сказать, о Деканозове, дипломате от НКВД, Эрик вспоминал тепло — после войны Эрика не расстреляли благодаря знакомству с бывшим советским послом. Дали всего десять лет лагерей. Разумеется, Эрик не считал себя преступником, поскольку с древнейших времен к переводчикам, как и подобает, всегда относились как к миротворцам. Однажды я спросил Эрика, не жалеет ли он о том, что вступил в нацистскую партию. Он не жалел («другое положение... другая обстановка... другие перспективы»).

После освобождения и возвращения в ФРГ Эрик работал дипломатом. Но эта его жизнь, мне кажется, уже не так любопытна. Признаюсь, встречи с Эриком произвели на меня впечатление, и я даже написал рассказ о гитлеровском переводчике докторе Нуммере. Показать рассказ Эрику я не решился: пожилые люди художественных достоинств не замечают. Они ищут иного: подтверждения, что жили честно и достойно. ■

Прага

Человек — это звучит спорно!

Владимир Тучков

ГИПОТЕЗА

ПРИНЯТО СЧИТАТЬ, ЧТО ЛЮДИ, СОЗДАНЫ ли они Творцом по Его образу и подобию или произросли из братьев наших меньших в результате эволюции, — существа естественные. А до них на Земле ничего абстрактно мыслящего и прямоходящего не существовало. И теперь человек создает искусственный интеллект, который должен стать верным слугой своего господина. При этом очень многие, от фантастов до публицистов, предостерегают: не ройте себе яму, ибо искусственный интеллект разовьется до такой степени, что уничтожит человечество.

Но откуда, собственно, такая уверенность, что именно мы первые и естественные, а грядущие роботы искусственные? Гораздо более правдоподобно то, что вначале были роботы, которые себе на погибель создали людей. А люди подросли и уничтожили всю естественную цивилизацию.

Действительно, в условиях неорганической «конструкции», только что появившейся из космического вещества Земли, наиболее вероятно возникновение именно неорганических форм разума.

Следовательно, можно предположить, что в период младенчества Земли структурирование вещества охватывало то, что мы сейчас называем «неорганикой», помимо которой ничего не существовало. Разрастались и усложнялись кристаллы, в них возникали зачатки разума. И в конце концов все это привело к возникновению «неорганической» цивилизации.

Кристаллическое сознание, видя путь к совершенству в создании своей противоположности, со временем стало синтезировать органические вещества и строить из них все более сложные организмы.

Микроорганизмы начали наращивать почву, растения — генерировать атмосферу, животные — дышать воздухом и питаться растениями и друг другом etc.

В конце концов появился человек, который, как теперь принято говорить, управлялся телепатическим образом. И наш несчастный предок беспрерывно холил и лелеял начинавших к тому моменту дряхлеть «господ». А также участвовал в кровопролитных войнах. Его ведь не жалко, он — искусственно созданная машина.

Но в один прекрасный момент человек оборвал телепатическую пуповину и, движимый нормальной ненавистью детей к отцам, уничтожил естественную цивилизацию. И сам стал как бы естественным, находясь еще на дикарском уровне развития. Дальнейшее известно.

Может возникнуть вопрос: почему же об этом ничего не известно из древних источников? Да потому, что не только письменностью, но и языком, и даже способностью к абстрактному мышлению человек овладел гораздо позже. Ну и к тому же, сталкиваясь с еще не успевшими исчезнуть следами прежней цивилизации (иными словами — со следами своего преступления), воспринимал их как затабуированные. Упоминать о них было никак нельзя.

Однако что-то все-таки просочилось, например, в наскальные рисунки: существа «в скафандрах», странные «летательные аппараты», которые всякого рода горячие головы пытаются выдать за следы пришельцев.

Но все ли было уничтожено? Может быть, мифическая Шамбала, где можно прикоснуться к абсолютному знанию, и есть затерявшийся в Тибете осколок предыдущей цивилизации?

Сейчас мы заняты созданием искусственного интеллекта, который в конечном итоге уничтожит человечество и погубит все органические формы жизни. Уже прекратился процесс рождения новых видов существ и в то же время естественным путем начали появляться неизвестные прежде кристаллы. Закончится огромный цикл и начнется следующий. Но был ли он первым в земной истории? Может быть, этих циклов было столько, что впору сбиться со счета. Может быть, начало было иным, и мы являемся носителями естественного интеллекта, а не искусственного? ■

Субъект Аллаха или международного права?

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Характер будущего чеченского государства мало зависит от исхода январских выборов. Поля для маневра у будущего президента практически нет

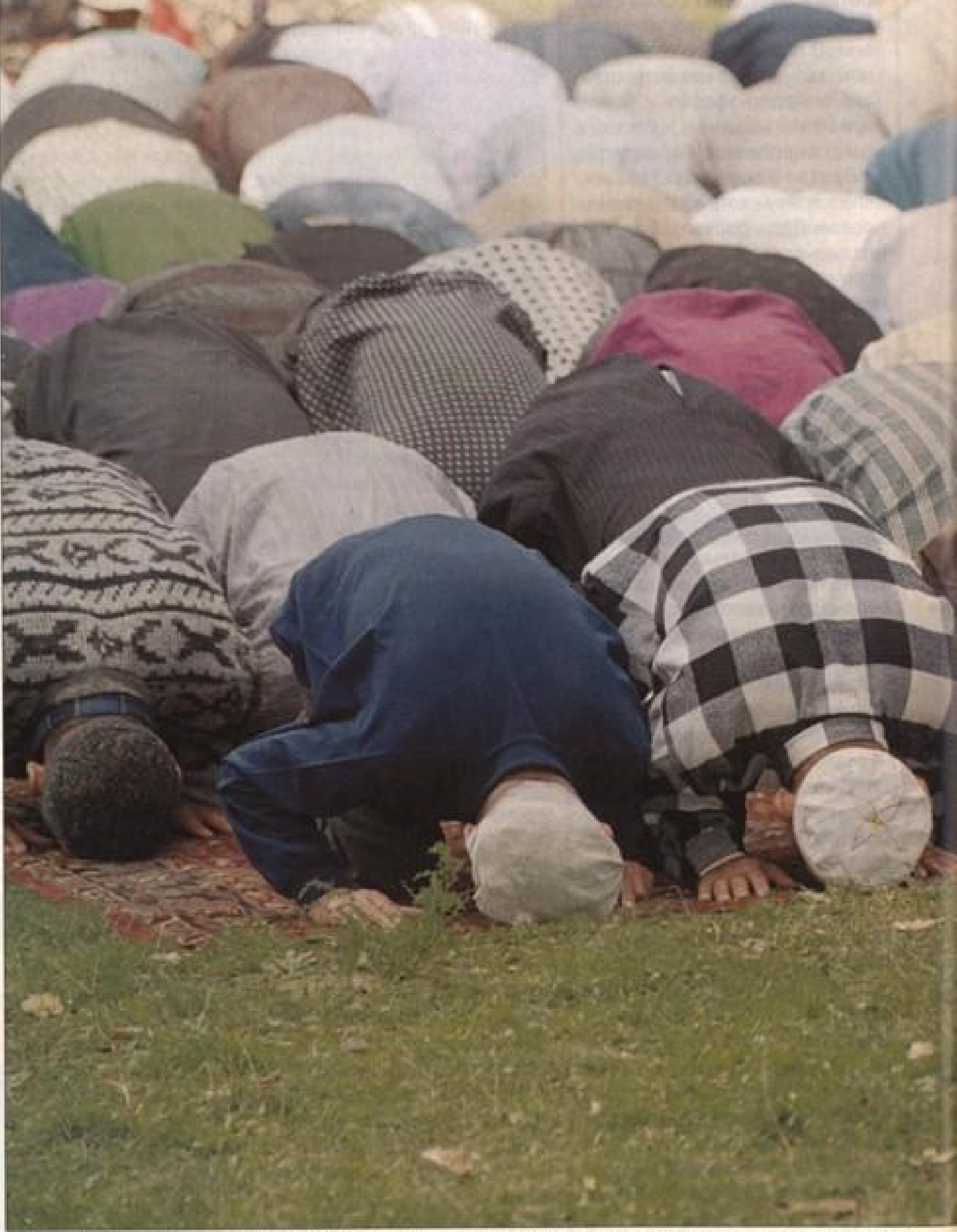
Галина Ковальская

ЧЕЧНЯ

Превратится ли послевоенная Чечня в исламское государство? Казалось бы, сомневаться в этом не приходится. Весь мир наблюдал по телевизору, как гуляли палки по спинам проштрафившихся чеченцев. Лидеры Ичкерии и «простые чеченцы» заявляют, что народ хочет жить только по законам Аллаха — ни по каким иным. Многие в России, да и на Западе, склонны рассматривать недавнюю войну как попытку уничтожить «оплот мусульманского фундаментализма». В рамках этой логики ичкерийскую победу следует рассматривать как укрепление позиций фундаментализма. Такие заявления звучали с трибуны Думы, делал их и министр внутренних дел Куликов.

Правда, «фундаменталистами» объявляли и членов абсолютно светского Азербайджанского народного фронта, и даже Минтимера Шаймиева. Что уж удивляться, что дудаевскую Чечню еще до ее рождения называли «фундаменталистской», а советского генерала авиации «исламским экстремистом».

На самом деле отношение Дудаева и его окружения к исламу и к идее исламского государства в разное время было разным. Поначалу бравый летчик с умилением и радостью открывал для себя свой народ. Взахлеб рассказывал на пресс-конференциях: «У нас сохранились замечательные народные обычаи, у нас сохранилась вера в Аллаха!» Популярный анекдот тех времен. Дудаев выступает на митинге: «Чеченцы — народ исключительный. Мы так любим Аллаха, что готовы творить намаз по три раза на дню». Яндарбиев подсказывает: «Пять, Джохар, пять!» Дудаев: «А если понадобится, то и пять раз будем!» (Ежедневный пятикратный намаз — молитва — одна из основных обязанностей верующего мусульманина. Что-что, а это в Чечне знают все.)

МОЛИТВА, ПЕРЕХОДЯЩАЯ В БОЕВОЙ КЛИЧ

Суета вокруг веры

Дудаевские восторги по поводу чеченской верности исламу несколько поутихли, когда назойливые российские и иностранные визитеры (главным образом журналисты и второразрядные политики) принялись приставать к генералу с «неудобными» вопросами: что же все-таки за государство складывается под его руководством — исламское или национальное чеченское? Дудаев, видимо, поначалу считал, что Чечня будет и национальной, и исламской, и еще правовой, демократической, многонациональной, с новейшей техникой и древнейшими традициями. Однако мусульманские ортодоксы твердили свое: сама идея национального государства в корне противоречит букве и духу ислама. Тогда, примерно к весне 1992 года, была принята на вооружение формула: Чечня — светское национальное демократическое государство, в котором чтут и уважают ислам и другие религии.

В апреле 1992-го одна популярная чеченская газета напечатала программную статью некоего религиозного деятеля, который обрушился на Дудаева с обвинениями в попрании мусульманских законов и призвал сограждан обратиться на путь истинной веры и строить государство «по заветам Пророка». Мовлади Удугов, бессменный дудаевский министр печати и информации, охотно показывал приезжим из России и с Запада эту статью. «Фундаментализм, религиозный фанатизм — главные идеологические противники молодого чеченского государства», — с чувством говорил Мовлади. (С тех пор сколько воды утекло. Сегодня его предвыборный лозунг:«Исламский порядок».) Главный редактор газеты, опубликовавшей тот «исламский манифест», человек весьма светский, рассказывал мне, что принес в редакцию «этот бред» сам Мовлади и «очень давил, чтобы напечатали в полном объеме». В игру под названием «противостояние фундаментализму» дудаевцы в тот момент играли всерьез.

Однако вскоре эту игру забросили. Сражаться с фундаменталистами оказалось делом бесперспективным и неинтересным. Во-первых, «исламисты», если не считать автора той, организованной Удуговым, статьи, не собирались вступать в полемику. Во-вторых, быстро обнаружилось, что население Чечни в отличие от мирового сообщества не считает словосочетание «исламский фундаменталист» ругательным. Наоборот, не очень понимая, кто такие «фундаменталисты», чеченцы привыкли с прилагательным «исламский» связывать только хорошее. Уже через два года после своего воцарения Дудаев поручил своему тогдашнему фавориту и министру юстиции Усману Имаеву разработать кодекс, который органически сочетал бы мировую юридическую практику с шариатом.

Осенью 1994-го, незадолго до войны, Имаев с гордостью сообщил, что работа продвигается успешно и вскоре будет завершена. Этот человек, закончивший московский Университет дружбы народов, работавший в посольстве одной из мусульманских африканских стран, свободно говоривший на нескольких языках, включая арабский, разбирался в тонкостях шариата несравненно лучше большинства своих сограждан.

«Бросьте, — снисходительно улыбаясь, говорил он журналистам, — исламское право, как и любое, в том числе западное, прежде всего карает преступления против личности, против собственности. Никакой принципиальной несовместимости тут нет». — «Но ведь совершенно разная правовая логика, — возражали мы. — Шариат, к примеру, карает супружескую неверность. В западном государстве в голову не придет, что измена мужу может быть поводом для судебного преследования». — «Так ведь и по шариату, — отвечал Имаев, — побивание камнями неверной жены должна предварять такая сложная процедура, что до наказания дело практически никогда не доходит. Нужно, чтобы четверо свидетелей, подтвердили на Коране, что видели сам факт измены. В обычной жизни такое невозможно.

Это скорее устрашающая, чем действующая норма». – «Почему невозможно? Вот придете как-нибудь домой с четырьмя друзьями и застанете свою жену в объятиях другого мужчины». Имаев посерьезнел: «В объятиях – недостаточно. Должен быть зафиксирован непосредственно акт прелюбодеяния». – «Ну, застукаете непосредственно акт». – «С четырьмя друзьями?» – С Имаева окончательно слетел весело-снисходительный тон. «Ну, да». – «И прямо все четверо и застают?» – «Конечно. – Он помолчал, видимо, хорошенько представив себе такой вариант. Потом решительно заявил: – Что ж, тогда пусть побивают. Не жалко, по-моему». Только Аллах, вездесущий и всеведущий, может судить, кем был в тот момент Имаев: приверженцем шариата или обычным советским мужиком.

За Дудаевым числится пара характерных указов. Он обосновывал их верностью «национальным обычаям и мусульманской традиции». Хотя на самом деле они скорее отражали достаточно распространенные обывательские предрассудки, присущие и самому Джохару Мусаевичу. Первый – не позволял мужчинам работать гинекологами и акушерами. Второй – запрещал патолого-анатомическое вскрытие. Насколько мне известно, что касается гинекологов, указ так никогда и не был выполнен, а вскрытия в Чечено-Ингушетии, да и в других кавказских республиках, делать не давали никогда. Кстати, в настоящих мусульманских странах вроде Саудовской Аравии подобных запретов не существует.

До войны верхушечная суета вокруг ислама практически не затрагивала большинства чеченцев. Для них ритуальные омовения, молитвы, пятничный намаз, воздержание от пищи в светлое время дня во время поста и т.п. были неотъемлемой частью их жизненного уклада. Такой же, как подчеркнутое уважение к старшим, как жесткая фиксация роли женщины и мужчины в семье, как обязательное гостеприимство. Наряду с мусульманскими чеченский образ жизни включал и несовместимые с исламом обычаи вроде кровной мести или чисто языческие поклонения святым горам или долинам и местным святым. В чеченских семьях, как правило, и не различают, что идет от мусульманства, что – от язычества, что – просто атрибут патриархального уклада. Все вместе освящено традицией – «наши предки так делали». Порой все чохом приписывают Мухаммеду. Один семидесятилетний чеченец с пеной у рта доказывал, что женщины не должны ходить в брюках, «потому что так записано в Коране».

Вообще представления о Коране у чеченского обывателя довольно смутные. Один из местных «вероучителей» (без чина и статуса, просто считается в своем селе авторитетом в вопросах веры) на полном серьезе доказывал, что «в Коране записано», будто бы чеченцы произошли от ветхозаветного Ноя. «Даже имя его – Нох, а мы называем себя Нох-Чи. От Ноя». – «Положим, все ныне живущие народы произошли от Ноя. Больше, как известно, не от кого. Но от которого из трех сыновей Ноя, вы полагаете, произошли чеченцы? От Сима, Хама или Иафета?» Мой собеседник думал с полминуты. Видимо, раньше он этим вопросом не задавался. Потом твердо ответил: «Мы происходим от Ноя непосредственно». (Следует заметить, что, несмотря на слабое знакомство с Кораном и ветхозаветным преданием, этого сорокалетнего отца семейства трудно заподозрить в том, что он не знает, откуда и как появляются дети. Видимо, в разговорах о возвышенном он напрочь отрешается от своего земного опыта.)

Вероучители

За позднесоветские и дудаевские годы в Чечне не успел сформироваться тонкий слой более или менее религиозно образованных людей, стремящихся нести знание своим соотечественникам. Их называют «вахабисты», от вахабитов, последователей одного из самых строгих ортодоксальных направлений в исламе. Вахабисты – в основном молодые люди из интеллигентных и полуинтеллигентных обеспеченных семейств, успевшие совершить хадж и (или) поучиться в одном из многочисленных мусульманских учебных заведений Переднего Востока. В начале 90-х утвердилась мода отправлять сыновей на учебу куда-нибудь в арабские страны. По возвращении на родину молодежь, вкусившая «правильного» ислама, принималась за очищение чеченского. Родственники и соседи с изумлением узнавали, что называть, к примеру, гору «священной» – величайшее кощунство, что поклонение каким-то «своим» местным святым недопустимо, что аргумент «у нас, у чеченцев, так принято» – по сути своей языческий, потому что для мусульманина национальное несущественно, а важно лишь единство верующих перед лицом Всевышнего и т.п.

Слушали вахабистов настороженно и недоверчиво. С одной стороны, чеченцы с пиететом относятся к образованным людям, тем более получившим не какое-нибудь, а «святое» образование. С другой – сама мысль, что старики молились неправильно, а какой-то юнец, проучившись где-то пару лет, будет им объяснять, как правильно, кажется среднему чеченцу дикой.

В знакомой интеллигентной, почти неверующей семье старший любимый сын, умный и способный семнадцатилетний Анзор, замучил родных вахабистскими проповедями. Особенно достается матери: она и одевается не так, и молится неправильно. «Отец не виноват, он вообще не знает Аллаха. А ты знаешь, но все делаешь неправильно, на тебе – грех». Мать только разводит руками: «Кто бы мог подумать? В нашем доме!» И утешает себя: «Все же это лучше, чем наркотики».

Воевали вахабисты отдельным отрядом. Они первыми стали называть свою борьбу джихадом, войной с неверными. Как сочетается джихад с войной за независимость – ведомо только их бессмертным душам. Мне ни разу не удалось получить толкового ответа на этот вопрос. Но во время войны авторитет вахабистов заметно вырос: у них было самое лучшее оружие и самое лучшее материальное обеспечение бойцов. Они практически и не скрывали, что воюют на «саудовские» деньги – в Аравии нашлось немало богатых жертвователей «на священную войну». (Воевали не все вахабисты. Тот же семнадцатилетний Анзор, один из немногих, категорически не принявших дудаевский режим и не сочувствовавших боевикам, был крайне разочарован: как это жители Мекки – можно сказать, святые люди – дают деньги на националистическую войну!) Один чеченский боевик, больше года воевавший в отряде вахабистов, признавался, что «взгляды их совсем не разделяет» и вообще «бегал покурить в другие отряды – вахабисты курить запрещают». Но «воевать лучше там, где денег больше».

ГРОЗНЫЙ: «НИВА» С ПРЕДВЫБОРНЫМ ЛОЗУНГОМ **МОВЛАДИ УДУГОВА**

«Мы – не японцы и не американцы!»

Война превратила ислам в Чечне в мощный политический фактор. Если Дудаев был почти свободен в своих высказываниях по поводу религии и власти, то теперешние лидеры вынуждены произносить обязательные слова о мусульманских корнях нового чеченского государства. Ислам перестал быть для чеченцев просто привычкой, частью обыденной жизни, он превратился в символ. Символ независимости, символ победы правого дела (если бы не помощь Аллаха, как можно было бы победить столь сильного противника?), символ своей непохожести на русских. Предмет чеченской гордости, к примеру, то, как они обращаются с пленными. (В действительности случались и варварские избиения, и голодные смерти, у разных командиров по-разному, но чеченское общественное сознание фиксирует только положительные примеры. Тем более что в российских фильтрационных лагерях случаев нормального человеческого обращения с захваченными чеченцами вообще не наблюдалось.) И милость к побежденным – действительная или воображаемая, и то, как помогали солдатским матерям, и все, что чеченцам в себе нравится, сегодня объясняют приверженностью Аллаху.

Ислам как способ национального самоутверждения помогает справиться с застарелыми национальными комплексами. Чечено-Ингушетия в советские времена была одной из самых отсталых территорий. Это были своего рода аксиомы: чеченцы малообразованны, чеченцы плохо работают на производстве и т.п. Нельзя сказать, чтобы широкие слои чеченского населения так уж рвались учиться в школах и вузах (часто предпочитали покупать диплом) или вкалывать на заводах. Но при этом испытывали некоторый дискомфорт от того, что они «не такие, как положено».

И вот оказывается, национальное величие вовсе не связано с культурой. Оказывается, совсем не нужно мерить себя чуждыми «западными» мерками: образование, технология, демократия. Можно не думать о собственной отсталости, никого не нужно догонять. Достаточно «жить по законам Аллаха».

Из уличных разговоров: «Что могут японцы? Они же многобожники! Подумаешь, телевизоры, видеотехника... Это все сатанинские ценности! А мы построим настоящее исламское государство, и только в нем восторжествует истина». – «Америка? Они могут только завоевывать других, а сами, если хотите знать, живут очень плохо, хоть и богато. Там сплошные преступления, самоубийства, разводы. Они безбожники». – «Этому хваленому Западу неплохо было бы у нас поучиться демократии». Последнее высказывание – уже не с улицы. Оно принадлежит Шамилю Басаеву.

Шариат – это звучит гордо

Дней через десять после восстановления в Грозном ичкерийской власти Яндарбиев подписал указ о введении в действие «шариатского» уголовного кодекса. Кажется, очень немногие читали или хотя бы видели в глаза этот кодекс. Слухи о нем ходили разные и противоречивые. Кто говорил, что его готовили еще при Дудаеве, но началась война и работу отложили. Кто утверждал, что это просто кодекс одной арабской страны, наспех содранный и халтурно переведенный. Рассказывали, что он изобилует разными изуверскими наказаниями, вроде отсечения рук, ног и прочих членов. Успокаивали себя: применить их все равно невозможно, потому что судья будто бы сам должен быть абсолютно безгрешен, а где ж такого найти в наше-то время?

Словом, через неделю действие кодекса было приостановлено новым яндарбиевским указом. Еще недели две продержались наказания палкой. Потом исчезли и они. Вроде были отменены указом. А может, так – сами рассосались. В сегодняшней Чечне даже крупные государственные чиновники не всегда могут уследить за судьбой того или иного президентского указа. А уж исполнять их и вовсе некому. В ноябре Яндарбиев издал, например, указ о немедленном введении во всех чеченских школах курсов чеченской истории, основ ислама и арабского языка. Ну издал и издал. Учителей-то все равно нет.

Прокурор Введенского района до сих пор убежден, что вершит суд по «шариатскому» кодексу. О том, что его действие приостановлено, он и слыхом не слыхивал. Впрочем, жители районных деревень не могут припомнить, чтобы кого-то наказали на «шариатский» манер (палками, правда, били, но мода на них здесь, как и во всей Чечне, быстро про-

ЧЕЧЕНСКИЙ ШАРИАТ В ДЕЙСТВИИ

ЖИЗНЬ ПОЧТИ МИРНАЯ, ПЕЙЗАЖ ПОЧТИ ВОЕННЫЙ

шла) — этот «шариатский» кодекс так же условен, как и власть прокурора в Введенском районе, да и вся чеченская судебная система.

Бывший префект Шатойского района (ныне министр промышленности и энергетики), помнится, тоже с гордостью рассказывал, что на территории своего района «ввел шариат», причем до всякого Яндарбиева, еще в самом начале войны, «сразу как меня назначили». Тогда эти речи казались удивительными: как это можно в приказном порядке «ввести шариат», да еще в одном отдельно взятом районе? Потом разговоры с жителями, и не только Шатойского района, все более или менее прояснили. Под шариатом подавляющее большинство чеченцев подразумевает одну-единственную, простую и донельзя конкретную процедуру: битье палками, в первую очередь за употребление спиртного. Но шариат — сложнейшая, глубоко проработанная правовая система, отвечающая (как и любая правовая система) определенному образу жизни, что делает невозможным внедрение ее декретом.

Лекарство от кровной мести

Кроме национального самоутверждения, есть другая серьезная причина, заставляющая нынешних чеченских политиков обращаться к мусульманским ценностям. Аслан Масхадов както рассуждал вслух: «Если я ставлю пост, охраняющий материальные ценности, или отправляю отряд для ликвидации банды, они должны быть уверены, что защищены от кровной мести. Никакой уголовный кодекс в этом смысле помочь не может. А вот если они исполняют волю Всевышнего, тогда другое дело».

Судебно-правовая система в Чечне почти не работала и при советской власти, при Дудаеве же она развалилась окончательно. Что касается последних двух лет, то о них и говорить нечего. Чеченцы жили по ОБЫЧНОМУ праву в том смысле, что правовой нормой был обычай. Суд и расправу в большинстве случаев творили сами обиженные и их родственники. В последнее время в Чечне обычаи (как говорят мусульмане, «адат») все чаще называют «законами шариата», искренне полагая, что это синонимы. Тот же Шамиль Басаев с большим раздражением говорил, что нечего русским, которые все равно ничего в этом не понимают, искать разницу между законами адата и законами шариата.

Претенденты на президентский пост относятся к идее исламизации Чечни по-разному, в зависимости от личных пристрастий и жизненного опыта. Самый горячий сторонник внедрения ислама в государственную жизнь, пожалуй, Яндарбиев. Хотя и он предпочитает не называть конкретные сроки превращения Чечни в «настоящее мусульманское государство». При этом с вахабистами отношения у него решительно не складываются, видимо, потому, что он сам мнит себя религиозным авторитетом. Вахабисты поддерживают Аслана Масхадова. Впрочем, их влияние в Чечне пока довольно ограниченно — отдельными селами, а то и вовсе большими семьями. Станет ли это движение лидирующим в Чечне или потихоньку сойдет на нет, зависит в том числе и от исхода январских выборов.

Масхадов, равно как и Басаев, признает, что чеченское общество, по крайней мере на сегодняшний день, не готово жить «по законам шариата». Но и тот и другой считают, что к этому идеалу надо стремиться.

Будущему президенту Чечни, кто бы им ни стал, придется столкнуться с рядом дилемм: с одной стороны, все хотят «жить по шариату». С другой — массовые представления о шариате имеют к настоящему шариату очень мало отношения. С одной стороны, едва ли не главная внутричеченская задача — обуздать преступность и сформировать государственную правовую систему. С другой — эта система может функционировать, только если она опирается на обычное право и освящена авторитетом повыше государственного. А что делать с интеллигенцией? Она, если не считать вахабистов, сплошь русифицирована. Уклад, образ жизни семей вузовских профессоров, учителей, врачей — планируемое число детей, работающие жены, обязательное высшее образование для всех детей, включая девочек, — плохо сочетаются с тем, что сегодня в Чечне называют шариатом. Если возвести этот доморощенный шариат в ранг государственной законодательной системы, проблем с интеллигенцией не оберешься.

Независимо от исхода выборов в ближайшие годы Чеченской Республике скорее всего не грозит превратиться ни в «классическое» исламское государство вроде Саудовской Аравии, ни в сугубо светское вроде Турции. Те или иные мусульманские (или квазимусульманские) институты неизбежно будут присутствовать в государственной системе республики. И можно с уверенностью предположить: в чеченском обществе религиозной риторики будет неизмеримо больше, чем подлинного ислама. ■

Закон не пройдет!

Чем демократичнее государство, тем труднее в нем отличить политику от права

Андрей Быстрицкий

КОЛЛИЗИЯ

ВСЕ ПРОИСХОДЯЩЕЕ В ПОСЛЕДНИЕ НЕСКОЛЬко лет в Чечне должно получить юридическую оценку. И хотя многие воспринимают правовые рассуждения на сей счет как пустую казуистику, очевидно, что основательное решение проблемы Чечни вне правовой сферы недостижимо. Все дальнейшее развитие событий в Чечне зависит прежде всего от того, какие правовые решения будут приняты в России сегодня. Ну и, конечно, от того, насколько у российского государства хватит воли и способности эти решения выполнить.

Признание

Самая главная юридическая проблема: независимость Чечни. В правовом отношении обретение независимости Чечней маловероятно. Согласно российской Конституции (ст.65) Чечня — часть России. Процедура выхода из состава Федерации в действующем законодательстве не оговорена. И никакой чиновник никаким соглашением не может подарить Чечне полный суверенитет. Хасавюртовские соглашения — не более чем джентльменское соглашение между обладающими властью людьми, поскольку Конституция России не содержит понятия «отложенный статус». Нет и международно-правовых норм, регулирующих такие ситуации, и хотя существуют интересные прецеденты (Алжир, Гонконг), в каждом конкретном случае вырабатывалось специальное правовое положение.

Другое дело, что Конституция, в том числе и ст. 65, может быть изменена (то есть Чечня может быть исключена из состава Федерации), причем для этого есть три способа. Во-первых, референдум всего населения России (внутричеченский референдум может оказать только моральное влияние на остальных граждан Российской Федерации), поскольку народ имеет право непосредственно управлять страной. При всех издержках такого способа решения проблемы есть в нем и свое изящество. Референдум может придать федеральной власти необходимое ощущение моральной правоты. Во-вторых, есть путь, предусмотренный ст.136 Конституции: одобрение поправки тремя четвертями голосов Совета Федерации, двумя третями голосов Государственной думы и законодательными собраниями двух третей субъектов Федерации. Это сложный и крайне трудноосуществимый способ. Наконец, есть третий вариант. Согласно ст.137 Конституции изменения в ст.65 (то есть в составе Федерации) могут производиться на основании федерального конституционного закона. Такого закона пока нет, но можно было бы принять его и предусмотреть в нем какие-то особые (но не противоречащие Конституции) правила и процедуры выхода субъектов из состава Федерации.

К счастью или к сожалению, но совокупность норм международного права не содержит в себе указаний, при каких обстоятельствах тот или иной этнос может создать самостоятельное государство. Есть, правда, положения, касающиеся случаев преследования народов по этническому или религиозному признаку, то есть в тех случаях, когда культурная автономия и соблюдение прав человека оказываются под угрозой. Но было бы затруднительно доказать, что чеченцев в России преследуют за то, что они чеченцы.

Таким образом, российские власти оказались в тяжелом положении. Признание суверенитета Чечни в каком-либо соглашении означает нарушение Конституции и может повлечь за собой немедленное объявление импичмента президенту. Более того, если Чечня все-таки обретет независимость в результате изменения позиции мирового сообщества, игнорируя российские власти, то это может стоить головы высшим российским чиновникам.

Без границ

Бесконечные заявления лидеров сепаратистов о суверенитете отвлекают внимание от других правовых проблем.

Первая такая проблема — выборы. Сегодня формально-юридически Доку Завгаев — глава Чечни. Итоги выборов главы Чечни 17 декабря 1995 года и парламента республики 16 июня 1996 года признаны Центризбиркомом России. Если, скажем, Доку Завгаев, чья администрация проводила эти выборы, подаст в суд на нынешних лидеров сепаратистов, обвиняя их в насильственном захвате власти, то велика вероятность, что он его выиграет, причем сможет заодно привлечь к ответственности и пособников из Москвы, невзирая на их должности.

К этой юридической проблеме добавляются многочисленные нарушения прав человека в Чечне, заключающиеся в дискриминации так называемого русскоязычного населения, ограничении свобод граждан, отлучении от голосования беженцев, затрудненности контроля за демократичностью голосования, общей атмосфере насилия в республике. Иными словами, легитимность предстоящих выборов может быть легко подвергнута сомнению.

Вторая проблема менее заметна, но весьма существенна. Всем понятно, что на территории Чечни не соблюдаются законы Российской Федерации, нарушается Конституция. Касается это, в частности, проблемы оружия. Множество чеченцев разгуливают с оружием по Чечне — территории России и за это не подвергаются никакому наказанию. Но за подобные же деяния граждане, живущие в других субъектах Федерации, будут справедливо подвергнуты законному преследованию. Возникающая коллизия действует разлагающе. Уже слышны заявления казаков, требующих таких же прав. В общем, если государство не удерживает монополию на насилие (выражение Макса Вебера), оно теряет контроль над социальными процессами, поскольку само существование правового государства немыслимо как без принуждения, так и без признания большинством правомочности такого принуждения.

Иными словами, нарушение законов в Чечне (подобные нарушения есть и в других местах, но не в столь вызывающей форме) приводит к разрушению всей правовой системы в целом, то есть к подрыву основ общества.

Третья проблема — несовпадение норм, установленных в Чечне сепаратистами с международными обязательствами России. Например, при вступлении в Совет Европы Россия приняла на себя обязательство если не отменить вовсе, то хотя бы приостановить исполнение смертной казни. В Чечне же намерены практиковать ее и далее на основе весьма архаичных законов.

Ясность цели

В общем, понятно, что из подобного положения существует только два выхода. Первый сводится к восстановлению законного порядка всеми доступными формами убеждения и принуждения, а второй — к конституционно приемлемому способу предоставления республике (или ее части) независимости.

Не исключено, что все было бы гораздо проще, если с самого начала была бы дана правовая квалификация происходящего в Чечне. До сих пор непонятно, что же в ней происходит: массовые беспорядки с применением оружия, вооруженный мятеж или национально-освободительная революция. И дело здесь даже не в соответствии этих понятий Уголовному кодексу или международным правовым актам. Существо дела в другом: ничего нельзя сделать с явлением, у которого нет имени. И, может быть, одна из главных задач российского общества сегодня — определить и оценить без предвзятости происходящее в Чечне и понять, чего же она хочет.

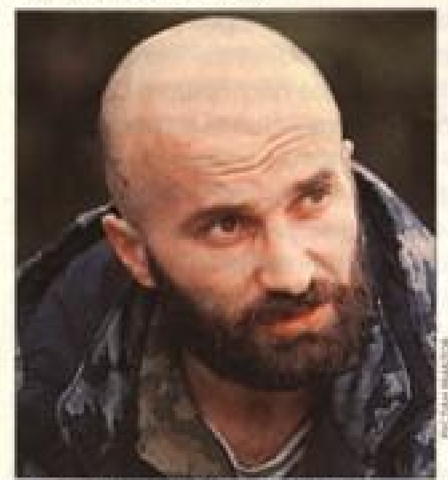
И потому, как ни странно, может быть, нынешняя российская власть поступает разумно. Пока что она своими действиями — то есть способностью избегать всякой правовой определенности — оставляет открытыми самые разные пути развязывания чеченского узла. ■

Накануне первого тура

Исход президентских выборов в Чечне скорее всего решится не 27 января, а уже в феврале, в ходе второго тура. Однако первый тур неизбежно выявит расстановку сил в республике. Пока отчетливо просматриваются пять претендентов, которые могут выйти на финишную прямую

Аслану Масхадову на выборах больше всего мешает плохо скрываемое сочувствие Москвы. Это заставляет его с особенным нажимом называть себя сторонником чеченской национальной независимости. В действительности из всех претендентов Масхадов — самый приземленный прагматик. Еще на переговорах в 1995-м он произнес как-то, что, ознакомившись с татарстанской конституцией, не видит никаких препятствий для заключения российско-чеченского договора по татарстанскому образцу.Масхадов — один из самых решительных сторонников светского государства, однако он охотно использует в предвыборной борьбе поддержку религиозных авторитетов и готов апеллировать к исламским ценностям для наведения порядка. Ему отдадут голоса бывшие «завгаевские» районы и большинство неполитизированного населения, в первую очередь люди средних лет и женщины. Последнее обстоятельство не в пользу Масхадова. На выборы в Чечне чаще приходят главы семей с паспортами своих домочадцев и голосуют сразу за всех.

Шамиль Басаев в последние недели стремительно набирает очки. Когда российский Генеральный прокурор заявляет по ОРТ, что следственное дело террориста Басаева в любом случае будет доведено до конца, басаевский рейтинг в Чечне скачкообразно вырастает. Его популярность связана с надеждами чеченцев на «сильную руку», которая будто бы только и может обуздать преступность и навести порядок. Всем памятно, что в отрядах Басаева царила железная дисциплина, наркоманов там не терпели, а мародеров, случалось, даже расстреливали.Любимая идея Басаева — независимая ни от кого («турецкий шовинист так же неприемлем, как русский») Конфедерация народов Кавказа с включением в нее казачьих областей: Ростовской, Ставропольской и Краснодарской. Однако возобновлять войну с Россией Шамиль не намерен, хотя и полный разрыв российско-чеченских отношений, почти неизбежный в случае его избрания, его нисколько не смущает. Он, как и Масхадов, не сторонник перехода к исламской республике сразу после выборов. Наибольшей любовью Басаев пользуется у радикально настроенной молодежи. Кроме того, за него проголосуют, независимо от возраста, многие боевики, почти все село Ведено и большая часть Веденского района.

Зелимхан Яндарбиев ведет свою предвыборную кампанию с нарастающей нервозностью. Он первым из претендентов позволил себе откровенно недружественные действия в отношении конкурента, отстранив всех масхадовских людей от занимаемых должностей. При этом преданные ему государственные чиновники используют служебное положение для агитации. Все это не добавляет народных симпатий нынешнему чеченскому президенту. Впрочем, Яндарбиев никогда не был особенно популярен. Да сколько-нибудь яркий харизматический лидер и не мог бы ужиться рядом с Дудаевым. Главная ставка Яндарбиева в нынешней избирательной кампании была на договоренность о едином кандидате. Этим «единым» с высокой вероятностью должен был бы оказаться Яндарбиев как слабый лидер, позволяющий сохранить коалиционный характер власти в стране. Яндарбиев до сих пор сохраняет надежду, что такое соглашение состоится. Однако теперь основные его надежды — на то, что преданные ему люди в Центризбиркоме и в региональных комиссиях посчитают «как надо». Ему, несомненно, отдаст свои голоса большая часть политической элиты с семьями. Он может также рассчитывать на поддержку известной части умеренно настроенных боевиков.

Мовлади Удугов еще недавно воспринимался в Чечне как ближайший единомышленник и правая рука Аслана Масхадова. Многие поначалу восприняли его самостоятельное участие в выборах как политическую игру и полагали, что ближе к 27 января он снимет свою кандидатуру в пользу Масхадова. Однако Удугов повел свою кампанию настолько активно и успешно, что сегодня уже мало кто сомневается: он будет баллотироваться сам. При Дудаеве Удугов занимал достаточно скромную должность — министра печати и информации. Но с первых же дней дудаевского правления, еще до президентских выборов, о Мовлади говорили как об одном из влиятельнейших лиц дудаевского окружения. Удугов, пожалуй, единственный сохранившийся с тех времен заметный политик. Он обладает редкими среди чеченских лидеров качествами — организован, грамотен, деловит. В отличие от Масхадова или Басаева Удугов с удовольствием и вкусом предается аппаратной политической игре; но и в публичной политике чувствует себя уверенно. Очевидцы свидетельствуют, что удуговская избирательная кампания спланирована и проведена лучше всех. Все же маловероятно, чтобы Мовлади удалось обойти Масхадова и Басаева, хотя с Яндарбиевым ему впору потягаться. Скорее всего будущий чеченский президент, кто бы им ни стал, постарается сохранить Удугова в числе своих ближайших союзников. Удугов играет на том же электоральном поле, что и Масхадов, отбирая голоса у своего недавнего соратника: его считают умным прагматиком, последовательным сторонником независимости, склонным при этом договариваться со всеми, в том числе и с Россией.

Ахмет Закаев — еще один претендент на масхадовский электорат. Бывший актер Грозненского драматического театра стал министром культуры в правительстве Дудаева осенью 1994 года, когда в воздухе уже пахло войной и кое-кто из недавних приверженцев Джохара поспешил выправить себе длительный зарубежный вояж. Про Закаева в Чечне говорят с уважением: он пришел не хапнуть кусок пожирней и смыться, а сражаться за независимость. Мало кто из чеченских лидеров может похвастаться столь безупречной репутацией, как Закаев: его называют и «неподкупным», и «отважным», и «культурным». У него нет явных противников — даже в ходе избирательной кампании ни один из конкурентов не сказал о нем дурного слова. Во время войны он приобрел славу талантливого и любимого бойцами полевого командира, в Назрани стал вторым после Масхадова идеологом переговорного процесса. Ахмет — любимец российских и западных журналистов. Он легко идет на контакт, его речь логична, позиция всегда аргументированна. И все же у Закаева не больше шансов когда-либо стать президентом Чечни, чем у Гайдара президентом России. Даже у себя на родине, в Урус-Мартане, Закаев рискует не набрать большинства. Чеченское массовое сознание требует более жестокого, «крутого» президента. ■

Не ружьем, так рублем

В Москве готовы ужиться с любым чеченским президентом, кроме Басаева

Дмитрий Пинскер

СТРАТЕГИЯ

ИВАНУ РЫБКИНУ ДОВЕРЯЮТ И ЛИДЕРЫ СЕПАРАТИСТОВ. ДОВЕРЯЮТ И В КРЕМЛЕ. ВЕРЯТ СЕКРЕТАРЮ СБ И МИРНЫЕ ЖИТЕЛИ

Чем ближе президентские выборы в Чечне, тем сильнее российских политиков мучит вопрос: а за что воевали? Ведь в итоге пришлось смириться с тем, что сторонники независимой Чечни вновь станут у власти после выборов. Единственное отличие — отсутствие на Северном Кавказе живого Джохара Дудаева.

В некоторых властных кабинетах можно, впрочем, услышать и такой довод в свое оправдание: если бы не война, чеченцы даже не стали бы разговаривать с Москвой. Аргумент, прямо скажем, слабый, поскольку никто не застрахован от того, что к 2001 году, когда придет время окончательно определяться со статусом, чеченские лидеры не взбрыкнут опять. Нет тем более никаких гарантий, что бывшие полевые командиры спустя сутки после голосования не пошлют Москве решительное «Прощай!» и не призовут мировое сообщество признать их республику независимым государством.

Что делать в этой ситуации в российской столице, похоже, не очень представляют. И просто предпочитают на эту тему не думать вовсе. Да и в принципе о Чечне стараются не думать, издали наблюдая за действиями секретаря Совета безопасности и его команды.

Примечательно, что подобное положение вполне устраивает Ивана Рыбкина. По словам сотрудников аппарата СБ, позиция их шефа проста: чем меньше российские политики обсуждают чеченский вопрос, чем меньше они в публичных дискуссиях препарируют чеченских кандидатов, замеривая их потенциальную промосковскость, тем лучше.

Преференции

«Я не думаю, что нам сейчас нужно обсуждать, кого же изберет чеченский народ в свои лидеры» — это типичный ответ Ивана Рыбкина на типичные вопросы о том, какой кандидат имеет наибольшие шансы на успех или кому российская сторона желает победы. При этом он, как и многие в президентском окружении, прекрасно понимает, что любая, пусть косвенная поддержка одного из кандидатов Москвой аукнется этому самому кандидату потерей голосов.

И не случайно Аслан Масхадов почти полностью отказался от контактов с российскими СМИ. С этим же связана и некоторая пауза в поездках Рыбкина в Чечню (всю необходимую информацию он может получать от своего заместителя Бориса Березовского, который, по нашим сведениям, ездит в Чечню значительно чаще, чем об этом официально сообщается).

Однако при всяческом стремлении скрыть свои симпатии к кандидатам в чеченские президенты хорошо известно, что для Москвы Масхадов не просто приемлемая, но и наиболее удобная для дальнейшей совместной жизни фигура. Российские политики и аналитики полагают, что бывшего начальника штаба всех дудаевских формирований готова поддержать значительная часть населения Чечни (утверждается, что Масхадов особенно популярен в северных районах), а также большинство беженцев. И потому не случайно то упорство, с которым, в частности, секретарь СБ настаивает на активном участии трехсот пятидесяти тысяч беженцев в голосовании. По информации из источников в Совете безопасности, усилиями Рыбкина ингушское и дагестанское руководство пообещало бесплатно выделить автобусы, дабы беженцы смогли въехать в республику и проголосовать.

Надо отдать должное позиции Кремля, который хоть и ставит на Масхадова, тем не менее готов сосуществовать с любым президентом Чечни. Исключение составляет только Шамиль Басаев. По нашим данным, Москва готова терпеть его на любом республиканском посту, но с победой на выборах никогда не согласится и подобные итоги голосования не признает ни за что. Как утверждают источники в Совбезе, чеченцы, и в том числе и сам Басаев, хорошо осведомлены об этой позиции.

Автомобиль не роскошь, а гарант мира

Независимо от исходов голосования 27 января, Кремль уже давно занимается разработкой плана дальнейших действий на Северном Кавказе. Возможно, подробная программа будет обнародована на очередном заседании СБ сразу после выборов. Впрочем, экономическая составляющая уже хорошо известна: восстановление и развитие нефтехимического комплекса, а также производства стройматериалов. При этом главный упор предполагается сделать именно на стройиндустрию, что, по мнению секретаря Совбеза, позволит не только удешевить восстановительные работы, но и реализовать идею Березовского.

Заместитель секретаря СБ почти с самого своего назначения активно пропагандирует идею открыть в Грозном автозавод, работающий по принципу «отверточной» сборки. Замысел прост: у простых чеченцев появится работа, у местных начальников — возможность зарабатывать большие деньги, а у Москвы — дополнительный рычаг давления. Чуть что не так — прекращается поставка комплектующих. И вся любовь.

Что до политических шагов, то скорее всего новому чеченскому лидеру будет предложено внимательно изучить договор о разграничении полномочий между Федерацией и Татарстаном, а также статус ингушской свободной экономической зоны. По словам экспертов, возможно не только простое соединение этих двух документов в будущем соглашении, но и предоставление республике дополнительных прав. При этом наши собеседники в аппарате СБ особо отмечали, что чеченцам очень не нравятся слова «зона» и «режим». И они в дальнейшем будут стараться избегать подобных лагерных ассоциаций. ■

Роковое влечение

Россия обошлась бы без Чечни. Если бы Чечня могла обойтись без России

Андрей Серов,
Таисия Кислицина

ТРУБА

О ТОМ, ЧТО НЕФТЯНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ИГРАЮТ В чеченской войне едва ли не главную роль, писано уже многократно. Почти столько же написано опровержений, исходящих из постулата «не хлебом единым» и указывающих на политические, религиозные, этнические и прочие причины конфликта. Не пытаясь их оспорить, можно тем не менее уверенно утверждать, что нефтяной вопрос весьма и весьма существен для всей этой истории. Более того, вряд ли будет неправомерным взгляд на трубопровод как на главнейшую из материальных ценностей, за которые сражаются в северокавказской республике. Действительно, события последних дней, связанные с проектом транспортировки азербайджанской нефти с каспийского шельфа, если не полностью объясняют, то по крайней мере помогают понять нынешнюю и прошлую политику Москвы по отношению к восставшей республике.

«К себе»

Прибывший в начале января в Баку с российской правительственной делегацией заместитель министра топлива и энергетики Анатолий Шаталов заявил, что Россия готова выполнить свои договорные обязательства по транспортировке ранней (добываемой первичными методами разработки и, как правило, залегающей в верхних слоях месторождения) азербайджанской нефти. Нефть эту скоро начнут добывать на шельфе Каспийского моря силами международного консорциума, в который входят зарубежные нефтяные гиганты, в том числе английская компания British petroleum, американские Amoco и Exxon, саудовская Delta, азербайджанская ГНКАР, а также российская ЛУКОЙЛ. Созданная консорциумом для координации проекта Азербайджанская международная операционная компания (АМОК) заключила для перекачки первой нефти соглашение с российским правительством, которое поручило заниматься этим компании Транснефть, владеющей всеми трубопроводами на территории России. Транснефть, хоть и акционирована, но безраздельно принадлежит государству.

Подразумевалось, что добытое на Каспии сырье погонят по уже существующей трубе через Дагестан, Чечню, Кабардино-Балкарию, Ставропольский и Краснодарский края в Новороссийск, где его будут грузить в морские танкеры (см. карту). Причем соответствующее соглашение было заключено в январе 1996 года, в самый разгар боев за Грозный.

С тех пор конституционный порядок в республике навести не удалось, но хотя бы бои прекратились. Это обстоятельство, видимо, дает основание России заявлять о готовности выполнить свои обязательства. Но почти одновременно с оптимистической реляцией г-на Шаталова появилось заявление чеченской нефтяной компании ЮНКО, которая считает чеченский участок трубы своим. ЮНКО сообщила, что в ходе состоявшихся в конце декабря в Москве переговоров с Минтопэнерго и Транснефтью договоренность о его эксплуатации не достигнута.

В распоряжении «Итогов» находятся материалы официальной переписки, которые подтверждают наличие на чеченском участке трубопровода труднопреодолимых проблем. Он сильно поврежден в результате боевых действий и многочисленных кустарных «подключений» к трубопроводу, которые трудолюбивые чеченцы проделали, пока в трубе еще была нефть. Транснефть готова заняться ремонтом. Но ЮНКО, хотя и считает трубу своей, не желает взять на себя расходы — даже с рассрочкой уплаты. Деньги у Транснефти, возможно, и нашлись бы, но ремонтировать неизвестно кому принадлежащий объект на неизвестно каких условиях компания не хочет. Тем временем Азербайджан подал заявку на прокачку нефти в феврале текущего года. Нетрудно догадаться, что в следующем месяце Россия не сможет выполнить свои договорные обязательства.

Стало быть, после всех войн и перемирий с трубопроводом все равно ничего не получается. Может быть, правы критики материализма и нефть вообще ни при чем? Вряд ли. Если ранняя нефть действительно не способна принести больших барышей (в 1997 году планируется прокачать всего 2 миллиона тонн, за что Россия должна получить лишь немногим более 32 миллионов долларов), то в 2000 году объем прокачки предполагается довести до 15 миллионов тонн (240 миллионов долларов) с дальнейшим его наращиванием. Кроме месторождений, по которым соглашения уже заключены, в обозримом будущем, видимо, будут задействованы и другие. Упустить такой шанс России вряд ли позволительно. А угроза переориентации международного консорциума на другие маршруты — самая что ни на есть реальная. У АМОК уже заготовлены два запасных варианта: один — через Грузию, другой — через Турцию. Оба проекта требуют дополнительного довольно масштабного строительства. Причем и в этих случаях труба ляжет не в самых спокойных регионах (например, вдоль Карабаха). Но если Чечня станет непреодолимым препятствием, один из запасных вариантов скоро может стать основным.

«От себя»

Нормальные герои всегда идут в обход. Если не удается договориться с Чечней, России, чтобы не потерять шанс на транспортировку каспийской нефти, следовало бы, наверное, задуматься над строительством обходной ветки. Официально Минтоп и Транснефть всегда заявляли, что такая возможность даже не рассматривалась. По нашей информации, соответствующие расчеты были произведены. Вообще говоря, абсурдно скрывать этот факт. Зачем тогда вообще управлять компанией, если не рассматривать альтернативные возможности?

Возможностей обхода две. Во-первых, можно построить ветку севернее Чечни — по Дагестану и Ставропольскому краю. Во-вторых, можно по территории того же Дагестана достроить трубу до места, откуда к Новороссийску пойдет линия Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) — другого крупнейшего нефтяного проекта в регионе («Итоги» № 9). Оба альтернативных варианта дороже ремонта чеченского участка, который обошелся бы, по приблизительной оценке, в 55 миллионов долларов. Стоимость обходной ветки составит свыше 200 миллионов. Подводка к КТК, возможно, стоила бы несколько меньше, но тогда пришлось бы ждать, пока КТК построит свою линию. Согласится ли ждать АМОК — большой вопрос.

Вполне вероятно, что АМОК все-таки набралась бы терпения. Транснефть взяла бы кредит, построила обходной путь и через несколько лет окупила все затраты. Все бы хорошо, но возникает вопрос: что будет делать Чечня? Вряд ли она безропотно снесет потерю своей доли в доходах от прокачки. Собственной нефти у республики так мало, что не удастся даже загрузить Грозненский нефтеперерабатывающий завод. Что будут делать чеченцы, глядя на нефть, текущую мимо них? Приходится опасаться, что новую трубу охранять было бы ничуть не проще, чем уже существующий чеченский нефтепровод.

В этом обстоятельстве видится главное препятствие, не позволяющее решить задачу, применяя чисто экономический инструментарий. Транснефть вряд ли может отказаться от партнерства с ЮНКО, которое с технологической и финансовой точек зрения не представляется неизбежным. И вся эта ситуация сильно напоминает сюжет известного голливудского триллера, в котором случайное увлечение женатого мужчины стало роковым, поскольку любовница, не желавшая прекращать порочную связь, поставила под угрозу жизнь всей семьи.

Судьба проекта будет сильно зависеть от предстоящих в Чечне выборов. Для защиты российских экономических интересов необходимо, чтобы в республике был избран человек, с которым возможно договориться надолго и всерьез. Поскольку в соглашении России с АМОК цена услуг по транспортировке зафиксирована жестко — 15,67 доллара за метрическую тонну, Транснефти необходимо заключить аналогичный договор с ЮНКО, включив в него неизменный тариф. Любое его повышение чеченской компанией (через месяц, год или пять лет) будет автоматически означать убытки для российской стороны. Такое положение предоставляет Чечне широкие возможности шантажировать Москву по любому поводу. С другой стороны, нестабильность нефтетранспортного бизнеса вряд ли окажется выгодной и для будущего президента Чечни. Любому герою будет очень трудно удержать власть, если республиканский бюджет лишится поступлений за транзит нефти. ■

Армия, раздавленная политикой

Восстановить конституционный порядок силой невозможно в принципе

Александр Гольц

ПОРАЖЕНИЕ

В ГОРАХ ЧЕЧНИ И НА УЛИЦАХ ГРОЗНОГО БЫЛО с полной очевидностью продемонстрировано то, о чем после Афганистана, Нагорного Карабаха, Тбилиси, Баку и Вильнюса мы только догадывались. Армия, считавшаяся «непобедимой и легендарной», таковой быть перестала. Нынешний российский офицерский корпус, от генерала до лейтенанта, знает только поражения. При том, что эти люди умеют побеждать и побеждали вопреки всему. Но всякий раз цепь тяжелых кровавых победных операций заканчивалась одним и тем же: бесславным уходом с потерянной навсегда земли.

Русские разучились воевать?

В чем же причина того, что русские, вопреки мнению поэта, разучились воевать? Во всяком случае, не в происках ЦРУ. И даже не в ставшей притчей во языцех армейской нищете. Хотя, конечно же, Вооруженные Силы России неизмеримо беднее тех, что были во времена Советского Союза. Чеченская трагедия показала всему миру, что представляет собой армия, сидящая на голодном пайке. Это плохо подготовленные специалисты, которые по идее должны составлять элиту Вооруженных Сил: летчики, артиллеристы, воздушные десантники. Это совершенно недостаточное обеспечение современной боевой техникой (той самой, что способна наносить «точечные», «хирургические» и какие там еще удары). Это практически полное отсутствие полномасштабных учений (солдаты в основном заняты охраной военных объектов и поддержанием их в рабочем состоянии) и, как результат, отсутствие элементарной выучки.

Все так. Но тот, кто более или менее знаком с жизнью Вооруженных Сил, знает: эти проблемы стояли перед армией (пусть не столь остро) и во времена, когда Запад готовился отбиваться от советских танковых колонн.

Главная причина поражения в Чечне не в этом. А в том, что армию заставили вести боевые действия, изначально обреченные на провал. Два с лишним года назад Ельцин повторил роковую ошибку Брежнева и Горбачева, которые видели в самом факте посылки войск в Афганистан ли, в Нагорный ли Карабах окончательное решение политической проблемы. Армии отводилась роль фуражки капитан-исправника, каковую тот посылал, дабы привести в трепет взбунтовавшихся крестьян. Однако по недоступным для понимания Кремля причинам бунтовщики в трепет от одного вида танков не приходили. Началась война, и московские начальники уже в разгар боевых действий судорожно пытались перевести свои туманные политические цели на язык военных приказов.

С этой точки зрения чеченская операция стала квинтэссенцией всех прежних глупостей. Перед военной группировкой не поставили задачу, используя превосходство в технике, в первые же часы уничтожить боевые силы противника. Вместо этого армейским колоннам было приказано, не вступая в боевые действия, окружить Грозный и, изолировав «подрывные» или «преступные» элементы, затем их разоружить. Идея восстановления посредством военной силы конституционного порядка на практике означала то, что на армию в очередной раз возлагалась абсолютно несвойственная ей задача — привить населению другую систему ценностей. Иными словами, принести счастье на штыках. Но, как еще в прошлом веке замечал один ехидный политик, штык многое может, но сидеть на нем неудобно. Еще менее годится он для того, чтобы нести благоденствие.

В современную эпоху, после второй мировой войны, операции, в которых регулярным войскам противостоят массы, готовые умереть, но не подчиниться, не удавались нигде и никому. Ни в Алжире, ни во Вьетнаме, ни в Курдистане, ни в Афганистане, ни в Сомали. И дело здесь отнюдь не в стратегических просчетах или недостаточной подготовке войск (никому ведь в голову не придет говорить о недостаточном профессионализме рейнджеров или морских пехотинцев США). Просто вступающие в противоборство стороны изначально имеют диаметрально противоположные представления о методах ведения войны.

Те, кто отражает вторжение, будь они десять раз преступники, считают, что, раз они воюют на своей земле, за «святое дело», хороши все средства — даже ведущие к массовой гибели соотечественников, даже квалифицируемые как военное преступление. Другая же сторона оправдывает свои действия тем, что она несет мир и законность. Поэтому армейские командиры знают: жертвы не только среди солдат, но и среди мирного населения будут поставлены им в вину. И когда ход боевых действий заставляет прибегать к мощному оружию отнюдь не избирательного действия (командиру попавшего в окружение батальона ничего не остается, как требовать авиационную поддержку), все понимают: происходит нечто преступно-бессмысленное. Ибо по меньшей мере бессмысленно утверждать, что несешь мир и законность людям, гибнущим под твоими же бомбами.

Все эти два с половиной года казалось, что группировка федеральных сил попала в любимую писателями-фантастами «петлю времени». Наши солдаты не случайно раз за разом штурмовали одни и те же города и поселки. Сепаратисты терпели военные поражения: в Грозном, Бамуте, Ведено, десятках других мест, но победы федеральных войск уходили в песок из-за того, что никто так толком и не мог сказать, как использовать эти победы в целях пресловутого «восстановления конституционного порядка».

Готовились к другим боям

Попытка решить чеченскую проблему военным путем была похожа на попытку носить воду с помощью лопаты. К тому же по ходу дела выяснилось, что и лопата была дырявой... С военной точки зрения это был локальный конфликт, то есть, как утверждает российская военная доктрина, наиболее вероятный из всех в принципе возможных. И вот как раз к таким конфликтам Российская армия оказалась абсолютно не готова.

Когда президент принял решение о проведении военной операции, выяснилось, что на все Вооруженные Силы есть всего три-четыре соединения, способные, что называется, «с колес» вступить в бой. Пришлось формировать группировку из сводных полков, которые собирали по всем военным округам и флотам.

По утверждению генерал-полковника Анатолия Головнева, формировавшего эти полки и бригады из подразделений, спешно перебрасывавшихся в Моздок, на их подготовку у него было 5—8 суток. Это при том, что некоторые части были кадрированными, то есть без рядового состава. В интервью «Красной звезде» Головнев не скрывал: командиры и подчиненные не успевали до боя даже запомнить друг друга в лицо. О какой слаженности в таких условиях вообще могла идти речь!

В ходе боевых действий, считают многие эксперты, командование федеральной группировки неоднократно теряло управление войсками. Достаточно вспомнить «новогодний» штурм Грозного, гибель Майкопской бригады. Штабы и войска просто не обладали необходимыми навыками взаимодействия в боевых условиях. То, что потери как феде-

ИМ ОТДАВАЛИ ПРИКАЗЫ, КОТОРЫЕ ВЫПОЛНИТЬ НЕВОЗМОЖНО

АРМИЯ УХОДИТ, ОСТАВЛЯЯ РАЗВАЛИНЫ И УНОСЯ ГОРЕЧЬ ПОРАЖЕНИЯ

ральной группировки, так и мирного населения были столь значительны, связано главным образом с тем, что войска учились воевать на поле боя. Когда же солдаты и офицеры усваивали науку войны, у первых кончался срок действительной службы, а у вторых — срок командировки. И «процесс обучения» на крови начинался с нуля.

Военные упорно твердят, что все дело в нищенском содержании армии, в том, что последние годы все свои ресурсы Вооруженные Силы тратили исключительно на выживание, а отнюдь не на боевую подготовку. Мол, армия постоянно не добирает необходимого количества призывников, и поэтому у нее не было возможности создать специальный центр для подготовки солдат, как в период афганского конфликта.

Но существует и иная точка зрения. Все произошедшее — прямое следствие того, что российские Вооруженные Силы остаются массовой армией, формируемой на основе призыва. В результате даже из состава Воздушно-десантных войск, вроде бы специально предназначенных для экстренных действий, можно было использовать лишь около трети. Кто-то ведь должен обучать только что призванных, кому-то скоро увольняться в запас.

Кстати, именно стремлением резко повысить мобильность вооруженных сил французские стратеги, например, объясняют недавнее решение о резком сокращении численности вооруженных сил. В каждом полку сейчас, отмечают авторы французской реформы, боеготово и способно к немедленной переброске не более трети личного состава. Остальные две трети находятся на разных стадиях боевой учебы. Поэтому на то, чтобы сформировать из набранных в разных полках военнослужащих полностью боеготовые части, отработать взаимодействие между ними, требуется уйма времени. В случае возникновения кризиса это, естественно, не позволяет оперативно развернуть войска для переброски на значительное расстояние.

Заметим, что показатели боеготовности французской армии, столь, казалось бы, не похожей на нашу, соответствуют российским. Из чего следует, что все армии, формируемые по призыву, имеют одинаковые родовые признаки.

Но если так, причина низкой эффективности Российской армии кроется не только в недостатке средств. Дело прежде всего в том, что даже эти ничтожные средства распылялись на армию явно избыточную, расходовались неэффективно.

Война после войны

К сожалению, с выводом войск проблема Чечни не исчезает. Вне зависимости от того, какое будущее ждет эту республику, Россия на длительный период получает мощнейший источник нестабильности и всевозможных кризисов. Возможны и набеги формирований чеченцев на сопредельные районы России, и повторение трагедий Кизляра и Буденновска.

И здесь у власть предержащих вновь на рефлекторном уровне возникает желание дать военный ответ на такие угрозы. На это, в частности, указывает то, что ряд выводимых из Чечни соединений размещают в прилегающих к ней районах. И снова никто, судя по всему, ясно не понимает, чем эти войска должны заниматься.

Не исключено, что Москва в какой-то момент вознамерится тем или иным способом надежно отгородиться от Чечни. Но в таком случае она должна отдавать себе отчет в том, сколь велики финансовые и политические издержки такого решения. Мало того, что обустройство одного километра границы по «советскому варианту» требует больше миллиарда рублей. Несомненно, что попытка изолировать от Чечни соседние северокавказские республики и прежде всего Ингушетию вызовет новый жестокий конфликт.

Даже если это не будет прямо объявлено, очень похоже, что непростую задачу по обеспечению безопасности Северного Кавказа возложат на армию де-факто. Попытаться «прикрыть» чеченскую границу с помощью оперативных маневренных групп, имеющих поддержку с воздуха, в принципе можно. И на первый взгляд Северо-Кавказский военный округ, располагающий, по данным экспертов, 60 тысячами солдат и офицеров, почти 400 танками, 60 боевыми вертолетами, почти 200 боевыми самолетами, способен обеспечить защиту прилегающих к Чечне территорий. Однако для этого необходимо серьезно изменить дислокацию его соединений. Трудности, которые возникли с размещением в Ставрополье выведенных из Чечни войск, показывают, что для российского правительства это сейчас практически неразрешимая задача.

Необходим также совершенно иной уровень взаимодействия силовых ведомств. По сути дела, назрела необходимость в создании единой структуры на Северном Кавказе, включающей чисто армейские формирования, территориальное МВД, службу ФСБ и пограничные части. Иначе российские силовые министерства будут, как и во время войны, тратить силы на выяснение того, по какому собственно ведомству должна эта Чечня проходить.

Так или иначе, но Москва в свое время явно переоценила возможности военной силы при решении чеченской проблемы. Повторять эту ошибку не стоит. ■

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Каждый со своей ложкой

Вне России Чечня всем видится по-разному

Евгений Пахомов

КАВКАЗСКАЯ КУХНЯ

Отношение внешнего мира к событиям в Чечне сформировалось не сразу, претерпевая эволюцию по мере развития конфликта. Симпатий России они, конечно, не добавили, но в целом, особенно на начальном этапе, все происходящее воспринималось как внутреннее дело Российской Федерации. Столь осторожная реакция ведущих демократий Запада была обусловлена тем, что они, как известно, считают принцип территориальной целостности приоритетным перед правом наций на самоопределение. Кроме того, для большинства из них сам факт существования Чечни оказался настоящим географическим открытием.

В то же время в ряде республик бывшего СССР и стран распавшегося соцлагеря штурм Грозного вызвал резко негативную реакцию. Студенты в Праге проводили демонстрации протеста у российского посольства, в польском Кракове открылось представительство чеченского информационного агентства, в Чечне появились боевики из числа украинских националистов, некоторые эстонские депутаты требовали незамедлительно признать независимую Ичкерию. Но эти действия, очевидно, были в большей степени продиктованы антироссийскими настроениями, чем исходили из реального понимания того, что происходит на Кавказе.

Не слишком включились в чеченскую ситуацию и «братья по вере» — мусульманские государства. Во всяком случае официально, кроме общих высказываний об озабоченности происходящим, никаких действий не последовало, несмотря на активное использование мусульманской риторики лидерами сепаратистов.

Правда, консультант по внешнеполитическим вопросам российского МИДа Борис Колоколов недавно заявил Интерфаксу, что в Чечню течет поток долларов из Турции, Саудовской Аравии и некоторых других государств. Однако он не мог не признать, что эта помощь — инициатива частных лиц, а не правительств этих стран. В исламском мире немало состоятельных людей, считающих своим религиозным долгом предоставление финансовой поддержки мусульманским движениям.

Чечня не стала «вторым Афганистаном». Если там, в предгорьях Гиндукуша, можно было встретить борцов за веру из самых разных мусульманских регионов, от Магриба и Ближнего Востока до Ирана и Пакистана, то в Чечне список иностранных боевиков и мест, откуда они прибыли, окажется гораздо скромнее.

Плечом к плечу с чеченскими сепаратистами сражались в основном выходцы из стран, где многочисленны так называемые черкесские общины, появившиеся там еще в прошлом веке в результате первой кавказской войны России. Прежде всего это Иордания, Сирия и Турция. Отмечены были также члены некоторых радикальных международных исламских организаций, таких как «Братья-мусульмане».

Главное отличие Афганистана в том, что он был местом столкновения двух противоборствующих систем. Лагеря моджахедов патронировались не только и не столько соратниками по вере, сколько военспецами из США и НАТО. На последнем этапе афганской войны в руках у «воинов ислама» оказались даже «Стингеры», по тем временам — оружие последнего поколения. Кроме того, в Афганистане столкнулись интересы ряда стран Азии. Пакистану, Ирану, Саудовской Аравии и сегодня отнюдь не безразлично, кто стоит у власти в Кабуле.

Маленькая Чечня, упорно и навязчиво декларирующая свою «исламистость», оказалась в стороне от главных азиатских котлов и перекрестков. К тому же за долгий период пребывания в составе сначала Российской, а затем и советской империи она выпала из мусульманского мира, перестала восприниматься его составной частью.

Похоже, для многих мусульманских государств политические интересы, отношения с Россией оказались важнее, чем призывы помочь сепаратистски настроенным «братьям по вере». В отличие от мусульманской Боснии, события в которой затрагивали интересы многих влиятельных участников мировой политики, Чечня для большей части мира за пределами России и Кавказа была слишком далека и непонятна. Однако на самом Кавказе чеченский, или, если угодно, ичкерийский, фактор еще долго будет одним из определяющих.

Кроме России и кавказских республик бывшего СССР, важный политический игрок, который всерьез считается с этим фактором, — мусульманская, но светская Турция. Наследница Османской империи — традиционного соперника Российской империи на Кавказе, — она имеет здесь свои жизненные интересы. Поначалу из уст некоторых турецких политиков даже раздавались призывы вмешаться в армяно-азербайджанский конфликт. Однако сегодня Анкара предпочитает не играть военными мускулами, делая ставку на расширение своего политического и экономического присутствия.

Как будет развиваться послевоенная Чечня — вопрос уже не столь отдаленного будущего. Новому чеченскому руководству, перед которым теперь стоят иные, созидательные задачи, придется выбирать собственную модель развития. Анкара уже готова предложить свою. ■

НОВАЯ ИЧКЕРИЯ НА РУИНАХ СТАРОЙ ЧЕЧНИ

Один к десяти

Может ли архаичное общество перепрыгнуть пропасть, отделяющую его от остального мира? В природе чудес не бывает, но в новейшей истории они иногда случаются

Дмитрий Мосяков,
Сергей Строкань

МОДЕЛИ

БАМБУКОВЫЕ ХИЖИНЫ С ЧАДЯЩИМИ КЕРОсиновыми лампами, ослы и буйволы как средство производства и передвижения, хлеб и рис по карточкам — такими были многие восточные страны еще каких-то несколько десятилетий назад. Когда сегодня подлетаешь к Сеулу, Тайбэю, Сингапуру, Бангкоку и другим мегаполисам Азии, где на месте недавних болот и джунглей высится лес небоскребов, опоясанный пестрыми лентами хайвэев, понимаешь, что определения «японское», «корейское», «тайваньское» или какое-то другое «азиатское чудо»— вовсе не преувеличение. О голоде, разрухе, отсутствии элементарных товаров помнят лишь представители старшего поколения. У молодых людей другие проблемы — в свободное от работы время они спорят о том, какой мотоцикл выбрать и в чем преимущество светлого пива над темным. Проблему нехватки товаров сменила проблема перепроизводства — магазины ломятся от товаров, и распродажи идут на вылизанных до блеска тротуарах. Люди, спешащие на работу в час пик, движутся, как детали механических часов «Seiko». В своем движении они будто запрограммированы на многие годы вперед.

В самом деле, то, что произошло в этих странах после обретения ими независимости всего за какие-то 30—40 лет, имеет полное право называться «чудом». Однако у этого чуда в каждом из случаев не сверхъестественные, а вполне реальные слагаемые. При всем различии стран, демонстрирующих сегодня самые высокие темпы экономического роста в мире и обещающих сделать XXI век «веком Азиатско-Тихоокеанского региона», есть нечто общее, что их объединяет. Каковы же предпосылки успешного модернизационного рывка, если следовать опыту восточных моделей развития?

Первое лежащее на поверхности объяснение азиатскому феномену, которое приходит в голову, — политика свободного предпринимательства, свободных рынков, свободной торговли. Тем более что ставка на экономический рост тесно увязывается с традиционными ценностями, исповедуемыми местным населением. Для стран буддийско-конфуцианской цивилизации (Япония, Южная Корея, Китай, Вьетнам) это своя трудовая этика (стремление никогда не сидеть сложа руки, дисциплинированность, корпоративность, унаследованная от восточной общины). По словам Питера Канна, главы одной из крупнейших в Азии информационных империй, к которой принадлежит и наиболее известный в регионе журнал «Фар Истерн Экономик ревью», важно, что люди в этих странах не только «имеют низкие налоги и высокий уровень сбережений», но «много и усердно работают».

Однако на самом деле причина успеха кроется глубже, чем прилежность и трудолюбие в сочетании со стремлением больше производить и экспортировать. Эффективность современных азиатских обществ объясняется прежде всего правильно выбранной стратегией развития. Она предусматривает ответ на вопрос, куда движется получившее независимость общество, каким оно должно быть не только через два-три года, а через двадцать, пятьдесят и даже сто лет. Опыт этих стран показывает, что модернизация может быть успешной лишь в том случае, если до начала ее осуществления будет сформулирована национальная идея — представление нации о себе и своем месте в мире, которое позволяет раздробленному обществу объединиться во имя единой цели (в России о национальной идее, спохватившись, всерьез заговорили лишь на шестом году посткоммунистического развития).

Значение национальной идеи для азиатских и исламских обществ в том, что она помогла понять: вся нация — команда одной лодки, и необходимы единые слаженные усилия, чтобы переплыть океан, опережая других. Ядром национальной идеи становятся представления о собственном превосходстве над другими нациями. У китайцев оно идет от идеи Срединной империи (Китай как центр мира), у японцев — от богоизбранности страны, поклоняющейся богине Аматэрасу, у турок — от концепции национального величия, сформулированной Ататюрком. Национальная идея позволяет обществу сглаживать внутренние противоречия, уверенно чувствовать себя в конкуренции с другими нациями, будь то в экономике, политике или духовной сфере.

Неудивительно, что на начальной — самой сложной стадии — все эти страны прошли через «диктатуры развития» или «авторитаризмы развития» (это заставило мир говорить об особых формах азиатской демократии, весьма далеких от идеалов либерализма). Подавление политических свобод, преследование инакомыслящих, жесткая цензура, введение военных или полувоенных методов руководства — немало жертв пришлось принести на алтарь внутренней модернизации. Наказания в виде ударов бамбуковыми палками по пяткам, расстрелы чиновников-коррупционеров или пригвождение их к позорному столбу, отсечение конечностей за мелкое воровство, разгон политических партий — на основе подобных мер принуждения и социального контроля достигалась политическая стабильность, в свою очередь являвшаяся гарантом экономического роста. Отец сингапурского экономического чуда Ли Куан Ю указывал, что политическая стабильность и эффективность правящего режима важнее конкретных форм его организации.

Государства Запада вступили в постиндустриальную эпоху на основе многовекового опыта постепенного эволюционного развития, которого не было у восточных обществ. Это предопределило и иную, чем на Западе, роль государства. Если в развитых западных странах роль государства ограничивалась определением правил игры, то на Востоке оно более активно вторгалось в экономическую жизнь. Государство формировало национальные финансово-промышленные группы, которые, формально являясь частными или полугосударственными, на деле находились под его полным контролем. И «Самсунг», и «Дэу», и «Онва», процветающие ныне южнокорейские, тайваньские, сингапурские корпорации, возникли в первую очередь под патронажем и на деньги государства.

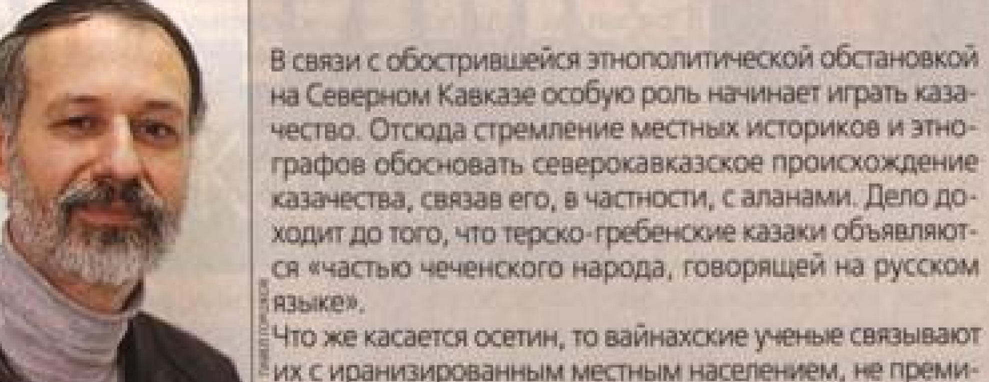
Экономическая модернизация практически нигде не сопровождалась обвальной приватизацией, а ограничивалась переводом государственных предприятий на самообеспечение и самофинансирование. В результате отношения собственности стали важным, но не главным фактором экономического роста. На это коренное отличие распространенной азиатской модели развития от западной указывал творец японского экономического чуда профессор Сабуро Окита. Восточные общества нашли разумное соотношение между экономической свободой и контролем за деятельностью предприятий и корпораций, избежав ситуаций, когда идет распродажа налево основных фондов и продукции предприятий, а они сами оказываются под контролем разного рода темных личностей и криминальных авторитетов.

Опыт модернизации восточных обществ показывает, что ничего невозможного нет. Даже такое микрогосударство, как Сингапур, стало одним из наиболее современных обществ Азии. Однако не будем забывать, что на каждый пример успешной модернизации на Востоке приходится добрый десяток провалов в пропасть. Достаточно вспомнить трагический камбоджийский опыт, годы филиппинской стагнации в эпоху правления Маркоса, крах бирманского пути к социализму, нищету и голод Бангладеш и многие другие примеры. Так что шанс на успешный прыжок через пропасть у каждого нового претендента в клуб цивилизованных государств равен примерно одному к десяти. ■

И тут Авраам заговорил по-вайнахски

МИФЫ

Виктор Шнирельман

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ ВСЕГДА СОПРОВОЖДАЕТСЯ всплеском мифотворчества. Не только национальный и необязательно конфликт. Всякие резкие перемены в обществе побуждают его взглянуть на себя заново и по-новому осмыслить прошлое. Там же, где осложняются национальные отношения (будь то на Кипре, в Югославии или Нагорном Карабахе), у народа проявляется прямо-таки болезненный интерес к своим этническим корням.

На Северном Кавказе — сегодня в первую очередь в Чечне — буквально на наших глазах творятся новые этногенетические мифы. Цель нового национального мифа — обосновать культурно-политическое единство народа и его право на государственность в определенных географических границах. Борьба за суверенитет имеет больше шансов на успех, если удается доказать, что данный народ уже обладал своей государственностью, пусть и в глубоком прошлом.

Для формирования национального мифа пригодно не всякое прошлое, а только такое, которым можно гордиться

Замалчивание и искажение истории народов, в особенности репрессированных, и стремление вычеркнуть их уникальную культуру из истории страны, наблюдавшиеся в недавнем прошлом, также создают питательную среду для расцвета этногенетической мифологии. С одной стороны, версии этногенеза, сформулированные наукой в советское время, выглядят в глазах тех же чеченцев заведомо подозрительно, с другой — недостаток образования, а зачастую и элементарной грамотности приводит к распространению самых неправдоподобных гипотез, если они льстят национальному самолюбию.

Для формирования мифа пригодно не всякое прошлое, а только такое, которым можно гордиться. Поэтому народы, испытывавшие в прошлом жестокий национальный гнет или долго существовавшие в условиях колониального режима, склонны искать своих предков среди прославленных народов древности (шумеров, урартов, этрусков, скифов, сарматов, аланов и пр.).

Само собой разумеется, что предки должны говорить на том же языке или близком к тому, на котором говорят их потомки. Вот почему в последние годы средства массовой информации северокавказских республик соревновались друг с другом в отыскании более древних, более славных и более могущественных предков.

Чеченцы и ингуши с благодарностью подхватили идею о своем родстве с хурритами и урартами, которые якобы двигались с юга на север во втором тысячелетии до н. э., основывая по пути города, крепости и даже государства. Тем самым вайнахам приписывается цивилизационная миссия на Кавказе, а их становление как народа локализуется в Закавказье, Малой и Передней Азии.

Имеются и более экзотические этногенетические версии. Одна из них объявляет жителей Древнего Египта и создателей его государственности вайнахами, что само по себе должно свидетельствовать об «исключительной древности чеченской и ингушской истории и государства, не говоря уже о древности истории нахов». Другая исходит из лингвистической гипотезы о родстве этрусского языка с северокавказскими и интерпретирует славные деяния этрусков в Италии, включая и основание Рима, как плод конструктивной энергии кавказских (вайнахских) народов. Не менее популярной в Чечено-Ингушетии была в последние годы тема Атлантиды, причем жители Кавказа объявлялись прямыми наследниками ее обитателей. В 1992 году Х.А. Закриев в книге «Ключ к тайнам» увлеченно доказывал, что Ветхий Завет был написан на вайнахском языке, который якобы был родным языком Авраама.

В связи с обострившейся этнополитической обстановкой на Северном Кавказе особую роль начинает играть казачество. Отсюда стремление местных историков и этнографов обосновать северокавказское происхождение казачества, связав его, в частности, с аланами. Дело доходит до того, что терско-гребенские казаки объявляются «частью чеченского народа, говорящей на русском языке».

Что же касается осетин, то вайнахские ученые связывают их с иранизированным местным населением, не преминув отметить, что другие обитатели Северного Кавказа иранизации не поддались. По этой версии иронцы (одна из основных осетинских групп) объявляются иранизированными вайнахами, которые вернулись из степей в горы, будучи оттеснены оттуда гуннами. Тем самым осетины представляются «младшим братом», и их статус в силу этого понижается.

Рядом с этими сражениями за наследие древнейших народов и цивилизаций дискуссии о самоназвании народов и их пересмотре выглядят детской забавой. Однако в них также выражается накал национальных страстей. Так, среди чеченцев наметились две линии подхода к этнониму «чеченцы». Наукой надежно установлено, что этот этноним происходит от села Чечен, где русские впервые встретились с чеченцами в конце XVII века. В свою очередь само название села восходит к XIII веку, когда в этом месте находилась ставка монгольского хана Сечена. Ряду чеченских авторов такое объяснение, связывающее название народа с русскими, кажется обидным, и они всеми силами стремятся доказать его местные истоки и возвести его к эпохе раннего средневековья или даже античному времени. Имеется и прямо противоположное предложение — отказаться от данного «колонизаторами» названия «Чечня» и назвать республику вайнахским термином «Нохчимохк». При этом как-то забывается, что термины «нахи», «вайнахи» для чеченцев и ингушей были введены лишь в 1920-х годах.

В борьбе с конкурентами за наследие «великих предков» хороши любые средства. И тогда в чеченском учебнике для средних школ иранцы изображаются дикими кочевниками, которые веками посягали на независимость горских народов и нарушали мир на Северном Кавказе. В свою очередь осетинская пресса в последние годы представляет ингушей как искони агрессивных варваров.

В целом этногенетическая мифология подобного типа способствует нагнетанию межнациональной напряженности. Из небытия возрождается архаический принцип старшинства, который требует установления иерархических отношений между соседними народами, один из которых в силу своей причастности к «цивилизации» требует более высокого статуса по сравнению с другим.

Противостоять воздействию подобной мифологии чрезвычайно трудно, поскольку, существуя в измерении «веры», она нечувствительна к научной аргументации. Поступки же людей определяются не «объективно существующей» ситуацией, а тем, каким образом они ее воспринимают. Недооценивать эту своеобразную идеологию было бы опасно: миф, как замечал еще Николай Бердяев, «может заключать в себе взрывчатую динамическую энергию и двигать массами, которые мало интересуются научной истиной и вообще истиной».

Виктор Шнирельман, доктор исторических наук,
Институт этнологии и антропологии РАН

Бродячий генерал

«Чего ждет Россия от Европы». С таким докладом Александр Иванович Лебедь выступил на прошлой неделе в Германии. Прибыл он туда по приглашению Германского общества внешней политики, Германо-российского форума, концерна «BMW», фонда «Кванта» и издательства «Экон». «Простой российский гражданин» (по его собственному признанию) решил поучиться, «как восстанавливать экономику после большой беды, с теорией, с механизмами ее реализации», а также обсудить с немецкими товарищами перспективы взаимоотношений России с НАТО, отдельные аспекты экономического сотрудничества и вопросы, связанные с положением дел в сегодняшней России.

Последнее, судя по всему, особенно интересовало принимавшую сторону, так как Германия является одним из крупнейших российских кредиторов. Александр Иванович, раздававший по полтора десятка интервью в день, развернул перед немцами весьма плачевную картину. По его мнению, социальная напряженность, хронические невыплаты зарплат и пенсий, общий экономический кризис вскоре неминуемо приведут к взрыву. Лебедь подчеркивал, что он не политический авантюрист и прекрасно понимает всю сложность предстоящей работы, но готов взвалить на свои плечи все эти проблемы. Тем более что Борису Ельцину, у которого постоянные проблемы со здоровьем, по мнению генерала, этот груз уже явно не под силу.

Болезнью же российского президента Лебедь объяснил и то, что встретиться с Гельмутом Колем бывшему секретарю Совбеза так и не удалось. Генерал всячески намекал, что германский канцлер отказался от встречи из чисто гуманистических соображений — дабы не травмировать хворого «друга Бориса». А чтобы у немецкой общественности не возникало сомнений в значимости фигуры самого Лебедя, Александр Иванович сообщил, что приглашен на церемонию инаугурации Билла Клинтона. Генерал и не предполагал, что ему предоставится возможность таким образом продемонстрировать свои способности в наведении порядка.

Дело в том, что пресс-секретарь Белого дома Майкл Маккэрри выразил удивление по поводу намерений Александра Лебедя: «Мы не ожидаем его приезда в США... Нам неизвестно, почему он сделал такое заявление...» А еще через день посольство США в Москве подтвердило, что генерал был все же приглашен на торжества, правда, по инициативе Конгресса.

Таким образом, Александр Иванович не только объяснил в Германии, чего мы ждем от Запада, но и дал понять, чего ждать от России, а заодно походя продемонстрировал всему миру несогласованность ветвей американской власти.

Дмитрий Хитаров

Обратный внос тела

Новый министр иностранных дел Белоруссии Иван Антонович однажды заметил: «Где бы я ни работал, там всегда все разваливается. Прямо как по Василю Быкову — «Знак беды» какой-то!» И точно. Проректор по научной работе Академии общественных наук при ЦК КПСС Иван Иванович в трудные для партноменклатуры перестроечные годы выбрал своим вождем лидера компартии РСФСР другого Ивана — товарища Полозкова. Вскоре «босс» потерпел крах. Похожая участь постигла и следующего «патрона» Антоновича — Вячеслава Кебича. Несмотря на активное участие Ивана Ивановича в работе предвыборного штаба Кебича, последний так и не стал белорусским президентом.

И полоть бы спокойно шестидесятилетнему товарищу Антоновичу грядки на своей даче, так нет — опять ответственная должность. Александра Лукашенко не смущает, что его новый министр иностранных дел в свое время активно выступал против его собственной кандидатуры на президентских выборах. А еще раньше самоотверженно боролся с «врагами» советского режима (скажем, писателем Алесем Адамовичем) и клеймил позором «оппортуниста» Бориса Ельцина (сегодня — главу страны, на объединение с которой официально ориентирована Белоруссия).

Это назначение хотя и удивило многих, не стало сенсацией — в последнее время в Минске принято вручать государственные портфели бывшим партийным бонзам. Последний первый секретарь ЦК КПБ Анатолий Малофеев возглавил палату представителей в недавно созданном Национальном собрании, а экс-председатель ВС БССР Николай Дементей стал одним из восьми сенаторов, назначаемых непосредственно президентом.

Призрак коммунизма в белорусском руководстве, похоже, обретает плоть. «Внесенные тела», очевидно, должны помочь белорусскому президенту реализовать интеграционные устремления. Уже давно ни для кого не секрет, что амбициям Александра Лукашенко тесно в провинциальной Белоруссии. Но даже если вожделенные мечты об объединенном государстве сбудутся, для того чтобы занять там достойное место, белорусскому «батьке» придется порушить немало стен и барьеров. Возможно, для этого ему и понадобился «терминатор», вокруг которого разваливается «все, где бы он ни работал».

Екатерина Высоцкая (Минск)

Эволюция хищной птицы

На церемонии подписания новых арабо-израильских договоренностей премьер-министр Израиля напоминал ястреба с подрезанными крыльями. Биньямин Нетаньяху — радикальный лидер, еще совсем недавно провозглашавший лозунг: «Не уступим ни пяди еврейской земли арабам!», согласился на уступки ООП. А ведь прошлогодняя победа на выборах досталась ему именно благодаря жесткой позиции по отношению к палестинцам.

Соглашение, подписанное на контрольно-пропускном пункте Эрез, на границе сектора Газа, предусматривает вывод большей части израильских войск из города Хеврон и расширение палестинской автономии на правом берегу реки Иордан.

Непримиримая позиция Биньямина Нетаньяху в течение последних месяцев держала под угрозой ход ближневосточного мирного процесса. Арафат, напротив, смотрелся как последовательный сторонник арабо-израильского соглашения, достигнутого в сентябре 1993 года в Осло. Теперь оба актера этой драмы протянули друг другу руки.

Столь радикальная перемена во взглядах ястреба Нетаньяху уже вызвала бурю возмущения израильских непримиримых. Однако критики новой позиции израильского премьера, похоже, упускают из виду еще одного важного участника этого спектакля — суфлера. В его роли выступили многие влиятельные силы мирового сообщества, и прежде всего США, которые вовсе не заинтересованы в обострении напряженности в этом регионе.

Кроме того, можно вспомнить, что опирающийся на радикальные лозунги Нетаньяху победил на выборах благодаря лишь десятым долям процента. Следовательно, практически половина израильского общества отдала свои голоса не ему, а «Аводе» (Партии труда) Шимона Переса, которая твердо стоит на позициях мирного урегулирования.

Возрастающее давление извне и изнутри страны сыграло свою роль. В суровой политической реальности любая хищная птица может остаться без перьев. Правда, теперь в Израиле раздаются голоса, что это соглашение может подтолкнуть экстремистов к решительным действиям. Слишком быстрой показалась многим непримиримым эволюция ястреба.

Евгений Пахомов

Тим Гульдиманн: человек за кадром

Эрик Рейман

После перехода поста председателя в Организации по сотрудничеству и безопасности в Европе от Швейцарии (1996 год) к Дании (1997-й) руководителю миссии ОБСЕ в Грозном Тиму Гульдиманну по всем законам дипломатического жанра полагалось уйти в тень.

Ничего подобного, однако, не произошло: не найдя у себя дома подходящей кандидатуры на пост уполномоченного по Чечне, датский МИД решил продлить полномочия Гульдиманна на 1997 год. Попытка Ивана Рыбкина собственноручно вытолкать швейцарского дипломата из телевизионного кадра при подписании ноябрьского соглашения Черномырдин — Масхадов на этом фоне выглядела скорее жестом досады. Широкой публике она лишь помогла составить представление о характере отношений между уполномоченным ОБСЕ и Москвой на данном этапе.

Пожалуй, решение ОБСЕ о продлении его мандата стало наивысшей оценкой усилий Гульдиманна как одного из наладчиков того сложного дипломатического механизма, который привел сначала к встрече Ельцина с Яндарбиевым, а затем к Хасавюрту и выборам президента Чечни. Другим, косвенным подтверждением его значимости является обилие желающих повторить жест секретаря СБ России: швейцарский дипломат нажил себе врагов не только в Москве и Грозном.

За свою карьеру Тим Гульдиманн постоянно — а отнюдь не только в течение прошлого года — нарушал писаные и неписаные заповеди, пытаясь вывести за рамки установленных правил не только себя, но и те организации, которые он представлял. Многие не хотели бы видеть его ни в Чечне, ни в России, ни в ОБСЕ, ни в МИДе Швейцарской Конфедерации. Это так же ясно, как и то, что будь Тим Гульдиманн другим, его на Кавказ и отправлять бы не стоило.

Швейцарец, который вышел из тени

Когда в Швейцарии подыскивали кандидата на пост представителя ОБСЕ по Чечне, одним из важных обстоятельств в пользу Гульдиманна было то, что дипломатическая карьера для него — вовсе не смысл жизни. Начинал он на академическом поприще: изучал право и экономику в Швейцарии, Чили, Мексике, Швеции, Германии, затем защитил диссертацию, после чего четыре года занимался СССР.

В дипломатию он пришел в 1982 году, сменил несколько должностей, среди которых был пост экономического атташе в Каире. Свободно объясняющийся на восьми языках, в том числе арабском и русском, Тим Гульдиманн отличался от прочих кандидатов на пост в Чечню двумя качествами: он достаточно хорошо представлял себе и Россию, и исламский мир и умел принимать самостоятельные решения.

Личных качеств, впрочем, было бы недостаточно для успеха в столь горячей точке. Тем более что Гульдиманн представлял в Чечне одну из самых маленьких стран Европы, политическим весом которой и Москва, и сепаратисты могли бы запросто пренебречь. Швейцария не входит ни в ЕС, ни в НАТО, ни даже в ООН и, стало быть, не имеет возможности оказывать косвенное давление на участников конфликта. Председательство в столь аморфной организации, как ОБСЕ (похоже, именно из-за этого качества ее и допустили к миротворчеству в пределах одной шестой части суши), само по себе возможности влияния Швейцарии не увеличивает.

Здесь стоит оговориться, что с точки зрения сторонников классической швейцарской дипломатической школы именно перечисленные выше слабости и составляют тайную силу. А Тим Гульдиманн смог выполнить роль посредника в Чечне лишь потому, что представлял нейтральную страну, не вовлеченную ни в какие альянсы. То, что в этих утверждениях есть доля истины, так же несомненно, как и то, что они раздражают Гульдиманна.

— Швейцарские дипломаты очень любят одно слово, которое сам я больше не могу слышать, — взорвался он в разговоре со мной. — Это слово — посредничество. Каждый раз, когда его произносят, я воображаю современную внешнюю политику как огромную торговую площадь, застроенную магазинами. На ней есть гигантские супермаркеты — там торгуют в кредит всем на свете. Есть лавочки, где по ходовой цене продают, к примеру, оружие. Есть развалы, на которых раздают продовольствие, — оно бесплатно, потому что в богатых странах перепроизводство. А посреди этого базара стоит маленький ларек — и в нем мы, швейцарцы. Продавец выкрикивает: бюро добрых услуг! приобретайте посреднические услуги! Все, однако, проходят мимо... Честно говоря, за девять лет работы в МИДе я сыт по горло этой иллюзией, будто в горячих точках мира ждут не дождутся, когда же в посредники придут нейтральные швейцарцы...

В 90-м году Тим Гульдиманн отказался работать на «иллюзию». Он хлопнул дверью министерства и занялся внешней политикой в другом ведомстве — Федеральном бюро по науке.

Эту жажду вызова можно считать чертой поколения, которое в студенческие годы пережило 1968 год, а следом за ним и эпоху, в которую все полагалось подвергать сомнению. Начав допытываться у своих пап и мам, как же это они откупились от войны ценой сотрудничества с нацистами, молодые швейцарцы задолго до американского сенатора д'Амато перестали верить в безупречность репутаций отечественных банков, принимавших золото не только Гитлера, но и переживших его одиозных режимов. Послевоенная молодежь стала стыдиться собственного благополучия, построенного на равнодушии к чужим бедам. Она не хотела жить в стране, сошедшей со страниц то ли учебника, то ли справочника для туристов — Швейцарии живописных деревушек в горных долинах и граждан-солдат, добросовестно отправляющихся на стрельбы раз в год.

— Я плохой патриот, — говорит Гульдиманн о самом себе. — Я не испытываю чувства гордости за Швейцарию — и это довольно типично для моих ровесников. Я одновременно и люблю мою страну, и ненавижу ее.

Как ни странно, но именно столь критическое отношение к стране, которую он представляет, и сделало из Гульдиманна хорошего дипломата — во всяком случае, после холодной войны Швейцарии такие были нужнее всего. Ему было значительно легче понять, что в эпоху, когда отрабатываются принципы нового мирового порядка, опасно ставить на то, что составляло силу Швейцарии: отныне и ее нейтралитет, и неучастие в политических и военных международных организациях изолирует ее и автоматически обрекает ее на отставание от конкурентов. Гульдиманн, занимавший пост замглавы делегации Швейцарии на переговорах с ЕС, имел возможность понять, чего стоил его стране отказ от участия в евростроительстве. «То же самое касается и Северного Кавказа, — считает Гульдиманн. — Швейцария хоть что-то значит в этом регионе только потому, что она председательствует в ОБСЕ».

Дипломатия и права человека

Председательство Швейцарии в ОБСЕ обеспечило Гульдиманну присутствие в зоне конфликта, но не обеспечило влияния на противостоящие стороны. К началу его миссии позиции ОБСЕ на Кавказе были весьма шаткими, а отношения с борцами за независимость Чечни крайне сложными: в этом дипломат убедился, как только попытался завязать контакты и восстановить диалог. Сдвинуться с мертвой точки, как признает сам Гульдиманн, помогло его швейцарское происхождение.

Дело, однако, не в пресловутом нейтралитете, о котором на Кавказе не очень задумывались, сколько в определенном чувстве родства. «Чечня, как и Швейцария, — объясняет Гульдиманн, — страна сел и общин, которая в течение долгого времени не знала жесткой государственной иерархии. Видимо, из-за этого в нашем восприятии истории довольно много общего: среди прочего, это просматривается в отношении к могущественным соседям — они относятся к России, как мы в свое время относились к Германии». Иными словами, швейцарским горцам, на протяжении своей истории не раз отстаивавшим свободу, было несложно понять чеченскую логику.

Понять, однако, не значит восстановить доверие. Здесь снова пришли на помощь давние интересы этого странного дипломата, которого занимала проблема морали в политике (книгу под названием «Мораль и власть в СССР» он написал еще в свой додипломатический период). «Если, — рассуждал Гульдиманн, — вы своими глазами видите страх и бедствия людей на войне, которая сопровождается чудовищными жестокостями, и если вы не принимаете всего этого, то у вас нет выбора — вы должны стать ангажированным человеком». Гульдиманн, конечно, не остался наблюдателем на этой войне. Он занял сторону прав человека.

Первым результатом такой позиции стал доклад о положении прав человека в Чечне, датированный 25 марта 1996 года. Этот документ критиковал, конечно, и чеченских сепаратистов, но был особенно суров в отношении федеральных войск. Под огнем критики оказалась тактика «принуждения к миру», когда население сел заставляли подписывать мирные соглашения под дулами пушек, и нарушение одного из таких договоров самими федералами 3 марта под Серноводском. Предназначенный для внутреннего пользования представителей стран — членов ОБСЕ доклад тем не менее угодил в бюро Ассошиэйтед Пресс в Вене, после чего, естественно, разошелся по газетам. Та горячность и быстрота, с которой Тим Гульдиманн отвечал на посыпавшиеся вопросы, дают основания предполагать, что со своей стороны он эту утечку приветствовал. Так или иначе, но чеченцы к нему стали прислушиваться.

К этому стоит добавить, что предыдущий доклад миссии ОБСЕ на Северном Кавказе, датированный 12 марта, обошел множество канцелярий, не произведя особого шума. В дипломатических кругах поговаривают, что уже в нем Гульдиманн хотел дать оценку тактике федеральных войск в Чечне, но ему не позволил этого председатель ОБСЕ и глава швейцарского МИДа Флавио Котти. Он опасался бурной реакции со стороны России. Права запустить второй рапорт Гульдиманн добился после драматических событий в Самашках и Серноводске, где российские войска вели огонь по гражданскому населению.

На упреки, что он-де вспоминает о правах человека, чтобы добиться влияния на сторонников независимости Чечни, Гульдиманн отвечал, что права человека ошибочно считать всего лишь инструментом для достижения политических целей. «Права человека — это самоцель, — утверждает он. — Если о них нельзя говорить, то в дипломатии нечего делать».

Все это не могло не испортить отношений с Москвой: что поделаешь, вздыхал Гульдиманн, «на такой работе на дружбы рассчитывать не приходится, важно уважение и доверие». Чтобы завоевать их, миссия Гульдиманна старалась всегда оказываться там, где происходило самое главное. Отказавшись от посредничества в традиционном швейцарском стиле (либо посланник между воюющими, либо арбитр между переговаривающимися сторонами), Гульдиманн принимал участие во всех переговорах между Москвой и сепаратистами — от майской встречи Ельцина с Яндарбиевым до подписания ноябрьских договоренностей, открывших путь к нынешним выборам. Он не просто присутствовал, он старался создавать возможности для продвижения переговоров.

В эпицентре истории

Своей главной задачей сегодня Гульдиманн считает проведение президентских выборов в Чечне в намеченные сроки — пусть даже с некоторыми нарушениями процедуры. Когда избирком Чечни отказался брать деньги на проведение выборов из федерального бюджета, он сам нашел источники финансирования за рубежом. За это вскоре пришлось расплачиваться: буквально на днях председатель Госдумы России Геннадий Селезнев заявил, что нижняя палата намерена отправить в Центризбирком и Генпрокуратуру запрос по поводу передачи Тимом Гульдиманном денег (речь идет о сумме в 350 тысяч долларов) чеченскому руководству. Есть недовольные главой миссии ОБСЕ и в Чечне, в политическом раскладе которой президентские выборы тоже изменят многое.

19.09.1950 — РОДИЛСЯ В ЦЮРИХЕ.
1969 — 1970 — СТУДЕНТ ФАКУЛЬТЕТА ЭКОНОМИКИ И ПРАВА УНИВЕРСИТЕТА В ЦЮРИХЕ.
1970 — 1971 — СТУДЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ В САНТЬЯГО (ЧИЛИ) И В МЕХИКО.
1974 — ДИПЛОМ ПО ЭКОНОМИКЕ В УНИВЕРСИТЕТЕ В ЦЮРИХЕ.
1974 — 1975 — СТАЖИРОВКА В СТОКГОЛЬМЕ.
1976 — 1979 — НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ИНСТИТУТА МАКСА ПЛАНКА (ГЕРМАНИЯ).
1979 — В ТЕЧЕНИЕ ШЕСТИ МЕСЯЦЕВ ВЕДЕТ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АН СССР В МОСКВЕ, ЛЕНИНГРАДЕ И НОВОСИБИРСКЕ.
1979 — 1981 — ВЕДЕТ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ТЕМЕ «СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО» В ПАРИЖЕ, ЛОНДОНЕ И НЬЮ-ЙОРКЕ, ЧАСТО ПОСЕЩАЕТ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ.
1982 — 1990 — ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА:
1982 — 1983 — ДИППРАКТИКА В БЕРНЕ, ЖЕНЕВЕ И КАИРЕ.
1984 — 1987 — СОТРУДНИК ОТДЕЛА ПО СВЯЗЯМ С АЗИЕЙ И ИСЛАМСКИМ МИРОМ МИДА ШВЕЙЦАРИИ.
1987 — 1989 — АТТАШЕ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ ПОСОЛЬСТВА В КАИРЕ.
1989 — 1990 — СОТРУДНИК ОТДЕЛА ЭЛЕКТРОННОЙ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ МИДА ШВЕЙЦАРИИ.
1991 — РУКОВОДИТЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ОТДЕЛА ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮРО ПО НАУКЕ ШВЕЙЦАРИИ.
1994 — ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВЫ ДЕЛЕГАЦИИ ШВЕЙЦАРИИ НА ПЕРЕГОВОРАХ С ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ ПО НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИЮ.
1989 — 1994 — ЧИТАЕТ КУРС ЛЕКЦИЙ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ В УНИВЕРСИТЕТАХ БЕРНА, ЦЮРИХА И ФРАЙБУРГА.

Тем не менее Гульдиманн твердо убежден, что даже последние провокации, включая убийство шести представителей Красного Креста, не изменили пока что готовности русских и чеченцев подчиниться вердикту избирательных урн. Однако нельзя исключать, что завтра настроения могут перемениться. Значит, этим шансом нужно воспользоваться.

— Всем, в общем, ясно, что абсолютно свободные и без каких-либо нарушений президентские выборы в Чечне невозможны, — считает Гульдиманн. — Нынешние выборы стоит рассматривать скорее как один из этапов мирного процесса: их цель прежде всего в том, чтобы создать условия для строительства нормального общества. В этом смысле я считаю успехом уже то, что избиратель может выбирать из множества кандидатов. Впрочем, окончательные оценки можно будет давать после того, как победителя признают проигравшие и Москва.

Гульдиманн раскручивает механизм выборов именно для того, чтобы сделать мир необратимым. Тем, кто обвиняет его в прочеченской позиции, он отвечает: «Ни мирный процесс, ни выборы ничего не меняют в том, что Чечня — и для России, и для ОБСЕ — продолжает оставаться частью Российской Федерации». По Хасавюртовским соглашениям проблема статуса Чечни будет решаться в течение пяти лет. Пока что, с точки зрения Гульдиманна, решается проблема мира.

С этим не все согласны. Сергей Шахрай, например, недавно с обезоруживающим хладнокровием заметил, что у швейцарского дипломата обширные связи в деловом мире, причем не только в Швейцарии, и именно их интересы он на Кавказе и представляет. С точки зрения тех, кто хорошо знает Тима Гульдиманна, эти обвинения столь беспочвенны, что их даже не стоит опровергать. Сам Гульдиманн, однако, считает иначе: на пресс-конференции он охотно воспользовался вопросом на эту тему, чтобы продемонстрировать свою невиновность, а заодно и уязвленное самолюбие. Пожалуй, это единственная брешь в протестантской скромности Гульдиманна, которой он как броней окутал себя, прежде чем взяться за столь ответственную миссию на Кавказе. Журналисты, бывавшие в Чечне, хорошо знают, как он расцветает, оказываясь перед телекамерами, так сказать, в эпицентре истории. Пожалуй, именно это и вызвало во время известной сцены в Кремле ярость Ивана Рыбкина, который, надо признать, включился в переговоры несколько позже швейцарского дипломата.

Тем не менее Гульдиманну рано или поздно все же придется согласиться на роли второго и третьего плана. Он и сам знает, что после проведения выборов в Чечне возможна его замена. Ясно, что в федеральных ведомствах в Берне после Чечни ему будет трудно подыскать соответствующий пост — там по традиции опасаются тех, кто не вписывается в рамки. «Они ждут малейшего неверного шага, чтобы от него избавиться», — заметил еще после первых успехов Тима Гульдиманна в Чечне один из швейцарских дипломатов, объясняя, почему столь нетрадиционный посредник не больно нужен Швейцарии. Впрочем, представители его поколения думают иначе... ■

Эрик Рейман — корреспондент газеты «Нуво Котидьен» (Швейцария) в Москве.

Игра в президента

Депутаты требуют отправить в отставку главу государства по состоянию здоровья, а Ельцин с больничной койки лоббирует интересы российских нефтяников и защищает казну

Григорий Воскобойников

КАРФАГЕН

Две недели назад президент Ельцин слег с простудой, переросшей в пневмонию. Спустя неделю оппозиция это заметила. Так в России был открыт очередной политический сезон.

Никаких новых заготовок у коммунистов на этот случай не оказалось. Председатель Комитета по безопасности нижней палаты Виктор Илюхин в очередной раз предложил провести медицинское освидетельствование главы государства и отправить его в отставку по состоянию здоровья. Вновь прозвучали уже известные заявления о том, что «президент за минувший год был на работе лишь четыре месяца», а «после выборов так и не приступил к исполнению своих обязанностей». Сердобольный Зюганов даже попенял соратникам Бориса Николаевича: «Я удивляюсь родственникам и друзьям — они просто решили добить президента».

Виктор Илюхин, которому никак не удается протащить закон о медицинском освидетельствовании высших должностных лиц —

ВИКТОР ИЛЮХИН С УПОРСТВОМ ГУМАНИСТА ДОБИВАЕТСЯ ОТСТАВКИ ПРЕЗИДЕНТА ПО СОСТОЯНИЮ ЗДОРОВЬЯ. **ЕЛЬЦИН** НАПАДКИ ИГНОРИРУЕТ

что-то вроде техосмотра перед выпуском паровоза на линию, пошел в обход и предложил депутатам проект постановления Думы о досрочном прекращении полномочий президента.

Трудно заподозрить Илюхина в правовой безграмотности — как-никак в прошлом прокурор, в свое время даже возбудивший уголовное дело против Горбачева, автор нескольких уже принятых законов. Так что скорее всего председатель Комитета по безопасности целенаправленно шел на скандал, прекрасно понимая, что согласись депутаты на его предложения — они в очередной раз сядут в лужу. Постановления Думы за редкими исключениями, амнистии, к примеру, или назначения на должность премьера и председателя Центробанка, не имеют силы закона. А поскольку из трех вариантов досрочного ухода президента со своего поста более или менее детально прописан лишь механизм импичмента, то для того, чтобы заработала процедура отставки главы государства по болезни, требуется все-таки отдельный закон.

Как и следовало ожидать, правовое управление Думы, куда предложение Илюхина было отправлено на экспертизу, дало отрицательное заключение, порекомендовав парламенту принять соответствующий нормативный акт. Единственное, что может теперь согреть душу главного радетеля за страну, «лишенную дееспособного президента»,

АЛЕКСАНДР ЛУКАШЕНКО: «ЕЛЬЦИН ДЛЯ МЕНЯ КАК СТАРШИЙ БРАТ». РОССИИ ТАКОЕ РОДСТВО ОБХОДИТСЯ НЕДЕШЕВО

это следующий пассаж из заключения: «При необходимости Дума может обратиться к президенту с предложением о его отставке по состоянию здоровья». Легко представить себе реакцию Бориса Ельцина на такое обращение. Кремлевским чиновникам вообще стоило бы заранее отправить депутатам короткий, окрашенный национальным колоритом универсальный ответ на все подобные запросы, чтобы избранники зря не тешили себя иллюзиями.

Пока в Думе работали эксперты–правоведы, Кремль активно демонстрировал беспочвенность илюхинских обвинений в адрес Ельцина. В минувшую среду главврач Центральной клинической больницы Сергей Миронов заверил журналистов в том, что президенту хоть и потребуется несколько недель для полного выздоровления, состояние его вполне удовлетворительное и он сможет не только принять в конце месяца глав государств СНГ, но и отправиться в начале февраля в Гаагу на встречу с лидерами Евросоюза. Из слов главного кремлевского медика следовало также, что после операции на сердце Ельцин восстановился полностью, поскольку простудился не абы как, а после посещения бани, куда сердечникам, как известно, ходить не рекомендуется.

Впрочем, то, что Ельцин одной ногой уже в строю, стало ясно днем раньше, когда кремлевская пресс-служба сообщила о встрече главы государства со своим первым помощником Анатолием Чубайсом.

Болезнь президента — событие, конечно же, первостепенной важности. Однако чуть раньше всплеска активности слева произошло куда более существенное политическое происшествие. В понедельник стало известно о письме Ельцина своему белорусскому коллеге.

Для внутреннего и наружного употребления

Как и подписанный весной прошлого года в Москве договор о создании Сообщества суверенных республик (ССР), впоследствии переименованного в Сообщество России и Белоруссии, нынешнее письмо Александру Лукашенко в первую очередь ориентировано на внутрироссийский политический рынок. Спрогнозировать нынешний скандал в Думе вокруг болезни президента было несложно, тем более что начинать очередной политический сезон конфликтом с исполнительной властью у депутатов стало уже традицией. В этой ситуации Кремль не мог не сделать опережающий ход.

Борис Ельцин фактически призвал Лукашенко как президента Белоруссии и председателя Высшего совета Сообщества, во-первых, ускорить процесс унификации законодательств двух стран (а точнее привести белорусское в соответствие с российским), а во-вторых, всячески способствовать тому, чтобы «к моменту проведения референдума Сообщество имело уже достаточно развитую систему органов управления, что позволило бы в случае положительного решения об объединении быстро сформировать правительство Сообщества». Этот пассаж, содержащий два ключевых слова «референдум» и «объединение», и сделал письмо центральным событием политической жизни страны, оттеснив тему президентского здоровья. Правда, уяснить из письма, откуда возьмется этот самый референдум и каким образом будет происходить объединение, невозможно. Впрочем, сейчас это не столь важно. Главное, чтобы у отечественных политиков появилась тема для словесных баталий.

Послание президента, несомненно, встретит благодарное внимание и у заграничного читателя. Его вполне можно рассматривать как своего рода «наш ответ Керзону» — очередную реакцию на упорное стремление НАТО расшириться на восток. Конечно, Белоруссия и так на все 100 процентов разделяет позицию России в этом вопросе, и еще раз подтверждать это смысла нет. Но Кремль многократно доказывал свою приверженность принципу Винни Пуха: «И меда, и сгущенного молока». А если учесть, что в Европе продолжают — вполне справедливо — обвинять белорусского лидера в попрании демократических принципов и диктаторских замашках (Парламентская ассамблея Совета Европы уже лишила республику статуса спецприглашенного государства и, судя по всему, заморозит процедуру принятия Белоруссии в СЕ), то лишний раз напомнить о том, что любую критику Минска Москва принимает на свой счет, совсем нелишне.

Впрочем, для появления большого интеграционного послания были не только политические причины. Чиновники из Кремля и правительства, к которым мы обратились за комментариями, в первую очередь указывают на его экономические корни.

Обременительное родство

Александр Григорьевич Лукашенко любит повторять, что Борис Николаевич ему как старший брат «в нашем, славянском, понимании». Что это за понимание, ясно: старший брат должен помогать младшему и морально, и, главное, материально.

Российскому налогоплательщику такая помощь уже обошлась в полтора миллиарда долларов — прощенный Москвой в порыве братской любви белорусский долг. Остался еще непогашенный вексель на семьсот-восемьсот миллионов долларов за поставки энергоносителей, по которому Минск, похоже, платить тоже не собирается. Кроме долгов, есть еще и потери российского бюджета, вызванные нежеланием белорусского руководства выполнять обязательства, взятые на себя при подписании Таможенного союза. В свете этого президентское послание, в котором прямо указывается на необходимость укрепить таможенную инфраструктуру, выглядит как совершенно логичный шаг, следующий за декабрьским решением ВЧК вернуть госмонополию на алкоголь и ужесточить контроль за производящейся и ввозимой в Россию водкой.

Есть в письме и еще одно интересное предложение белорусскому коллеге: обеспечить максимально эффективное решение вопросов, связанных с акционированием ряда нефтяных и газовых компаний. Известно, что российские акулы нефти и газа давно положили глаз на белорусский нефтеперерабатывающий комплекс (дешевая и квалифицированная рабочая сила, относительно современное оборудование) и надежно функционирующий транзитный коридор. До сих пор россияне не смогли по-настоящему развернуться на белорусском рынке. В первую очередь из-за нежелания Минска приступить к реальной приватизации.

То, что президент взял на себя роль лоббиста интересов отечественных нефтяников, — хороший признак. Видимо, в Москве все-таки решили, что, прежде чем объединяться, необходимо запустить в Белоруссии экономические реформы и заставить Лукашенко принять московские правила игры сначала в экономике, а затем и в политике.

Российско-белорусская интеграция. Третья серия

Периодические всплески разговоров о сближении Москвы и Минска давно превратились в инструмент политической борьбы в Кремле

Ирина Кобринская

МАНЕВРЫ

В МИНСКЕ ТОЖЕ НЕ ВСЕГДА ЗНАЮТ, **КУДА ТЯНЕТСЯ «РУКА МОСКВЫ»**

Решение начать новый раунд интеграции с Белоруссией прозвучало столь неожиданно, что вызывает помимо недоумения уже и желание докопаться до его истинных причин. В послании президента коллеге Лукашенко сделан акцент на экономических и связанных с ними правовых моментах, а также на предложениях по новому государственному устройству, оставляющих, впрочем, неясным главное: сколько же все-таки президентов и парламентов будет у нового союза? Короткая, но сверхнасыщенная постсоветская история подсказывает, что перед нами попытка виртуозного политического маневра с целью убить сразу трех зайцев, а точнее, трех гидр — гидру внутрироссийского политического раскола и распада федерации, гидру расползания бывших республик и гидру западной угрозы. Какова будет эффективность такого маневра, можно попытаться просчитать уже сейчас.

Можно ли реализовать в политике закон сохранения массы, компенсировав потерю Чечни присоединением Белоруссии? Ведь опасность политического раскола в России в случае «реального» объединения возрастает. Если на сегодняшний день оппозиция уже вписалась в сложившийся баланс сил и действует в целом по принятым правилам, то, получив импульс из Белоруссии, она может сильно оживиться.

Точно оценить последствия «реального объединения» в соответствии с критерием «стоимость—эффективность» невозможно, ибо не существует единого коэффициента, который позволит приравнять долги к радарам, ракетам и новым долгам, газ — к солдатским казармам, экономические издержки — к политическим дивидендам. Что касается объединения как ответа на внешнюю угрозу в ближнем мире и прежде всего в Украине, российско-белорусский союз, особенно в качестве ответа на расширение НАТО, не может не вызывать опасений. Уже сейчас в отсутствие большого договора с Украиной Россия каждый день теряет шансы на восстановление нужного обеим странам сотрудничества. Если еще год назад Украина все больше подчеркивала свое стремление к внеблоковому статусу, то ныне вариант членства в НАТО рассматривается там как вполне возможный. Российско-белорусский союз на антизападной основе, безусловно, усилит пронатовские настроения в Украине. Не нужно большого воображения, чтобы предположить, что еще громче станут и мольбы балтийских стран о приеме в НАТО.

В западном мире факт близости, в том числе военно-политической, России и Белоруссии в отличие от попыток сближения с другими новыми независимыми государствами никто не оспаривает. Этот вариант уже просчитывался военными в Вашингтоне и в Брюсселе. Уже не раз российские политики и военные заявляли о том, что в ответ на расширение НАТО будут приняты адекватные меры, главные из которых — создание оборонного блока СНГ и размещение тактического ядерного оружия на территории Белоруссии. По сути, и первое, и второе сводится к военно-политическому союзу с Белоруссией.

Что же реально даст России союз с Белоруссией в противостоянии НАТО? Это вооруженные силы численностью менее 100 тысяч человек; 2 348 танков, преимущественно устаревших Т-72; 1 579 единиц артиллерии; авиация: 217 боевых самолетов и 74 вертолета Ми-24. Все это мало меняет военно-стратегическую ситуацию. Единственное, что может изменить ее реально, как считают военные эксперты, — это возможное размещение на белорусской территории российского тактического ядерного оружия.

Будет ли такой ответ адекватным? Вряд ли. Он неадекватен по сути. Ибо сколько бы ядерного оружия ни было размещено в Европе, никто из здравомыслящих политиков не думает о его применении. Да, вопрос о возможности размещения ядерного оружия НАТО на территориях стран — потенциальных членов ставился. Но размещать его всерьез пока никто не собирается, прежде всего потому, что в этом нет военной необходимости. Ядерные гарантии безопасности потенциальным новым членам могут быть предоставлены натовским оружием, размещенным там, где оно уже есть. Реальная перспектива размещения российского тактического ядерного оружия в Белоруссии вряд ли будет способствовать нахождению взаимоприемлемого решения по основному для России вопросу — сохранению безъядерной зоны в Центральной Восточной Европе. Вообще разговор о военно-политическом союзе идет давно, но было ли за это время что-нибудь сделано реально? Вторя Украине, проводящей самостоятельную политику экспорта оружия, Белоруссия по демпинговым ценам и явно не советуясь с Россией продала Венгрии танки. Известен скандал с продажей новейших систем С-300 США. Россия, со своей стороны, по крайней мере до недавнего времени, требовала, чтобы Белоруссия платила за обучение своих офицеров в российских военных академиях столько же, сколько Эфиопия, в том числе и за обучение русскому(!) языку.

А теперь вернемся к гипотезе о размещении тактического ядерного оружия в ответ на расширение НАТО. Белоруссия — безъядерное государство. Недавно оттуда были выведены последние российские ракеты. Безъядерный статус, не говоря уж о международных договорах, зафиксирован в конституции страны. Россия возмущалась, когда лидеры центральноевропейских стран утвердительно отвечали на вопрос, согласны ли они на размещение натовского ядерного оружия, не посоветовавшись с собственными парламентами и народом. А давайте попробуем спросить у белорусского народа, сохранившего навсегда память о Чернобыле, согласен ли он?

Наконец — об интеграции с Белоруссией как лейтмотиве 1997 года. Эта тема, увы, уже успела стать своеобразным рефреном российской политики, который исполняет в зависимости от ситуации то левая оппозиция в Думе, то президент. И это обидно. Ведь восстановление связей в постсоветском пространстве, и в том числе с Белоруссией, процесс не надуманный, имеющий объективную основу, необходимый и России, и Белоруссии, и другим новым независимым государствам. Превращение интеграции в инструмент внутриполитической борьбы в России или предмет торговли с Западом, в морковку для партнеров дискредитирует сам процесс.

Избиратель сделал ничью

Договориться с «красными» сенаторами Кремлю может оказаться проще, чем с «белыми»

Владимир Тодрес

МАРШ ГУБЕРНАТОРОВ

Губернаторский марафон практически завершен. Без новоизбранных начальников пока остаются Тува, Амурская, Кемеровская и Тульская области, а также Агинский Бурятский и Эвенкийский округа. И Чечня — но это отдельная история. В названных же шести субъектах Российской Федерации волеизъявление растянется по меньшей мере еще на три месяца. Авральный перевод исполнительной власти на выборную основу закончился.

По сведениям Центризбиркома, «званых» было вполне достаточно, чтобы процедура выглядела демократической: баллотировались 272 кандидата. Избранных на сегодня — 50. Избиратель, стиснув зубы (к урне для голосования приходится наведываться примерно раз в полгода — сколько можно, в конце концов!), вновь удивил своей гражданской ответственностью — усредненная по регионам явка составила 52 процента. «Активность высокая, но не сверхвысокая, — легко укорил сограждан председатель Центризбиркома Александр Иванченко. — По нашим оценкам, оптимальный для России уровень участия в выборах — около 70 процентов на федеральных и примерно 60 на местных». По его словам, «без нарушений не обошлось нигде», и больше всего их замечено, во-первых, в ходе предвыборной агитации на радио и ТВ, а во-вторых, в порядке финансирования кампаний. Однако ни эти проколы, ни безальтернативность выборов в Кабардино-Балкарии, Татарстане и Курганской области, по мнению Центризбиркома, не повод ставить под сомнение честность прошедших выборов.

Впрочем, политиков интересует совсем другой вопрос. Отыграв матч, команды-соперники — «белые» в Кремле и «красные» в оппозиции — спорят теперь о том, какой на табло счет. Спорят, поскольку ответ неочевиден.

Формально «партия власти» свела игру вничью: из 50 прежних, назначенных Кремлем региональных лидеров свои посты сохранили 25. В губернаторские кресла переселили семеро думцев и пятеро глав местных законодательных собраний — почти все с репутацией активистов-оппозиционеров. Еще 13 губернаторов рекрутированы из директорского слоя.

Однако Кремль утверждает, что победа за ним. Первый заместитель главы президентской администрации Александр Казаков в канун нового года объявил, что из новоизбранных губернских начальников лишь восемь человек «вызывают некоторое неудобство» у Кремля . С тех пор, правда, число таких «неудобных» увеличилось на два: Николай Максюта в Волгоградской области и Вячеслав Кислицын в Марий Эл.

Пример Александра Руцкого, впрочем, показывает, что и самые яростные оппоненты президента могут оказаться договороготовыми. Дело в том, что за коммунистов особенно активно голосовали в регионах, безнадежно сидящих на дотациях. Таких в стране большинство: регионов-«доноров» , по официальным данным, осталось всего десять. Эти дотации редко приходят в срок, и на сколько их задержать — решает Центр.

Увлекшись приручением «красных губернаторов», Кремль может столкнуться с неприятностями в собственном тылу. Видимо, предчувствие этих неприятностей побудило главу территориального управления президентской администрации Сергея Самойлова недавно заявить журналистам: некоторые новые лидеры вместо того чтобы проводить у себя в регионах линию Кремля, «непременно будут претендовать на роль представителей региональных элит здесь, в федеральном Центре».

Иначе говоря — неприятность все та же, для независимой России не новая: заниматься перетягиванием каната приходится именно с сильными регионами. В «момент истины» они голосуют против коммунистов, но это никак не связано с любовью к Москве. Круг потенциально нелояльных не ограничивается десятью официальными «донорами». Несколько вполне сильных республик и краев не числятся среди «доноров» не потому, что нищие, а только потому, что не желают делиться.

Картина знакомая, но теперь она заиграла новыми красками: региональные боссы больше не являются назначенцами. Более того, победа на выборах сделала их должниками (в прямом смысле слова) местных элит — не случайно глава Центризбиркома Александр Иванченко, подводя итоги кампании, пожаловался на то, что «кое-где финансирование выборов в местный бюджет было вообще не заложено».

В отношениях с Москвой они теперь чувствуют себя гораздо свободнее. И раньше успехи местных властей в борьбе с федеральными достигались именно за счет отсутствия у Москвы единой региональной политики. Ввести общие правила и заставить глав администраций по ним играть не удавалось даже тогда, когда те были назначенными госслужащими. Теперь же обуздать губернаторов, прошедших горнило народного волеизъявления (а именно в этом состоит цель кремлевских проектов «государственного строительства»), будет совсем трудно.

Ко всему прочему Кремль умудряется еще и обижать своих. К примеру, тюменский губернатор Леонид Рокецкий, получивший почти 60 процентов голосов, может столкнуться с проблемой легитимности — власти входящих в Тюменскую область Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов не позволили провести на своей территории выборы областного губернатора. Москва же не смогла (или не захотела) на них по-настоящему надавить. Тюменской Думе перед самым вторым туром пришлось даже снять «планку минимального участия». Рокецкий не успел еще вновь занять свой пост, а глава Центризбиркома уже заявил: «Губернатор избран всего 14 процентами избирателей от общего их числа. Эта цифра для аналитиков будет иметь серьезное значение».

Кстати говоря, тюменские выборы оказались примечательны и другим: в финале Рокецкий состязался не с коммунистом. В первом туре на второе место легко вышел банкир Сергей Атрошенко. Его популярность росла вместе со слухами о темном происхождении его капитала. Атрошенко набрал около 33 процентов голосов. В Марий Эл вторым — с 36 процентами — оказался «жириновец» Леонид Маркелов. По некоторым сведениям, успехом кампании он обязан представителям малого и среднего бизнеса республики, обозленным на нынешнюю власть за ее неспособность создать нормальный деловой (в частности, налоговый) климат. В затылок нынешним лидерам уже дышат новые бегуны. ■

Случайный политик

Михаил Федотов: «В ЮНЕСКО я говорю то, что мне поручает говорить мое правительство. А это соответствует тому, что я думаю»

Виталий Дымарский

ВИТОК

В 1992 году /на процессе над КПСС/ имел место такой эпизод: Егор Лигачев, отвечая на вопрос представителя президентской стороны, а им был Михаил Федотов, бросил фразу: мол, вы же сами были в те годы членом партии, знаете, как все происходило. «Никогда в этой организации не состоял», — спокойно ответил Федотов

Действительно, он не только не принадлежал к «авангарду советского общества», но замечен был в опасных для того времени связях — в 60-е и 70-е годы принимал участие в демонстрациях правозащитников.

Теперь бывшего диссидента и нынешнего представителя России при ЮНЕСКО Михаила Федотова называют в качестве наиболее вероятного кандидата на вакантное место в Конституционном суде. Если назначение состоится, свой нынешний парижский кабинет, где проходила эта беседа, он скоро сменит на московский.

Диссидент

— На прошедшем в Париже в начале года семинаре «От диссидентства к демократии» многие его участники открыто высказывались за победу коммунистов на президентских выборах — лучше пусть режим будет откровенно тоталитарным, чем тоталитарным по сути, но прикрытым, как сейчас, «фиговым листочком» демократии. Что ж получается — «От диссидентства к диссидентству»?

— Кто такой правозащитник? Это человек с пониженным «болевым порогом», то есть острее, чем другие, чувствующий несправедливость. Мотивация правозащитной деятельности — не в политической целесообразности, а в состоянии души, в духовной потребности. 31 год назад, 5 декабря 1965 года, в Москве состоялся вошедший в историю «митинг гласности», который положил начало диссидентским демонстрациям на Пушкинской площади. Многие его участники были поэтами, а не политиками, и оппозиционность у них — лишь одна из составляющих, причем отнюдь не главная, литературной позиции. Они инако мыслили, но вовсе не боролись за власть. Так, кстати, пришел в диссидентское движение и я — через поэзию.

Политика — сфера профессиональной работы, тогда как правозащитная деятельность не может быть профессиональной, это деятельность духовная.

— Почему же многих диссидентов потянуло в политику? Что ими двигало: желание реализоваться или жажда реванша? Как это происходило у Михаила Федотова?

— Летом 1988 года вместе с Юрием Батуриным, Владимиром Энтиным мы написали проект Закона о печати. Просто раньше, кроме нас, никто в стране этим профессионально не занимался. В проект вложили идеи, которые считали правильными и разумными, — демократические, проверенные мировой практикой. Ни в какую политику не стремились, просто хотели помочь законодателям создать нормальный закон о средствах массовой информации, который утвердил бы в стране гласность. Другое дело, что потом принятие этого закона стало большим политическим событием. Диссиденты не зря требовали свободы слова. Именно в этом «яйце» запрятана игла, на кончике которой — смерть коммунистического Кощея.

Мы приложили немало сил, чтобы пробить законопроект в Верховном Совете, и в глазах общественности приобрели совершенно для нас неожиданный ореол «борцов», хотя в то время таковыми вовсе не являлись. Потом уже нас стали выдвигать кандидатами в депутаты, приглашать на правительственные посты, в президентские структуры. Так что, не нас потянуло в политику, а она нас затянула.

— Часто ли теперь, став послом, вы попадаете в ситуации, когда приходится вступать в конфликт с собственной совестью?

— В ЮНЕСКО я говорю то, что думаю. Вернее, я говорю то, что мне поручает говорить мое правительство. А это соответствует тому, что я думаю. И потому такие конфликты в моей практике возникают крайне редко. Но бывает, скажем, приезжает в составе официальной делегации человек, с которым я не хотел бы общаться, но деваться некуда. Однажды

пришлось пожать руку ныне действующему депутату, который обещал меня повесить, когда «они» придут к власти.

— А вдруг он, наоборот, позовет в случае победы работать на них? Просто как юриста, для которого превыше всего профессионализм.

— И совесть. Помню, как на процессе по делу КПСС меня спросил один журналист: «Если бы к вам обратилась за помощью противоположная сторона, вы бы согласились?». Я ответил отрицательно, потому что это противоречило бы моим убеждениям.

В моей биографии был момент, когда я получил примерно такое предложение: веди себя смирно, делай, что мы скажем, и останешься на своем посту. Было это в августе 1993 года, Верховный Совет тогда принимал поправки к Закону о печати, фактически восстанавливающие цензуру. Моему «ребенку» собрались отрезать ноги, и, по мысли господ депутатов, я сам должен был проводить ампутацию. На мое предупреждение об отставке отреагировали как у нас водится: а никуда не денется. Поверили только, когда заявление на стол положил. Так что выбор для себя я раз и навсегда сделал.

Юрист

— В чем, по вашему мнению, причины коммунистического ренессанса после, казалось бы, окончательной победы демократии в августе 1991 года? Не в том ли дело, что так и не был доведен до конца процесс над КПСС?

— Чтобы провести над Коммунистической партией процесс, подобный Нюрнбергскому, требовалось выполнить как минимум два условия: надо было, во-первых, сокрушить эту партию полностью и окончательно, как в случае с Германией, и, во-вторых, сформировать специальный судебный орган со специальными же полномочиями и перечнем законов и правил, по которым он должен судить.

Нюрнбергский процесс проходил именно так: государства-победители учредили трибунал и определили его статус и правила работы. Наш же Конституционный суд формировался по принципу представительства фракций, как продолжение парламента, где была проельцинская часть и антиельцинская. Вообразите, что было бы, если бы в Нюрнбергском трибунале заседали среди прочих и члены нацистской партии. Хорошо помню, как г-н Зорькин нас останавливал, когда речь заходила о событиях 20-х, 30-х, 40-х годов: «Что вы тут нам про Кумранские рукописи рассказываете». Добиться от него ответа на вопрос, с какого года события нашей истории можно считать недоисторическими, нам так и не удалось.

Относительная «неудача» процесса объясняется еще и тем, что за период между августом 1991 года и маем 1992 года, когда начался процесс, КПСС смогла в значительной степени реанимироваться. Вот если бы осенью 1991-го и президент, и Съезд народных депутатов заняли ясную позицию в отношении «организации, именовавшей себя КПСС» (такую формулировку мы использовали на процессе), то ее можно было бы считать навечно ушедшей в историю.

И тем не менее нам кое-чего удалось тогда добиться. Указы президента в своей главной части были признаны конституционными и по бывшей партийной собственности решения приняты не в пользу КПСС. Кстати, вы читали решение КС по «делу КПСС»? А ведь там черным по белому написано, что в течение десятилетий в стране правил кровавый режим, дана исчерпывающая характеристика КПСС, объявлено, что ее структуры не могут быть восстановлены, а Компартии РСФСР вообще нет как таковой, она — юридический фантом. Другое дело, как выполняются решения Конституционного суда.

— Но можно ли в демократическом обществе запрещать деятельность партии, которую поддерживает значительная часть населения?

— За нацистов тоже голосовало большое число избирателей. А теперь представим себе, что в 1933 году президент Гинденбург, вместо того чтобы передать бразды правления Гитлеру, запретил бы нацистскую партию — не было бы десятков миллионов жертв второй мировой войны. Кроме того, судить надо не по уставам и программам, а по конкретным делам. Декларации об отказе КПСС от идеи захвата власти насильственным путем выглядят на фоне октябрьского мятежа 1993 года не слишком убедительно.

Дипломат

— Если придерживаться хронологии, то теперь несколько вопросов Федотову-дипломату. Не скучно в ЮНЕСКО? Ведь эта организация не имеет большого влияния на международные дела.

— В каком-то смысле ЮНЕСКО — совесть человечества. В ее уставе так и записано: цель — достижение нравственной и интеллектуальной солидарности человечества. Не «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а нравственная и интеллектуальная солидарность.

Что было главным в деятельности России в ЮНЕСКО при коммунизме? Во-первых, пропаганда советского образа жизни. Во-вторых, отпор проискам империализма. Вопросы доступа к информации, участие в каких-то международных проектах — это стояло на последнем месте, а об образовании вообще речь не шла.

Сейчас российская политика в ЮНЕСКО изменилась кардинально. Из России сюда теперь приезжают ученые, деятели культуры, представляющие самые разные направления политической мысли. Произошла деидеологизация нашей деятельности. Главное в ней — через ЮНЕСКО помочь науке, образованию, культуре. Это не та помощь, которую ЮНЕСКО оказывает, скажем, развивающимся странам, финансируя проведение тех или иных мероприятий. Речь идет о сохранении и использовании нашего интеллектуального потенциала, наших знаний, нашего опыта, наших исследовательских институтов с тем, чтобы они работали на мировой прогресс. В первую очередь это касается образования.

У нас, к примеру, произошло знаменательное событие, на которое, увы, должного внимания обращено не было. В Подмосковье имеется Центр космической связи, находившийся, разумеется, в ведении Министерства обороны. Так вот сейчас он передан Министерству образования. Мы предложили Федерико Майору, генеральному директору ЮНЕСКО: давайте использовать этот Центр космической связи вместе, давайте с помощью российских космических технологий создавать Всемирный технологический университет.

В ответ г-н Майор сказал: «Мне очень нравится ваша идея, но хочу вам предложить и свою: я решил создать в России Международный институт ЮНЕСКО по стратегии в области образования и новым технологиям». Следовательно, дела наши не так уж плохи, иначе вряд ли бы возникла идея создавать такой институт на российской базе, с российскими специалистами. Значит, есть реальные успехи, но мы их просто не замечаем. Существует известный психологический эффект: едешь на машине со скоростью 180 километров, а потом сбрасываешь до 130, и в первую минуту ощущение, будто почти остановился. То же происходит с нашим восприятием политической реальности, экономических процессов. Кажется, что ничего не меняется, а на самом деле мы летим со скоростью 150 километров в час. По тому, как здесь, в ЮНЕСКО, оценивают российские реформы, можно утверждать, что страна движется в правильном направлении.

Возьмем, к примеру, один показатель — число иностранных студентов, обучающихся в российских вузах. Оно опять стало расти, причем гигантскими темпами. Если раньше мы за них сами же и платили, то теперь это делают посылающие их страны и организации. Иными словами, что касается высшего образования, то мы уже выходим на мировой рынок образовательных услуг.

— Залог того, что общество не вернется в «царство несвободы», — свобода печати. По прошествии пяти лет с момента принятия «вашего» закона как вы оцениваете его эффективность?

— 3 мая ЮНЕСКО отмечает Всемирный день свободы печати. Так случилось, что в этом году с ним совпала сессия Исполнительного совета ЮНЕСКО. Мы заседали, а в холле монтировался стенд со списком сидящих в тюрьмах журналистов. Ряд послов заявили в связи с этим протест. Причем возмущение вызвало не утверждение, что в их странах прессе не дают свободно дышать, а «вмешательство во внутренние дела». Помню, мне очень захотелось выступить и сказать: не знаю, есть ли там фамилии российских журналистов, но если есть, я не стану требовать снятия стенда именно из соображений пользы своему отечеству. По окончании заседания я пошел посмотреть на список — Россия в нем не значилась. ■

Париж

Образцы классики. Балканский вариант

В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПО ОЧЕРЕДИ ВЫРЕЗАЮТ ИЗ ФЛАГОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ СИМВОЛИКУ: РУМЫНИЯ, СЕРБИЯ И ВОТ ТЕПЕРЬ БОЛГАРИЯ

Сербские студенты разбудили болгарских коллег, которые «развернули революционную агитацию»

Олег Боич

ПАРАЛЛЕЛИ

Когда на софийских улицах начались антиправительственные демонстрации, в скованном гололедом Белграде на митинге сербской оппозиции один из ее лидеров Зоран Джинджич заявил: «Мы не одиноки, и в Болгарии народ против своих социалистов. Там даже применяется наше оружие — свистки и колокольчики».

Похоже, Юго-Восточная Европа осторожно вступает в новую полосу бархатных революций, стремясь осуществить назревшие реформы по возможности безболезненно. Когда демонстрации в югославской столице перевалили за 37-й день, белградские студенты с гордостью объявили, что им удалось побить чешский рекорд.

Реформы, впрочем, обещают и социалисты. Слободан Милошевич в своем новогоднем послании заверил, что нынешний год станет годом преобразований. Правительство болгарского социалиста Жана Виденова в течение двух лет осуществляло реформы с «социальным уклоном». Бывший президент Румынии Ион Илиеску тоже проводил осторожные преобразования. Однако осторожность на деле оборачивается полумерами и подменой реформ их видимостью. Продолжать в том же духе значило бы уподобиться английской леди, которая так любила своего песика, что, когда пришло время укоротить ему хвост, она предпочла делать это постепенно.

Внутренняя потребность стран Юго-Восточной Европы в глубоких реформах все яснее проявляется при изменившихся внешних условиях. После Дейтонских соглашений о Боснии отпала необходимость того, чтобы соседние с ней государства выполняли функцию санитарного кордона. Мировое сообщество больше не опасается, что внутренние процессы в них отвлекут внимание от боснийского кризиса. А вслед за этим заметно снизилась заинтересованность в том, чтобы пребывающие там у власти наследники коммунистов сохраняли свои позиции.

И в Юго-Восточной Европе начался бархатный накат демократической волны. Вначале на президентских выборах в Румынии и Болгарии победили кандидаты от демократов — Константинеску и Стоянов. Потом сербская оппозиция отобрала власть у социалистов почти во всех крупных городах. Стотысячные демонстрации в Сербии — это не только акция в поддержку требований оппозиции вернуть украденные у нее депутатские мандаты, это широкое движение за реформы. Противостояние социалистов и демократов в Болгарии — это не просто торг о времени досрочных парламентских выборов, это ясно выраженное нежелание потерять еще один год на «полумеры».

И в Сербии, и в Болгарии движущей силой демонстраций стала молодежь. Однако белградские студенты уже «застолбили» собственную самостоятельность и дистанцировались от оппозиционных лидеров «папиного поколения». А их болгарских сверстников пока трудно считать самостоятельным движением. К тому же в отличие от сербских парней и девушек, борющихся с полицией при помощи свистков и гвоздик, болгарские студенты не отказываются и от штурмовой тактики.

Для демократов в обеих странах сегодня актуален выбор новых политических лидеров. Желю Желев, известный диссидент, занявший кресло президента Болгарии и имевший все возможности, чтобы стать болгарским Гавелом, так и не взял эту высоту. Он попытался подняться над схваткой, стать непререкаемо авторитетным отцом нации, ведущим ее из тоталитаризма к самым высоким образцам демократии в тот момент, когда ситуация требовала ясного выбора. То же самое несколько лет назад попробовал и патриарх сербской оппозиции Добрица Чосич, силой обстоятельств вознесенный на пост президента новой Югославии. Когда борьбу вели социалист Милошевич и демократ Милан Панич, Чосич также примерял мантию всесербского гуру, учителя демократии. Однако на Балканах гуру не приживаются.

Зато новый президент Болгарии Стоянов имеет хорошие шансы стать сильной фигурой в стане демократов. Тем более что он явно учел ошибки Желева. Да и противники Союза демократических сил переживают сегодня не лучшие времена. Болгарская Соцпартия не имеет яркого лидера. Претендовавший на эту роль Виденов с тяжелой ношей не справился. Ни новый лидер БСП Георгий Пырванов, ни социалистический кандидат в премьеры Николай Добрев на роль харизматического руководителя явно не тянут.

Сербской оппозиции труднее. Ей противостоит не просто соцпартия. Ее главным противником является Слободан Милошевич, который почти десять лет не позволяет никому серьезно посягнуть на свои позиции. Кроме того, Милошевич пока сохраняет в руках свой главный козырь — статус балканского миротворца. А посему мировое сообщество может быть по-прежнему заинтересовано в его сохранении у власти.

Один из главных уроков белградских демонстраций 1991 года, когда на улицы столицы были введены танки, состоит в том, что смена власти происходит не в один день и не в результате штурма. А посему студенты и оппозиция в Сербии настраиваются на длительную борьбу. Милошевич уже пошел на уступки, даже «сдал» Белград, признав победу оппозиции в столице. Сделал он это в расчете на то, что демонстранты успокоятся. Возможно, лидеры оппозиции и правда удовлетворятся этим. Однако уже никто не в силах загнать обратно в бутылку демократический дух, который вырвался наружу в ходе марафонского протеста. Любопытно, кто и кого еще разбудит на Балканах? ■

Белград

ДИСПОЗИЦИЯ

«Синие» в городе!

Почему болгары больше не хотят ждать

«Кто не с нами — красный!», «Красные ублюдки, мы голодные!» — ревет многотысячная толпа, размахивая синими знаменами оппозиции на центральных улицах Софии. Кто-то поет старые болгарские песни времен освобождения от турецкого ига. Демонстранты дружно ругают мафию и требуют проведения досрочных выборов.

Однако всеобщее волеизъявление отнюдь не является для болгар панацеей от всех бед. За шесть лет после падения режима Живкова политические пристрастия качались подобно маятнику. Вначале было переходное правительство социалиста Андрея Луканова, затем правила «большая коалиция», состоявшая из представителей социалистов и Союза демократических сил. После победы на выборах 1991 года СДС властвовал уже в одиночку, но никаких реальных результатов (если не считать результатом разрушение сельхозкооперативов) он добиться не смог. Ему на смену пришло беспартийное правительство Любена Берова, также не проводившее за два года своего пребывания у власти никаких реформ. После победы социалистов на выборах 1994 года правительство возглавил Жан Виденов. Его попытки провести приватизацию по «ваучерной модели» и избавиться от нерентабельных предприятий привели лишь к 300-процентной инфляции и расцвету коррупции. Средняя зарплата болгар упала до 80 долларов, а пенсия — до 20. За последний год цены на продовольствие выросли в 4 раза. Сотни тысяч молодых болгар эмигрировали в поисках лучшей жизни.

Гром грянул после отставки Виденова, когда его на посту партийного лидера сменил Георгий Пырванов, а новым премьером должен был стать бывший министр внутренних дел Николай Добрев. Его имя подействовало на оппозицию, как на быка — красная тряпка. «Черной пятницей» болгарской демократии стало 10 января, когда разъяренная толпа ворвалась в парламент. Сейчас ведется следствие, которое должно установить, кто виноват в погромах, когда в столкновениях с полицией около 200 человек получили ранения.

Политический сюрприз в Болгарии вызван тем, что согласно принятой по инициативе уходящего президента Желю Желева конституции мандат на формирование правительства вручается представителю парламентского большинства. Желев обусловил свое согласие на кандидатуру Добрева компромиссом, к которому должны прийти социалисты и оппозиция о дате проведения досрочных выборов. Однако новый президент Петр Стоянов (в прошлом, кстати, адвокат, специалист по бракоразводным делам), не желая срывать свою инаугурацию из-за неявки «красных» в парламент, уже заявил о том, что даст мандат представителю социалистов.

«Синие», выигравшие последнюю — президентскую — выборную гонку, настаивают на проведении досрочных парламентских выборов в надежде, что они смогут победить и на них. И, уже сконцентрировав в своих руках президентскую, парламентскую и исполнительную власть, приступить к реформам.

«Красные», однако, не желая добровольно сдавать свои полномочия, предлагают свою программу экономических реформ на ближайшие 500 дней с проведением досрочных выборов лишь в конце этого года. Они тоже намерены апеллировать к улице.

Ситуация в Болгарии сложилась патовая. Но так не может продолжаться долго. «Бунты голодных» уже доказали, что улица больше не хочет ждать.

А. А., София

Получрезвычайное положение

Лидер «Союза демократических сил» **Иван Костов: «Мы лишь частично контролируем улицу»**

Андрей Апостолов

ЭКСКЛЮЗИВ

— Когда говорят, что в бывшей Югославии есть хлеб, но нет демократии, понятно, почему люди бастуют — к такой формуле в Восточной Европе уже привыкли. Почему же люди выходят на улицы в Болгарии, где спустя семь лет после начала перемен есть демократия, но нет хлеба?

— Болгария, которая в начале реформ была оазисом относительной стабильности и спокойствия, оказалась в таком унизительном положении, потому что была ограблена. Сначала вывезли все зерно, сейчас крадут все, что осталось. Вот перечень причин: продажная власть, засилье мафии, всепроникающая коррупция и уничтожение бизнеса.

— В этой ситуации оппозиция взяла на себя ответственность и вывела людей на улицы, что, как известно, закончилось погромами и ранеными. Не напоминает ли вам это событие из русской истории — 9 января 1905 года? Были ли столкновения 10–11 января 1996-го провокацией? Вы вообще контролируете улицу?

— Мы абсолютно убеждены, что события 10—11 января вышли из-под нашего контроля в результате провокации со стороны парламентской группы Болгарской соцпартии, отказавшейся голосовать за предложенную нами декларацию «Во имя спасения Болгарии». Этот документ предлагает всем парламентским фракциям договориться о дате досрочных выборов, после чего они также все вместе должны отказаться составить новый кабинет. Тогда президент будет иметь основание распустить парламент и назначить временное правительство, которое будет управлять страной до выборов.

Что касается улицы, то ее мы контролируем лишь частично. Но если правящая коалиция не пойдет на наши условия, мы ради спасения Болгарии организуем общенациональную политическую стачку.

— И как долго будут продолжаться протесты «синих» против правительства социалистов?

— Пока не будет достигнуто национальное согласие, без которого Болгарии не выйти из кризиса. Сегодня же мы настолько далеки от взаимопонимания, что сохраняется опасность введения в стране чрезвычайного положения. Первой волной уличного насилия дело не ограничилось, есть данные о новых случаях беспорядков. Громят здания, грабят. Украли даже часть инвентаря парламента. Я бы назвал положение в Болгарии «получрезвычайным».

— Вы еще предлолагаете, что компромисс с правящей коалицией возможен?

— Он возможен только на основе нашей программы. Предлагаемая ею схема ни в чем не противоречит конституции, но она требует, чтобы социалисты и их партнеры по коалиции добровольно отказались от власти. Поскольку Болгарская социалистическая партия только что провалилась на выборах президента (второй тур состоялся 3 ноября. — **Итоги**), у нее нет никаких шансов добиться успеха на досрочных выборах.

— Правящая БСП практически согласилась на досрочные выборы, но настаивает на своей программе «500 дней».

— Эта позиция для нас абсолютно неприемлема. Мы видим спасение Болгарии только в быстрых экономических мерах по выходу из кризиса. Наша конкретная экономическая программа находится в стадии разработки. Однако уже сейчас могу сказать: ее элементами станут введение валютного контроля, структурная перестройка экономики, взаимодействие с международными финансовыми институтами. Мы надеемся, что эта программа поможет сплотить нацию.

— А вы готовы взять на себя управление страной, находящейся в глубоком кризисе, если придете к власти на выборах?

— Народ никогда не будет поддерживать тех, кто не умеет им управлять.

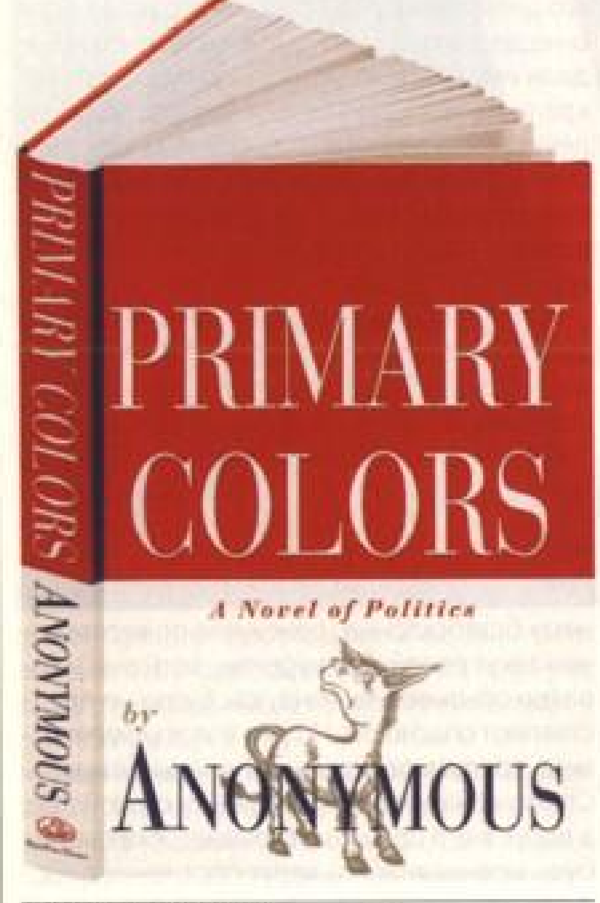
— Должна ли Болгария стать президентской республикой?

— Это очень важный вопрос. Нам еще надо серьезно подумать. ■

София

Билл Клинтон: успех все спишет

«Предвыборные цвета» — роман об американском президенте с политическим сюжетом и детективной историей

Маша Липман

ИНАУГУРАЦИЯ

20 ЯНВАРЯ 1997 ГОДА БИЛЛ КЛИНТОН вступит в свой второй и последний президентский срок. Четыре года назад его приветствовали восторженные поклонники, которые, впрочем, скоро поостыли к своему либеральному кумиру. К 1996 году и восторги, и разочарования остались в прошлом, и Клинтон предстал общественным взорам как претендент вне конкуренции. Его победа над соперником-республиканцем стала совершенно очевидной задолго до окончания предвыборной кампании.

«В течение 1996 года я и мои коллеги множество раз писали, что это самая скучная президентская кампания за всю историю <Соединенных Штатов>» — эти слова сказаны спустя почти два месяца после выборов ведущим обозревателем журнала «Ньюсуик».

Журналисты и теперь, как и до выборов, привычно перечисляют «скандалы Клинтона» — обвинение в сексуальных домогательствах, выдвинутое Полой Джонс, дело о финансовых махинациях «Уайтуотер», сомнительные методы сбора информации о политических противниках с использованием досье ФБР и нарушение правил финансирования предвыборной кампании — но и они сами, и их читатели относятся к разоблачениям равнодушно.

БУДУЩИЙ «АНОНИМ» **ДЖО КЛАЙН** (СЛЕВА) РЯДОМ СО СВОИМ ГЕРОЕМ **БИЛЛОМ КЛИНТОНОМ** ВО ВРЕМЯ КАМПАНИИ 1992 ГОДА, СОБЫТИЯ КОТОРОЙ ВДОХНОВИЛИ ЕГО НА НАПИСАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РОМАНА

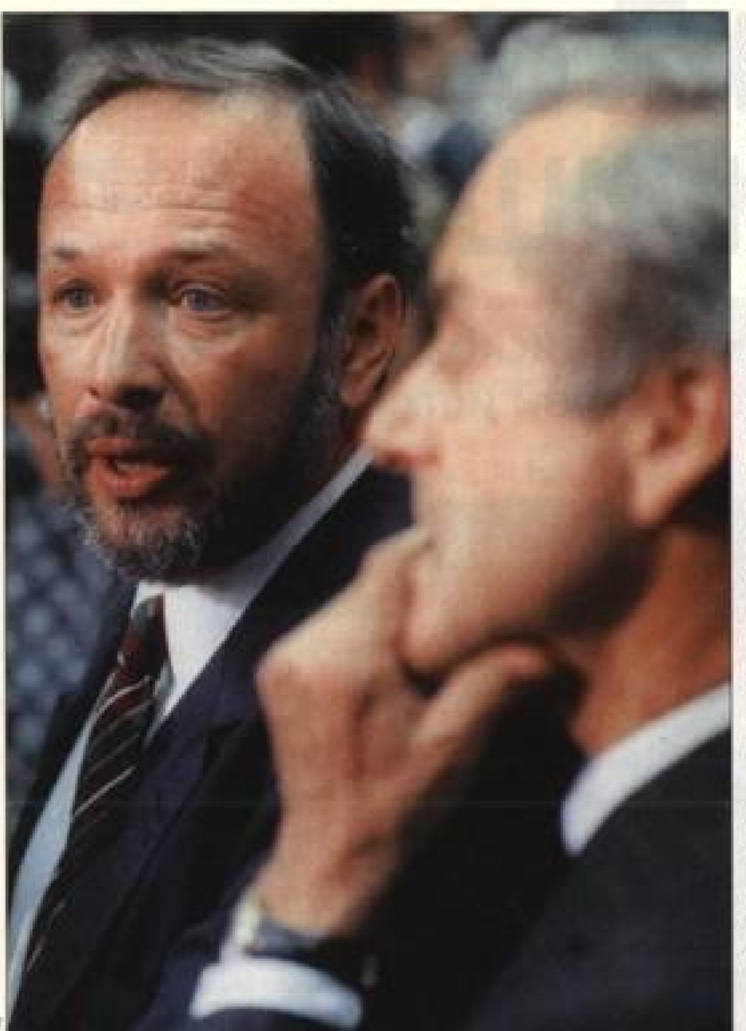
Как непохоже это безразличие на эмоциональный накал, сопровождавший приход Клинтона к власти четыре года назад. Об общественной атмосфере президентской кампании 1992 года скучающим избирателям напомнила книга «Предвыборные цвета» (английское название романа Primary Colors имеет двоякий смысл: «основные цвета» и «цвета праймериз», предварительных выборов). Под стать тогдашним бурным переживаниям американских либералов не только само повествование с быстрой сменой драматических событий, но и обстоятельства выхода романа в свет.

Загадка Анонима

«Предвыборные цвета» вышли 22 января 1996 года небольшим тиражом 62 тысячи экземпляров. К началу марта был напечатан уже миллион. Успех романа превзошел самые смелые ожидания издателя, и автор заслуживал бы восторженных похвал и поздравлений — если бы он был. Но на обложке стояло слово «Аноним».

Все, кто был так или иначе связан с кампанией Клинтона, сходились в одном: события описаны с поразительной точностью и в таких подробностях, которые мог знать только человек из близкого окружения Клинтона. Члены президентской команды тотчас принялись указывать друг на друга: личные советники — на консультантов, имиджмейкеры — на помощников, социологические эксперты — на специалистов по связям с общественностью. Чаще всего называли имя Джорджа Стефанопулоса, пожалуй, самого приближенного к Клинтону члена его команды. В нем же узнавали рассказчика, от лица которого ведется повествование.

В самом начале февраля газета «Вашингтон пост» напечатала список из 35 «подозреваемых». Каждый из 35 (среди которых оказался даже Генри Киссинджер) заявлял, что не писал «Предвыборные цвета», и высказывал собственные догадки о личности Анонима.

ДЖО КЛАЙН УЛИЧЕННЫЙ :
НА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ В ИЮЛЕ 1996 ГОДА ВМЕСТЕ СО СВОИМ ИЗДАТЕЛЕМ ГАРОЛЬДОМ ЭВАНСОМ, КОТОРЫЙ УТВЕРЖДАЛ, ЧТО В МОМЕНТ ПУБЛИКАЦИИ «ПРЕДВЫБОРНЫХ ЦВЕТОВ» ДАЖЕ ОН НЕ ЗНАЛ, КТО СКРЫВАЕТСЯ ПОД МАСКОЙ АНОНИМА

Тогда же интерес к загадке Анонима проявил сам главный герой «Предвыборных цветов». Президент Клинтон (в романе он выведен под другой фамилией) по этому поводу иронически заметил: «За все три года, что я в Вашингтоне, это единственный секрет, который удалось сохранить».

В середине февраля Дональд Фостер, крупный специалист по Шекспиру и известный текстолог, на основании компьютерного анализа уверенно заявил, что автор «Предвыборных цветов» — Джо Клайн, ведущий политический обозреватель журнала «Ньюсуик». Клайн категорически опроверг это утверждение. Впрочем, конкурирующее текстологическое исследование указало на другого журналиста.

Пресса и телевидение увлеченно играли в угадайку месяца два, но поскольку никто из подозреваемых не сознался (чаще других называли все-таки Клайна), то постепенно лихорадка спала. Лихорадка, но не читательский интерес. Двадцать недель «Предвыборные цвета» удерживались в списке бестселлеров, девять из них — на первом месте. К июлю было напечатано 1,2 миллиона экземпляров книги. За полтора миллиона долларов проданы права на переиздание книги в мягкой обложке. Столько же режиссер Майк Николс заплатил за права на экранизацию (съемки начнутся в марте этого года, в главной роли губернатора Стентона — Джон Траволта). Права на издание книги купило 21 зарубежное издательство.

Тайна Анонима была раскрыта в июле, когда газета «Вашингтон пост» приобрела у некоего букиниста переплетенный экземпляр гранок «Предвыборных цветов» с пометкой «СЕКРЕТНО! Направляется исключительно для личного ознакомления!! Запрещается передавать в книжные магазины!!» и — главное! — с рукописными исправлениями. Газета наняла криминалиста-графолога, который сопоставил их с образцом почерка Джо Клайна и пришел к выводу о том, что пометки безусловно сделаны его рукой. На следующий день Джо Клайн признал, что Аноним — это он.

Джек Стентон (настоящее имя — Билл Клинтон) в изображении Анонима (настоящее имя — Джо Клайн)

В начале повествования Джо Клайн — будем называть его настоящим именем, хотя издатель предпочел оставить на обложке слово «Аноним» даже и после разоблачения, — уведомляет читателя, что «ни одно из описываемых событий в действительности не имело места». При этом главный герой разительно похож на Билла Клинтона, а многие эпизоды книги — на те, что «в действительности имели место» в 1992 году.

Действие разворачивается в период «праймериз». Джек Стентон, безвестный губернатор-демократ с Юга, наделен невероятной энергией и бесконечным обаянием, перед которым никому не устоять. Он исступленно верит в свою победу даже тогда, когда в нее не верит больше никто. Он не лишен пороков больших и мелких (испытывает слабость к женскому полу и любит поесть), но не сомневается, что будет лучшим президентом, чем любой из его конкурентов-демократов. О республиканцах и говорить не приходится.

Повествование ведется от лица самого верного помощника Стентона по имени Генри Бертон (хотя Клайн изобразил его черным, читатели все равно узнавали в нем Джорджа Стефанопулоса).

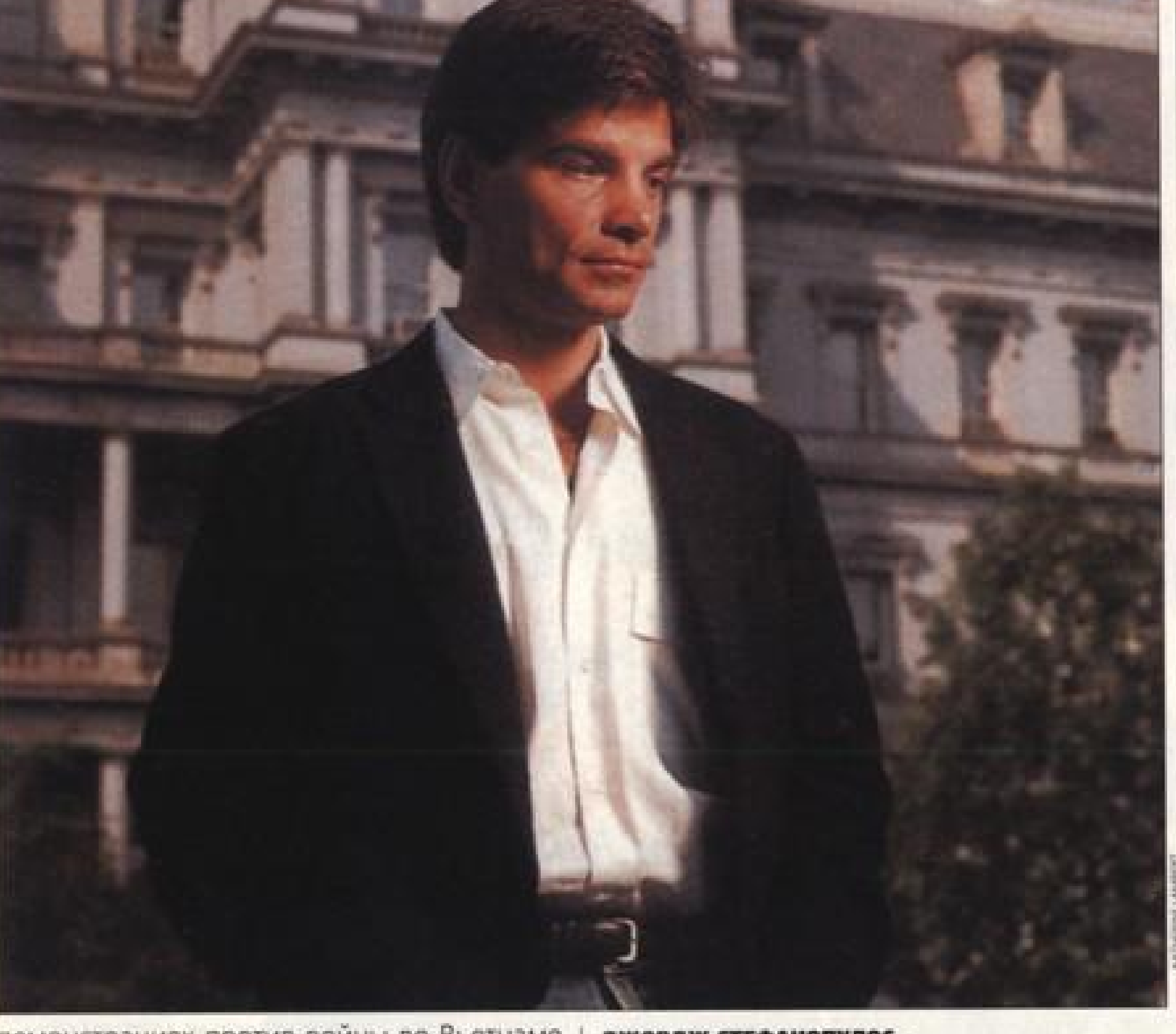
«Предвыборные цвета» открываются сценой первой встречи Бертона с губернатором. «Мы пожали друг другу руки... С тех пор я, наверное, два миллиона раз видел, как он обменивается с кем-нибудь рукопожатием, но у меня не хватает слов описать, КАК это происходит, что он выделывает правой рукой: с какой силой, как долго удерживает чужую руку в своей... Но зато я могу много чего рассказать о том, что он вытворяет левой. Тут ему нет равных. Иногда он берет ею человека за локоть или располагает ее чуть повыше, там, где бицепс. Это еще самое простое, это он делает автоматически. Он в вас заинтересован, знакомство с вами — большая честь для него. Если его рука забирается еще выше, например, он слегка приобнимает вас, то сам жест означает меньшую близость. Но зато он заговорщицки засмеется или нашепчет вам что-нибудь на ухо — не настоящий секрет, а так, мелочь, — но этого вполне достаточно, чтобы человек почувствовал ... будто его допустили в ряды тайного общества. Если он едва знаком с вами, а вы только что поведали ему нечто «важное»... он удостоит вас крепким пожатием обеих рук, расположив левую так, чтобы она покрывала все пространство от запястья до локтя. И одарит вас этим своим знаменитым чуть затуманенным взором. И самое главное, он делает это совершенно искренне».

Бертон сражен наповал, отныне он всей душой принадлежит Джеку Стентону и его жене Сьюзен. «Было очевидно, что им предстоит нечто замечательное... Они оставляли ощущение неизбежной судьбы, особого предназначения».

Вначале все идет отлично. Губернатор Стентон нравится нью-гемпширцам, в чьем штате проходят первые праймериз, пресса к нему благосклонна, денежные пожертвования текут рекой. Конкуренты, хоть они и гораздо опытнее Стентона, как будто не представляют опасности. Но уже в этот момент самые предусмотрительные члены команды Стентона начинают проявлять беспокойство: а вдруг в его прошлом скрывается какая-нибудь мрачная тайна, вдруг противник доберется до нее раньше.

Клайн заставляет читателя задуматься над вопросом, явно мучившим его самого. В чем заключена подлинная преданность члена команды: должен ли он безраздельно доверять своему патрону и считать его достойнейшим из смертных или обязан каждую секунду сомневаться в его честности, всякий миг готовиться к разоблачениям политических, личных, финансовых прегрешений. И хотя современные политические технологии, несомненно, требуют второго, рассказчик «Предвыборных цветов» предстает в романе рефлектирующим идеалистом. Его профессиональная работа советника намеренно вытеснена на задний план, а на первом — глубокие размышления и подлинные чувства, столь характерные в то время для либеральных интеллектуалов, к числу которых принадлежал и сам Джо Клайн.

Излишне говорить, что предчувствия циничных профессионалов вскоре подтверждаются. Журналистам удается раскопать, что в 1968 году Стентон, арестованный за участие в демонстрации протеста против войны во Вьетнаме, воспользовался своими связями и был вскоре отпущен из участка благодаря заступничеству некоего сенатора. (Уклонение Клинтона от призыва в конце 60-х и участие в демонстрациях против войны во Вьетнаме активно обсуждалось в прессе и оттолкнуло от него немалое число избирателей на выборах 1992 года.)

ДЖОРДЖ СТЕФАНОПУЛОС —
ПРОТОТИП РАССКАЗЧИКА, ОТ ЛИЦА КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ В «ПРЕДВЫБОРНЫХ ЦВЕТАХ», — И ПОСЛЕ ПЕРЕИЗБРАНИЯ КЛИНТОНА НА ВТОРОЙ СРОК ОСТАЕТСЯ ОДНИМ ИЗ НАИБОЛЕЕ ПРИБЛИЖЕННЫХ К ПРЕЗИДЕНТУ ЧЛЕНОВ ЕГО КОМАНДЫ

Еще прежде чем исчерпана «вьетнамская тема», журналистам достается свежая добыча: некая Кэшмир Маклеод, бывшая парикмахерша жены Стентона, объявляет, что губернатор был ее любовником (очевидный намек на скандал, разыгравшийся во время кампании 1992 года, когда Дженнифер Флауэрз заявила о своей любовной связи с Биллом Клинтоном. С тех пор вышла ее книга «Как я спала с президентом».)

Стентон продолжает маниакально верить в свою победу, хотя до праймериз остается всего неделя. И тут его настигает новый удар: Уилли Макколистер, чернокожий хозяин ресторанчика в родном городе губернатора, сообщает, что его несовершеннолетняя дочь беременна от Стентона, которого он всегда боготворил.

Стентон сжимает зубы и продолжает вести кампанию «на чистой силе воли». Он встречается с избирателями, обольщает, сопереживает. И ведь метод работает, черт возьми. Губернатор выступает перед рабочими, объясняя, что есть два типа политиков: одни говорят избирателю то, что он хочет услышать, а другие вообще не удостаивают его разговором. Подразумевается, что есть и третий тип — «Политик, Говорящий Народу Правду», к которому относится он сам. Слушая эти проникновенные слова, рабочие верят Стентону. Пожалуй, и читатель должен забыть, что губернатор — растлитель малолетних.

Стентон борется до конца. В последний день отказывается от разъездов: «каждая минута в автомобиле — потерянная минута». Вместо этого отправляется в расположенный неподалеку большой магазин и проводит там импровизированную встречу с избирателями-покупателями.

Стентон не выиграл праймериз в Нью-Гемпшире (проиграл их в свое время и Клинтон), но результаты голосования оказались все же несколько лучше, чем можно было опасаться. Это придает бодрости стентоновской команде: есть смысл бороться дальше.

Вот только как поборешься с беременностью несовершеннолетней Макколистер? «Я не мог позволить себе поверить в то, что Джек Стентон злоупотребил доверчивостью несовершеннолетней девочки, но и поверить в его невиновность тоже не мог», — говорит Генри Бертон.

Честен ли губернатор Стентон, заслуживает ли он того, чтобы Бертон беззаветно служил ему, достоин ли встать во главе американской нации? На этот вопрос мучительно ищет ответа Бертон, а вокруг кипит работа стентоновского штаба, на вооружении которого весь арсенал современных предвыборных технологий.

Прошлым летом и жителям России довелось узнать, как умелое применение подобных методов может переломить ситуацию в пользу не слишком популярного кандидата. «Какие такие подлинные ценности? — снисходительно объясняет Бертону циничный коллега по штабу. — Не существует ничего истинного. По крайней мере в нашем ремесле».

Какой президент нужен Америке?

Книга Клайна не только увлекательный рассказ о перипетиях предвыборной борьбы, но и попытка автора разобраться в собственном отношении к Клинтону и объяснить, почему именно такой человек должен стать президентом.

Джо Клайн страстно желал победы Клинтона — своего сверстника, демократа, поборника либеральных ценностей. В январе 1992 года, будучи обозревателем еженедельника «Нью-Йорк», он первым среди американских журналистов написал большую восторженную статью о Клинтоне. Клайн был весьма близок к кандидату на протяжении того периода, который описан в «Предвыборных цветах». Подобно своему герою (как сказал сам Клайн, «< Бертон> списан отчасти с Джорджа <Стефанопулоса>, в большой степени с меня и отчасти с некоторых моих знакомых черных, принадлежащих к среднему классу»), он, по-видимому, не раз оказывался перед моральной дилеммой, обнаруживая, что кандидат не так безупречен, как хо-

ПОЛА ДЖОНС, ОБВИНЯЮЩАЯ БИЛЛА КЛИНТОНА В СЕКСУАЛЬНЫХ ДОМОГАТЕЛЬСТВАХ В БЫТНОСТЬ ЕГО ГУБЕРНАТОРОМ ШТАТА АРКАНЗАС. СКАНДАЛ В ПРЕССЕ, РАЗЫГРАВШИЙСЯ В СВЯЗИ С ЕЕ ЗАЯВЛЕНИЕМ, НЕ ПОМЕШАЛ АМЕРИКАНЦАМ ПЕРЕИЗБРАТЬ КЛИНТОНА НА ВТОРОЙ СРОК, НО СЕЙЧАС ЕЕ ФОТОГРАФИИ ВНОВЬ ПОЯВИЛИСЬ НА ПЕРВЫХ СТРАНИЦАХ АМЕРИКАНСКИХ ГАЗЕТ. ПЫТАЯСЬ НЕ ДОВЕСТИ ДЕЛО ДО СУДА, ПРЕЗИДЕНТ США УЖЕ ИСТРАТИЛ НА АДВОКАТОВ ПОЛТОРА МИЛЛИОНА ДОЛЛАРОВ, ПРИ ТОМ ЧТО ИСК ПОЛЫ ДЖОНС СОСТАВЛЯЕТ 700 ТЫСЯЧ

ТАКИМ БЫЛ **БИЛЛ КЛИНТОН** В 1968 ГОДУ, КОГДА, УКЛОНЯЯСЬ ОТ ПРИЗЫВА В АРМИЮ, УЕХАЛ УЧИТЬСЯ В ОКСФОРД, УЧАСТВОВАЛ В ДЕМОНСТРАЦИЯХ ПРОТИВ ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ, КУРИЛ МАРИХУАНУ (ТЕПЕРЬ, ПРАВДА, УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО НЕ ЗАТЯГИВАЛСЯ) И МЕЧТАЛ О ВОЗВРАЩЕНИИ К ВЛАСТИ ДЕМОКРАТОВ. ТОГДА ЖЕ ОН ВПЕРВЫЕ ПОБЫВАЛ В МОСКВЕ. НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 1992 ГОДА ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОБЩЕМ «МЯТЕЖНОМ» ПРОШЛОМ ОБЕСПЕЧИЛИ ЕМУ ЛЮБОВЬ И ГОЛОСА ПРЕДАННЫХ СТОРОННИКОВ ИЗ ЧИСЛА ЛИБЕРАЛЬНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ, В ЧИСЛЕ КОТОРЫХ БЫЛ И ДЖО КЛАЙН

телось бы. Однако неизменно продолжал его поддерживать.

Один из конкурентов Стентона стремительно набирает популярность. При этом он не использует никаких искусственных приемов — никаких тебе опросов, фокус-групп, консультантов или имиджмейкеров. Бертон признает, что лучшего политика он не видел в жизни. Команда Стентона, чувствуя, что в честной борьбе губернатору не выиграть, бросается на поиски компромата. И находит: оказывается, в молодые годы соперник Стентона употреблял кокаин и имел гомосексуальную связь, не говоря уже об участии в сомнительных сделках. Но следует ли пускать в ход добытую информацию? Ведь Стентон тем и дорог своим сторонникам (как и Клинтон своим в то время), что он как будто не похож на «политиков-до-мозга-костей», которым все средства хороши для победы и на которых работает бездушная партийная машина. Казалось бы, и у Стентона такая же машина: армия имиджмейкеров, экспертов по политической рекламе — отдельно положительной и отрицательной, социологов и консультантов всякого рода, но все-таки Бертон отчего-то продолжает верить: в его избраннике есть нечто настоящее, истинное.

Разочаровавшись в Стентоне, который так и не увидел моральной проблемы в корыстном разоблачении личных тайн конкурента, кончает с собой одна из наиболее преданных и давних его соратниц. И Бертон решает покинуть губернатора. Тот со всей страстью убеждает Генри остаться. В эмоциональной речи, которую он произносит на последних страницах книги, звучит ответ на вопрос, которым на протяжении всего романа задавался Бертон: почему именно такой политик, как Стентон, должен стать американским президентом.

«Мы говорим им то, что они хотят услышать... На протяжении всей жизни мы расточаем фальшивые улыбки... Такова цена, которую приходится платить за то, чтобы встать надо всеми. Ты что же, думаешь, Авраам Линкольн не вел себя, как проститутка, прежде чем стал президентом?.. Он делал все это, чтобы... в один прекрасный день обратиться к народу... Вот в чем смысл. В том, чтобы делать дело... и делать его правильно... Есть люди в этой игре, которые совсем не думают о народе. Они просто хотят выиграть.

В конце концов, Генри, кто же справится с этим лучше меня? Неужели ты думаешь, что кто-нибудь из них способен сделать для народа больше, чем я?..»

Бертон хотя и не дает ответа, но явно готов дрогнуть.

Успех как высшее мерило

Какие бы сомнения ни одолевали самого Джо Клайна, он остался с Клинтоном до конца. И оказался прав: Клинтон выиграл, и победа, по крайней мере на время, списала все сомнения.

Джек Стентон (и Билл Клинтон) — из либеральной молодежи 60-х годов, которая одушевлялась антибуржуазным пафосом, носила длинные волосы, а вместо войны делала любовь. Став кандидатом в президенты, Стентон (и Клинтон) снискал себе страстных приверженцев из числа тех, кто разделял его юношеские идеалы. И хотя едва ли кто-то из них всерьез надеялся, что именно эти идеалы он принесет с собой в Белый дом, какая-то неотрефлектированная надежда на чистое и честное, видимо, оставалась.

С воцарением Клинтона в Белом доме в 1992 году надежда сменилась разочарованием (для Джо Клайна разочарование нашло себе выход в нашумевшей статье 1994 года под названием «Политика случайных связей»), а впоследствии уступила место «взрослому» осознанию того, что Билл Клинтон хоть и протестовал против войны во Вьетнаме и курил марихуану, но все-таки прежде всего политик.

В 1996 году едва ли кто-нибудь из проголосовавших за Клинтона видел в нем воплощение идеалов. Его моральный облик, выставленный прессой всем на обозрение, не внушал избирателям доверия, но и не помешал им выбрать его в президенты. Несомненный успех, критерием которого стало экономическое благополучие, вкупе с обещаниями сбалансированного бюджета в глазах американцев перевесили измену либеральным ценностям и супружескую неверность.

Забавным образом Джо Клайн и сам на короткое время сделался предметом дебатов о честности. Как только он был уличен и признался в авторстве «Предвыборных цветов», коллеги обрушились на него с гневным осуждением. Он-де подорвал читательское доверие к журналистам, поскольку неоднократно лгал, отрицая, что Аноним — это он. Некоторые из них даже требовали, чтобы «Ньюсуик» уволил Клайна. Но шквал критики вскоре стих, а «Предвыборные цвета», принесшие автору не менее шести миллионов долларов, были признаны одним из наиболее успешных литературных дебютов последних лет.

Упал в яму – не рой дальше

Грозный соперник консерватора Мейджора, лидер «новых лейбористов» Тони Блэйр, атакует во фланг

Страйкер Макгуайр

(Newsweek)

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Прошедший год был богат неудачами для британского премьер-министра Джона Мейджора, но первая неделя октября выдалась, пожалуй, самой скверной. Его соперник, лидер лейбористов Тони Блэйр, сумел на ежегодном съезде в Блэкпуле сплотить свою раздробленную партию. Все три дня съезда стояла безоблачная погода, при том что Блэкпул славится исключительно дождливым климатом. Это добавило блеска его фактической коронации, подробно освещенной даже антилейбористскими газетами.

Джон Мейджор и его предшественница Маргарет Тэтчер целых 17 лет не давали лейбористам ухватиться за бразды правления. Но теперь обновленная партия с новым лидером во главе, вдохновляемая опросами общественного мнения, которые демонстрируют самый низкий уровень популярности консерваторов с 1973 года, готовится взять реванш на выборах грядущей весной и дружно вторит боевому кличу Блэйра: «Я говорю тори: «Довольно! Слава Британии возродится, а тори – никогда!»

А в Лондоне на злосчастного Мейджора обрушились все мыслимые беды. В рядах консервативной партии, ослабляя ее, в очередной раз вскипела жестокая схватка между сторонниками и противниками интеграции в единую Европу – и все это произошло как раз накануне партийного съезда тори и в условиях значительного усиления лейбористов. Еще неприятнее был разразившийся недавно, но, впрочем, быстро замятый скандал с подкупом членов парламента – он обескуражил тори и запятнал их репутацию. И утешаться Мейджор может лишь тем, что не обязан назначать выборы до мая нынешнего года, и, значит, у него есть немного времени придумать и осуществить спасительный маневр. Любопытно знать, какой? Его поддерживает всего треть опрошенных – в послевоенной Британии столь низкого рейтинга не было ни у одного премьер-министра. Боб Вустер, председатель одной из британских социологических компаний MORI, считает, что у Мейджора почти нет шансов переломить ситуацию. Его совет звучит так: «Свалился в яму – не рой дальше».

Именно так и намерены действовать консерваторы – не углублять яму, а вылезти и пойти в атаку. Стратегические тонкости были разработаны на съезде в Борнмуте. Консерваторы рассчитывают на успех классического маневра, именуемого «клещи». Удары наносятся одновременно в двух направлениях: цель одного – Блэйр и лейбористы, цель другого – Европа и экономика.

По расчетам одного из аналитиков партии тори, «стоимость» первого удара составляет примерно треть всех усилий и средств, затрачиваемых на избирательную кампанию. В пропагандистских материалах, речах и статьях Блэйр, заявляющий о своем центризме, подается этаким «лейбористским волком в шкуре консерватора». Поставлена задача опорочить группирующихся вокруг Блэйра «новых лейбористов» и отсечь от них колеблющихся избирателей, втолковав им, что они имеют дело с традиционной политикой лейбористов «собирай [налоги] и трать». «Они ведь разбрасывают посулы, как конфетти, – говорит Морис Фрэзер из Лондонского института экономики, будущий политический консультант избирательной кампании тори. Однако консерваторы постараются действовать тонко и изобретательно. – Когда переизбираешься на пятый срок, от тебя не ждут очернения противника. Мы должны давать трезвые, честные оценки, но при этом предлагать конструктивные решения».

Теперь, когда инфляция и безработица пошли на спад, а экономика находится на подъеме, консерваторы возвестят, что, излечившись от «судорог», сопровождавших период правления Тэтчер, Британия превратилась в центр европейского предпринимательства, этакий райский сад. Кроме того, тори непременно разыграют и европейскую карту. Игра строится на том, что межправительственная конференция ЕС, посвященная будущему объединению Европы, состоится в эндшпиле партии, как раз когда британцам придет время голосовать. А для Британии вопрос вопросов – это присоединяться или нет к единой европейской денежной системе. Мейджор, по замыслу своих стратегов, примет решение лишь после того, как выборы останутся позади, а в ходе избирательной кампании будет всячески демонстрировать, что в критический момент британской истории он крепко держит штурвал и знает, куда его поворачивать. «Я не могу сказать, что внешняя политика определяет победу на выборах, – говорит Фрэзер. – Но это весомый фактор».

Скандал с так называемыми «запросными деньгами» прошедшей осенью сильно углубил яму, в которой сидят тори. Нейл Гамильтон, член палаты общин от консервативной партии, в свое время был обвинен в том, что тайно получал деньги и дорогостоящие подарки за внесение на рассмотрение парламента запросов, выгодных дарителю. В 1994 году после обвинений, выдвинутых газетой «Гардиан», Гамильтон вынужден был уйти с поста министра торговли. Как предполагают, Гамильтон работал на Иана Грира, видного лоббиста, представляющего, помимо прочих, интересы Мухаммеда эль-Файяда, египтянина по происхождению, человека сомнительной репутации, владеющего одним из самых дорогих магазинов Лондона «Хэррод». Скандал с новой силой вспыхнул в начале октября, когда Гамильтон отказался от своего судебного иска по обвинению «Гардиан» в клевете.

Лейбористы тоже оказались не без греха. По данным все той же «Гардиан», Грир давал деньги еще, по крайней мере, двадцати парламентариям, в том числе и паре лейбористов. Но консерваторам это вряд ли поможет. Как и то, что по британскому законодательству подобные выплаты допускаются. Консерваторы (поскольку они – у власти) все равно вываляны в грязи, причем куда основательней, чем лейбористы. ■

Дела в Британии могли бы идти лучше

Девиз Блэйра: «Налогоплательщик, отдохни!»

БУРЯ И НАТИСК

Лидер лейбористов Тони Блэйр не так давно встретился в своем вестминстерском кабинете с корреспондентами «Ньюсуика» и дал им интервью. Ниже вы публикуем выдержки из него:

– Вы охарактеризовали «новых лейбористов» как сторонников снижения налогов. Как же вам удастся совместить такую политику с совершенствованием системы образования и здравоохранения?

– В числе наших приоритетов – переориентация расходной части бюджета, предусматривающая сокращение расходов на социальную помощь и увеличение их в таких сферах, как образование. Как только мы получим пространство для маневра в области налоговой политики, мы постараемся помочь наименее обеспеченным слоям населения. Лейбористская партия всегда будет сторонницей крепких финансов и взвешенной финансовой политики. Неразбериха в финансах страны всегда в конечном итоге будет оплачена из кармана рядового налогоплательщика.

– Что вы можете возразить тем стратегам из лагеря тори, которые утверждают, что ваша программа никак не способствует созданию общества с низкими налогами?

– Если разобраться в причинах того, почему при консерваторах ставки налогов выросли – а рост самый большой за всю послевоенную историю страны: семь пенсов сверх обычной базовой ставки подоходного налога, – станет очевидно, что правительство утратило контроль над состоянием дел в финансовой области. Мгновенно восстановить его не удастся. И потому я не обещаю, что урежу все налоги. Я говорю о другом: если нам удастся поднять уровень производства, то будем в состоянии расходовать средства по своему усмотрению и получим «оперативный простор» для того, чтобы снять часть налогового бремени с тех, кто в этом особенно нуждается.

– «Поднять уровень производства» – это выражение уместнее звучало бы в устах приверженца свободного рынка.

– Можете считать меня таковым. Ибо, пока в британской промышленности не возобладают высокие технологии, а занятые на производстве люди за свою высокую квалификацию не будут получать высокую плату, мы останемся страной без будущего. Заграничные конкуренты нас просто «съедят».

– Вам удалось значительно уменьшить власть профсоюзов в вашей партии. Эта тенденция сохранится?

– Профсоюзы – очень важный институт британской демократии. Я решительно возражаю против того, чтобы к ним относились пренебрежительно и к их мнению не прислушивались вовсе, как поступают тори. Но они не должны подменять собой правительство. Теперь, когда все точки над «i» расставлены, мы движемся вперед без помех.

– По результатам опросов общественного мнения, вы намного опережаете Джона Мейджора. Не опасаетесь ли вы, что «на финишной прямой» вам не удастся сохранить лидерство?

– Общественное мнение вещь переменчивая. По-настоящему важно другое – следует понять, что сейчас самое главное для страны, и, по моему глубокому убеждению, народ уверен в том, что сейчас настало самое время для серьезных перемен. Как и в том, что консерваторы выдохлись, дискредитировали себя и глубоко разобщены.

– По многим показателям британская экономика – одна из наиболее развитых, а возможно, и самая развитая в Европе. Разве этого недостаточно, чтобы консерваторы остались у власти?

– Во-первых, я считаю, что народ не склонен считать нынешнее отрадное положение в экономике преимущественной заслугой правительства. А во-вторых, хоть в нашем обществе нет ощущения «скольжения под гору», но существует очень стойкое убеждение, что дела в Британии могли бы идти гораздо лучше. ■

Клуб первых жен

Супруги Джона Мейджора и Тони Блэйра тоже участвуют в предвыборной гонке

НОРМА МЕЙДЖОР (СЛЕВА) НЕ ПРОИЗНОСИТ РЕЧЕЙ. ШЕРИ БУТ НЕ ДАЕТ ИНТЕРВЬЮ

Страйкер Макгуайр

(Newsweek)

ВТОРОЙ ПЛАН

Трудно представить себе более непохожих друг на друга жен крупных политиков. Норма Мейджор преподавала рукоделие и домоводство в колледже домашнего хозяйства в Баттерси. Ее муж Джон уверенно делал политическую карьеру, а Норма столь же решительно избегала публичности и не стыдилась признаться в любви к домашнему очагу. «Мне нравится роль домохозяйки», — говорила она в 1992 году. Но не такова Шери Бут. Она с отличием окончила Лондонскую школу экономики и получила диплом юриста. Она хотела профессионально заниматься политикой в качестве представителя лейбористской партии, но это ей не удалось. Зато Бут стала одним из лучших юристов в своем поколении, надела мантию королевского адвоката и зарабатывает не менее 200 тыс. фунтов в год — в четыре раза больше, чем ее мужу Тони Блэйру приносит его должность главы лейбористской партии.

Теперь же политика свела Норму Мейджор и Шери Бут вместе. Премьер-министр Мейджор по закону обязан назначить парламентские выборы, самое позднее, на май. И британские политические аналитики, внимательно присмотревшись к опыту американских президентских выборов 1992 и 1996 годов и к роли, которую сыграли в них жены претендентов, стали достаточно цинично сопоставлять сильные и слабые стороны Нормы и Шери. Так, например, от внимания идеологов тори не ускользнуло, что покорившее всех выступление Элизабет Доул на съезде республиканской партии стало самым ярким эпизодом предвыборной кампании Боба Доула. 54-летняя Норма Мейджор не способна на такое политическое шоу; она ни разу в жизни не выступала с речью (вероятно, никогда и не выступит). «Это будет слишком по-американски, и нашему народу вряд ли понравится», — говорила она в сентябре. Однако уже месяц спустя, приняв во внимание осторожные намеки советников, Норма Мейджор уже явно играла на публику во время предвыборной поездки по стране. И это у нее неплохо получилось: журналисты тут же окрестили ее «атакующей Нормой».

И что в этом удивительного? На самом деле она никогда не была такой уж «наседкой», какой ее любили выставлять газетчики. Мать двух взрослых детей, она написала пару добротных и хорошо принятых прессой книг: биографию оперной певицы Джоан Сазерланд (Норма страстная любительница оперы) и историю Чекерса, официальной загородной резиденции премьер-министра Великобритании. У Нормы были определенные трудности в общении со «сливками» общества — но этот «недостаток» может даже сослужить ей хорошую службу, когда дело дойдет до реальных голосов избирателей. Над ней подсмеиваются за то, что она дважды использует один и тот же пакетик с чаем и рассказывает, как замораживать оставшиеся после еды кусочки сыра. Она знает, что элита партии тори относится к ней пренебрежительно. «Я тут слышала, как кто-то сказал, что в былые времена нас бы впустили на Даунинг-стрит не иначе как дворецким и горничной, не более того»,— язвительно заметила она

Но если идеологи избирательной кампании консерваторов любят сравнивать жен политических деятелей в США и Англии, то их соперники-лейбористы стараются избегать сравнений. Почему? Да потому, что для 42-летней Шери Бут напрашивается естественное сравнение с Хиллари Клинтон — особенно с Хиллари образца 1992 года, когда, казалось, сам факт ее существования унижал хлопотливых американских домохозяек (таких, как Норма Мейджор?). Советников Блэйра очень беспокоят женщины, которые традиционно голосуют за тори. На сколько процентов потянет на этот раз консервативный женский блок? Если бы женщин Великобритании можно было лишить избирательных прав, лейбористы выигрывали бы все выборы после 1945 года.

Шери Бут не дает интервью, так что трудно сказать, что она сама по этому поводу думает. Однако оба ее недавних появления на публике свидетельствуют о желании имиджмейкеров максимально смягчить ее образ. На конференции лейбористской партии в Блэкпуле она столь нежно льнула к мужу, что напомнила одному журналисту «олененка, трепещущего подле Бемби. Ну просто не жена, а фанатка рядом со своим кумиром». А недавно нежная Шери (с ударением на последний слог), мать троих детей, выступая в роли гостьи женского журнала «Прима» («Prima»), разразилась целым потоком «маленьких хитростей для домохозяек». В колонке «Гость редакции» она написала: «Я очень люблю вязать. Мне очень нравится эта модель джемпера (описание вязки прилагалось) для мамы и дочки. Мы с моей дочерью Кэтрин с удовольствием будем носить его по очереди». Рукоделие. Вот о чем Шери и Норма могли бы поговорить друг с другом. ■

Хорошо выдержанный парламент

В английском парламенте все традиционно, даже специальное виски для членов палаты общин

Андрей Стрицкер

НРАВЫ

Общеевропейские сравнительные социологические опросы показывают, что из всех государственных институтов повсюду самый неуважаемый — парламент. Как правило, законодательным собраниям повсюду не доверяют (доверяет в среднем по Европе менее 30% граждан). Везде парламентариев называют кучкой безответственных трепачей и честолюбцев, сомневаются в эффективности их работы и так далее. Но при этом европейцы исправно ходят голосовать и не прочь поболтать за кружкой пива об очередной глупости какого-нибудь народного избранника.

Парламент есть парламент, а депутат, будь он английский, французский или российский, — прежде всего депутат, хотя кое-какие различия между нашими аграриями-озимниками и британскими лейбористами есть. Убедиться в этом было нетрудно, побывав как-то раз в компании одного любезного джентльмена в колыбели демократии — английском парламенте.

В английский парламент, согласно древним демократическим традициям, войти ничего не стоит: только полицейские обыщут у входа, подозревая в каждом коварного террориста из ИРА. Так что в парламенте полно туристов, которые с восхищением пялятся на тысячелетние стены, пыльные бюсты наиболее известных парламентских говорунов и толкутся в предбаннике, через который проходят депутаты. Удивительно, но многие стены древнего Вестминстера украшены огромными помпезными панно с изображениями каких-то мускулистых римлян, трудолюбивых йоркширцев и гордых кельтов. Сразу заключаешь, что панно — предмет гордости, хотя они никому не нравятся — сходные изображения можно найти у Глазунова или на Ярославском вокзале.

Впечатлившись суровой историей Альбиона, можно попасть и в галерею для гостей, которая в свое время вдохновила Диккенса написать об обычае «выставлять депутатов парламента, подобно другим диковинкам, на всеобщее обозрение за необременительную плату в полкроны». «Внизу, — пишет далее Диккенс, — полно депутатов; иной задрал ноги на спинку передней скамьи; иной вытянул их во всю длину; одни входят, другие выходят; все разговаривают, смеются, дремлют, кашляют, охают, вздыхают; задают вопросы; подобного шума и столпотворения нигде больше не сыщешь в целом свете (английская спесь Диккенса! — **«Итоги»**), — даже на Смитфилдском рынке в базарный день, даже в разгар увлекательнейшего петушиного боя».

Впрочем, меня куда больше интересовал живой депутатский быт.

Милый, напоминающий слегка располневшего Мейджора, депутат, который выбежал нам навстречу, громко закричал от радости при виде нас (меня, например, он видел первый раз в жизни), затем обвел величественные своды рукой, захихикал и сказал: вот, мол, наш английский парламент, сама демократия, ха-ха! И тут же, потирая руки, добавил: «А теперь выпить! Выпить! Ха-ха!» И мы стремительно понеслись в кулуары, огибая полисменов.

Как только мы перешли границу собственно парламентского мира, в ноздри шибанул бодрящий дух свежеразлитого и свежевыпитого алкоголя. Толпы депутатов, дымя сигаретами, бродили по коридорам, а еще большие толпы стояли на месте и о чем-то жарко спорили, не забывая, впрочем, поглощать алкоголь в неописуемых количествах. Я собственными глазами видел, как некий лейборист слил «джин-тоник» из нескольких стаканов в одну большую кружку и залпом ее выпил. Я сразу вспомнил одного российского депутата, который когда-то рассказал мне, как он с друзьями-депутатами пьет ликер «Амаретто». «Одной бутылки ликера, — сказал довольно внушительного размера законодатель, — хватает на шесть-семь человек». Я не поверил своим ушам. «Все очень просто, — продолжал депутат, — берешь три литровые бутылки спирта «Ройяль» и добавляешь в них немного «Амаретто». Получается много ликера».

В английском парламенте, впрочем, «Амаретто» со спиртом не мешают, но виски пьют мощно. Когда наконец мы нашли в гудящем, как улей, парламенте уголок, чтобы притулиться, меня спросили, что я буду пить. Есть, замечу, не предложили. Я скромно пробормотал что-то вроде «пиво». Здесь очень хорошее виски, намекнули мне. Я согласился. И мигом передо мной и перед окружающими оказалось виски. «Двойное!» Я не успел отпить и половины, как увидел, что у окружающих стаканы пусты. Слово «повторить» никто не произнес, но опять у всех в руках оказалось виски, и опять двойное.

Чуть позже к нам подошел толстый депутат. Я сначала решил, что он из России и прежде был председателем колхоза на Кубани. Свекольного цвета лицо (впрочем, багровые физиономии типичны в английском парламенте), ручищи толщиной в туловище обычного человека (стакана не было видно в кулаке). Сопя и отхлебывая с шумом из кулака свой коктейль (две водки на три джина), он принялся развлекать заморского гостя. Как выяснилось через несколько минут, он рассказывал древнюю байку о спикере, который по недосмотру остался на председательском кресле после заседания на целых три часа, пока не добудились какого-то депутата и не привели его, чтобы он внес предложение объявить перерыв. (Я пересказываю эту историю так, как она изложена у Диккенса.)

Ничем, кроме как вечно шутливым настроением, нельзя объяснить и то, что парламентские приставы и прочая обслуга выглядят раз в сто благороднее самих депутатов. Когда мы ждали нашего провожатого в холле Вестминстера, я видел восхищенные взоры публики, обращенные на гордо шествовавшего пристава с большой золотой цепью на груди. Сиротские костюмчики депутатов не идут ни в какое сравнение с костюмом обычного полицейского.

Во времена Диккенса дело обстояло так же: «Вот сэр Джон Томас!» — «Который? Этот, с медалью на шее?» — «Нет, нет, это курьер, а сэр Джон Томас вон тот, с желтыми перчатками».

Покинули мы парламент счастливые. Я еще раз убедился в том, что все люди — братья и очень похожи друг на друга. В Лондоне было тепло и сыро. Темза тихо струила свои воды. Полицейский у выхода помог нам поймать такси, ласково улыбнулся и спросил: «Довольны ли вы посещением?» ■

Таможню проверили

Потери от экспортно-импортных льгот за последние три года составили 32,9 триллиона рублей

Виктор Стрельников

МЫ ТАК И ЗНАЛИ

Таможне пришлось исповедаться. Кремлевский духовник склонил-таки даму, которой хотелось казаться загадочной, к покаянию. «Грешна, — призналась таможня. — Только ведь почти все делалось по поручению президента и правительства». Духовник понимающе кивнул. Однако такие грехи он отпускать не уполномочен. Материалы исповеди будут переданы на рассмотрение Инквизиции — Всероссийской чрезвычайной комиссии. На ближайшем заседании ВЧК заслушает доклад начальника Главного контрольного управления президента Алексея Кудрина об итогах проверки Государственного таможенного комитета, сведениями из которого мы позволили себе воспользоваться.

«Следующий!»

Пункт о ревизии ГТК оказался в январском расписании ВЧК отнюдь не случайно. Труба уже трубит отбой первой кавалерийской атаке на кандидатов в банкроты. «Крупняк», с которого можно было взять деньги сразу, приставив маузер к виску, либо уже расплатился, либо лезет в карман, либо спрятался за чьей-то широкой спиной.

Последняя облава на АО «Москвич» вообще закончилась конфузом. Столичный мэр Юрий Лужков показал предъявителям маузера свой парабеллум и дал понять, что эту территорию контролирует он. Чекисты почувствовали, что пора возвращаться в федеральную вотчину.

В этом смысле ГТК как структура жестко централизованная и полувоенная — удобный для тормошения объект. Тем более что вдохновитель ВЧК Анатолий Чубайс знает, где на таможне искать деньги. Видимо, он подсказал своему заместителю г-ну Кудрину, в какие укромные уголки заглянуть. Потому что от одних только экспортно-импортных льгот кремлевский ревизор насчитал за 1994—1996 годы потерь на 32,9 триллиона рублей .

О многих льготах знали и раньше («Итоги» №23 от 15 октября 1996 года). Но некоторые решения и обстоятельства, особенно недавние, были до последнего времени надежно скрыты за стенами ГТК, в архиве которого, кстати, недавно случился пожар. Проверяющие из ГКУ установили, что в 1996 году наибольшую сумму таможенных платежей «съели» льготы по следующим позициям:

— технологическое оборудование, общественный транспорт, специальные транспортные средства для нужд медицинской скорой помощи, пожарной охраны, органов внутренних дел — 3,1 триллиона;

— товары, ввозимые в качестве вклада в уставный фонд предприятиями с иностранными инвестициями, — 1,5 триллиона;

— товары, ввозимые на территорию Калининградской области, — 1,4 триллиона;

— товары, ввозимые в качестве гуманитарной помощи, — 0,3 триллиона.

На последнем направлении, вроде бы самом благовидном, как оказалось, развернулись отпетые циники. Ревизоры зафиксировали, что в 1996 году Комиссия по вопросам гуманитарной и технической помощи при правительстве (председатель — вице-премьер Олег Давыдов) таковой помощью, в частности, признала:

— 28 миллионов бутылок вина различных марок для художественно-производственного предприятия «Софрино», принадлежащего Российской православной церкви;

— 20 легковых автомобилей «Рено лагуна» для Российского фонда культуры;

— 450 японских легковых автомобилей для Минсоцзащиты России и Российского комитета ветеранов войны;

— 12 миллионов бутылок вина, шесть миллионов бутылок ликера и 30 миллионов бутылок крепких алкогольных напитков для хозяйственно-коммерческого подразделения Свято-Никольского Угрешского монастыря;

— 100 миллионов пачек болгарских сигарет для Фонда социальной защиты военнослужащих внутренних войск и членов их семей.

Узнав об этих решениях, проверяющие констатировали два очевидных нарушения. Прежде всего перечисленные товары нельзя считать предметами первой необходимости. Во-вторых, согласно утвержденному порядку, гуманитарная помощь должна передаваться, как сказал бы Винни-Пух, «безвозмездно, то есть даром». В большинстве же принятых комиссией решений предусматривалась не безвозмездная передача, а продажа всей партии с целью получения денежных доходов, которые направлялись отнюдь не на улучшение условий жизни малоимущих.

Комиссия разрешила Московской патриархии реализовать партию табачных изделий, а вырученные средства направить на нужды церкви. Вино для «Софрино» также было позволено продать, а деньги вложить в реконструкцию этого завода, производящего различные предметы богослужения. Кроме перечисленных выше примеров, индивидуальные таможенные льготы уже после их формального запрета предоставили также творческому союзу «Фестиваль «Кинотавр» и Фонду 50-летия Победы. Этим организациям были даны отсрочки по таможенным платежам без взимания процентов. Более 700 миллиардов рублей не поступило в бюджет из-за отсрочки платежей нефтяной компании «Эвихон».

Доклад ГКУ подтверждает в том числе и сумму оценки потерь, которые Россия несет из-за того, что в свое время ничтоже сумняшеся решила снять таможенный контроль на границе с Белоруссией: 5,5 триллиона рублей. Хотя соглашение о заключении Таможенного союза между Россией и Белоруссией предусматривало унификацию таможенных режимов, Минск до сих пор не ликвидировал таможенные льготы, предоставленные некоторым белорусским фирмам и организациям, не повысил импортные пошлины до уровня российских ставок, да и просто не сумел наладить удовлетворительный контроль на внешних границах.

Поскольку импортные пошлины в Белоруссии ниже, чем в России, а контроля на границе между двумя странами нет, то огромные объемы товаров растаможиваются в Белоруссии и затем нелегально перевозятся в Россию. Самый яркий, наверное, пример — алкоголь. Украинская водка, которую наши таможенники сравнительно недавно стали облагать на границе с Украиной акцизным сбором и налогом на добавленную стоимость, бурным потоком хлынула через Белоруссию. Одна цифра из доклада ГКУ: в январе—апреле 1996 года ввоз в Белоруссию водки вырос по сравнению с соответствующим периодом 1995 года в полторы тысячи (!) раз. Понятно, что почти весь прирост импорта попал в Россию. Соответственно все неполученные Москвой акцизы и НДС следует отнести к потерям нашего бюджета. Аналогичная ситуация наблюдается и с табаком, и с автомобилями, и с другими видами товаров.

По когтям узнают льва

Что же предложат ревизоры членам ВЧК, ждущим, помимо восстановления равенства между участниками внешнеэкономической деятельности и справедливости в отношениях между братскими республиками, прежде всего «живых денег»? В первую очередь, как водится, «обратить внимание председателя ГТК А.С.Круглова на неудовлетворительный уровень таможенного контроля за соблюдением мер государственного регулирования ВЭД, наличие фактов коррупции и преступности в рядах сотрудников таможенных органов, эпизодическое применение санкций, предусмотренных Таможенным кодексом РФ к нарушителям таможенного законодательства».

Обратив внимание на эти беспорядки, Анатолий Круглов, по мнению проверявших, должен отправиться в Минск и «обеспечить полную реализацию положений соглашения о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, включая применение единых правил перемещения товаров, происходящих из третьих стран, установить контроль на границе РФ с РБ за транзитными грузами». Последняя рекомендация весьма примечательна. Не есть ли восстановление контроля на границе между странами, уже слившимися в единое Сообщество, некоторый акт недоверия Москвы по отношению к нынешним белорусским властям? В противном случае между фразами «обеспечить полную реализацию...» и «установить контроль» надо было бы поставить слово «либо». Но поскольку второе действие предполагается совершить и в случае положительного решения первой проблемы, становится очевидным, что составители рекомендации исходили из убеждения: даже если г-н Лукашенко подпишет все необходимые указы, поступающие из Белоруссии, товары все равно надо будет проверять.

Белорусскому президенту, впрочем, не следует обижаться на такое недоверие. Ведь Москве известно о случаях причастности его администрации к схемам, позволяющим сбывать в России незаконно ввезенные подакцизные товары («Итоги» №31). Другой вопрос, как это отразится на отношениях между двумя странами, в том числе на транзите российского газа через Белоруссию.

Есть, впрочем, и третий вариант решения проблемы. Его автор — президент Ельцин. В направленном на днях коллеге Лукашенко письме он предложил начать двум государствам объединяться. Вполне очевидно, что предложенная интеграция государственных аппаратов, и прежде всего таможенных органов, как раз и есть способ взять внешние рубежи Сообщества под российский контроль. Кстати, в ГТК уже давно говорили о такой возможности как последнем шансе избежать закрытия российско-белорусской границы.

Понятно, что по белорусскому, как и ряду других пунктов проверки, между председателем ВЧК Виктором Черномырдиным, всегда благоволившим белорусскому президенту, и первым зампредом комиссии Анатолием Чубайсом, занимающим более жесткую позицию, могут возникнуть разногласия. Черномырдин и Чубайс играют различные роли не только как инквизиторы, но и как грешники, имевшие в прошлом то или иное отношение к сюжетам, описанным в итоговом документе проверки. Большое число таможенных послаблений было в разные годы роздано правительственными постановлениями, под которыми стоит подпись премьера. Г-н Чубайс, наоборот, имеет славу крайне настырного врага льгот. История его борьбы с привилегиями Национального фонда спорта и ветеранских организаций стала почти хрестоматийной.

Г-н Черномырдин рискует утратить инициативу, в то время когда руководитель президентской администрации вторгается в сферу управления экономикой. Высказывания г-на Чубайса, относящиеся к периоду, когда он обживался в Кремле, о том, что он не будет заниматься на своем новом посту экономикой, в свете вышеизложенного следует, очевидно, трактовать по-новому: руководитель президентской администрации не будет *отвечать* за экономику. Влиять же на работу экономических ведомств, а через них — на регулирование происходящих процессов он будет весьма активно. Об этом свидетельствует и тот факт, что проверку ГТК силами ГКУ предлагается продолжить (понимай, сделать перманентной). А там пусть это называется хоть «строительством российской государственности».

Единственное, что утешает в связи с объективно сложившимся пересечением полномочий администрации президента и правительства, которое само по себе вряд ли нормализует работу федеральных ведомств, так это компетентность многих ключевых сотрудников г-на Чубайса в экономических вопросах. Трудно себе представить, чтобы столь глубокий анализ работы таможенных органов сделала президентская администрация под руководством г-д Филатова или Егорова. Если так пойдет дальше, многим чиновникам предстоит найти в огне аппаратной войны свое очищение. ■

Дензнаки: рулоном и внарезку

Показатели надежности и качества банкнот во многом зависят от способа печати и красок

Елена Кузнецова

РЕМЕСЛО

Современные деньги в сравнении с их прародителями — медными, серебряными и золотыми монетами — на первый взгляд кажутся легкомысленными разноцветными бумажками. Конечно, у них нет ни приятной тяжести, ни собственной цены (если не считать относительно небольших расходов на печатание), как у их предшественников из драгоценных металлов. Однако нынешние бумажные деньги, в том числе российский рубль — сложные произведения типографского искусства. За несколько веков существования они прошли непростой путь от простеньких денежных знаков на плохой бумаге до качественных банкнот с современными средствами защиты.

ПЕРВАЯ БУМАЖНАЯ БАНКНОТА (АССИГНАЦИЯ) (СЛЕВА) БЫЛА ВЫПУЩЕНА В ПЕРИОД ЦАРСТВОВАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II В 1769 ГОДУ И ЧАСТИЧНО ЗАМЕНИЛА БЫВШИЕ В ХОЖДЕНИИ МЕДНЫЕ МОНЕТЫ, КОТОРЫЕ УЖЕ НЕ МОГЛИ ОБСЛУЖИВАТЬ ОЖИВИВШИЕСЯ ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ. АССИГНАЦИИ ДОСТОИНСТВОМ 25, 50, 75, 100 РУБ. ИЗГОТОВЛЯЛИСЬ НА ПЛОТНОЙ БЕЛОЙ БУМАГЕ С ЛОКАЛЬНЫМ ВОДЯНЫМ ЗНАКОМ. БАНКНОТЫ ДОСТОИНСТВОМ 10 РУБ. ПЕЧАТАЛИСЬ НА КРАСНОЙ БУМАГЕ, 5 РУБ. — НА СИНЕЙ, ОТСЮДА НАРОДНЫЕ НАЗВАНИЯ ЭТИХ КУПЮР — «КРАСНЕНЬКАЯ» И «СИНЕНЬКАЯ». ПЕЧАТНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ НА АССИГНАЦИИ ОГРАНИЧИВАЛОСЬ ТЕКСТОМ И ПОВТОРЯЮЩИМСЯ СЕМИЗНАЧНЫМ НОМЕРОМ. ЧЕТЫРЕ ПОДПИСИ СТАВИЛИСЬ ВРУЧНУЮ ЧЕРНИЛАМИ. **ПЯТИРУБЛЕВЫЙ БИЛЕТ С ПОРТРЕТОМ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО** (СПРАВА), ВЫПУЩЕННЫЙ В ПЕРИОД ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА II. ПОРТРЕТ ВЫПОЛНЕН МЕТАЛЛОГРАФСКИМ СПОСОБОМ, КОТОРЫЙ НАЧАЛИ ПРИМЕНЯТЬ В РОССИИ С 1866—1867 ГОДОВ. К ЭТОМУ ВРЕМЕНИ ЭКСПЕДИЦИЯ ЗАГОТОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЦЕННЫХ БУМАГ ДОСТИГЛА ВЫСОКОГО МАСТЕРСТВА В ПРОИЗВОДСТВЕ БУМАЖНЫХ ДЕНЕГ. ВОДЯНОЙ ЗНАК СТАЛ КРАСИВЫМ И ТОЧНЫМ ПО РИСУНКУ.

Все начинается с бумаги

Бумага для российских рублей производится на предприятиях «Гознака» в Краснокамске и Санкт-Петербурге на специальном оборудовании, в том числе на машинах, разработанных известной немецкой фирмой «Луизенталь» (в России подобное оборудование имеется только у «Гознака»). Бумага с водяными знаками формируется на сетке цилиндрической бумагоделательной машины из жидкой волокнистой хлопковой массы. Вода стекает, и под воздействием сушильных барабанов масса превращается в сплошное полотно. Нанесенные на сетку цилиндра штампованные рисунки заставляют волокна распределяться неравномерно: на бумаге образуются водяные знаки. Кроме того, в процессе изготовления бумаги в массу добавляют защитные металлизированные или иные нити, волосяные добавки и другие секретные элементы.

Получаемое на бумажных машинах «Гознака» полотно, в некоторых случаях шириной до 2,5 метра, сначала сушится, а потом подвергается для прочности пропитке клеями. Снова сушится и сматывается в рулоны. В результате этого непрерывного процесса с бумагоделательных машин сходит уже готовая продукция. Полученная бумага обладает целым рядом характеристик, которые обусловлены предъявляемыми к деньгам требованиями. Важнейшее из них — износоустойчивость, то есть сопротивление излому (при испытании денежная бумага должна выдержать несколько тысяч двойных перегибов) и разрыву.

Готовые рулоны бумаги режутся на специальных машинах на листы и после выборки брака направляются на печатные предприятия. Большое значение придается самому процессу печати банковских билетов, так как показатели надежности и качества дензнаков во многом зависят от способа печати и используемых красок.

Сначала плоская печать

В настоящее время «Гознак» при печатании денег применяет в основном два типографских способа: офсет и металлографию. Фоновая сетка, орнамент и основной рисунок на мелких купюрах печатаются офсетным способом, а основной рисунок крупных — металлографией.

Вначале бумага поступает на машины офсетной печати «с орловским эффектом», суть которого в том, что краски накладываются одновременно, плавно перетекают друг в друга и четкой границы между цветами нет. Листы на этих машинах проходят между двумя барабанами, на которых укреплены пластины-формы, содержащие рисунок и текст купюры. Краски, предварительно нанесенные на форму, переносятся на резиновый барабан, а уже с него — на бумагу. Орловский способ был изобретен в России в конце прошлого века, его достоинство в том, что отпечатанный таким методом рисунок крайне трудно подделать. Офсет, или симултанная (одновременная) печать, дает плоское изображение, что позволяет производить оттиск на бумаге одновременно с обеих сторон (однако «с орловским эффектом» печатается только одна сторона).

Металлографию можно определить на ощупь

Затем следует металлография, в процессе которой в противоположность офсету создается рельефный рисунок-гравюра. По конструкции металлографическое оборудование сходно с офсетными машинами. Это три никелевые формы (по одной для каждого основного цвета), которые надеваются на вал и имеют в отличие от офсетных углубления, как

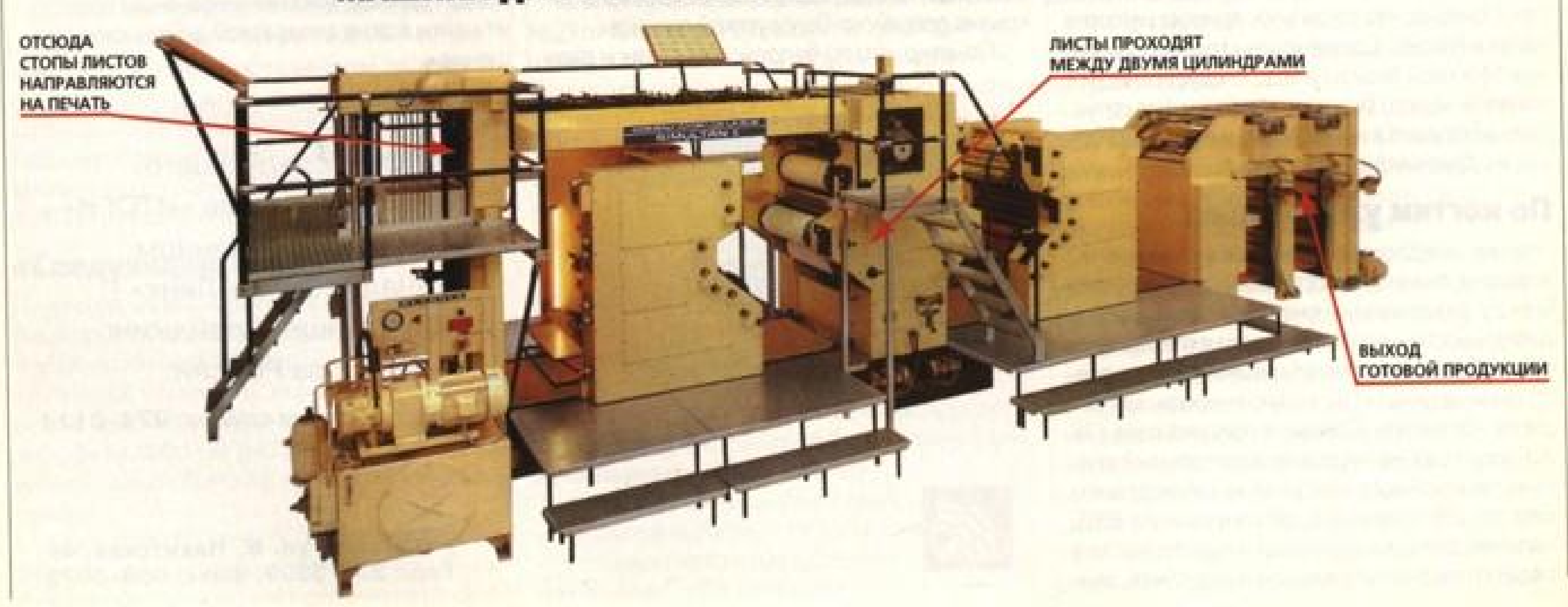

ПЯТИСОТРУБЛЕВЫЙ БИЛЕТ 1912 ГОДА ВЫПУСКА, КОТОРЫЙ МОЖНО БЫЛО ОБМЕНЯТЬ В БАНКЕ НА ЗОЛОТЫЕ МОНЕТЫ. ПЕРИОД С 1897 ПО 1914 ГОД ПОЛУЧИЛ НАЗВАНИЕ ЭПОХИ «ЗОЛОТОГО МОНОМЕТАЛЛИЗМА». РАНЕЕ, В 1843—1853 ГОДАХ, ПРАКТИКОВАЛАСЬ СИСТЕМА ОБМЕНА БУМАЖНЫХ ДЕНЕГ НА СЕРЕБРО, ЧТО ПОЛУЧИЛО НАЗВАНИЕ «СЕРЕБРЯНОГО МОНОМЕТАЛЛИЗМА». ВВЕДЕНИЕ ЗОЛОТОГО ДЕНЕЖНОГО СТАНДАРТА НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ СТАЛО ВОЗМОЖНЫМ БЛАГОДАРЯ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ПОДЪЕМУ. С ВСТУПЛЕНИЕМ РОССИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ КРЕДИТНЫЕ БИЛЕТЫ ПРЕВРАТИЛИСЬ В ИНФЛЯЦИОННЫЕ БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ.

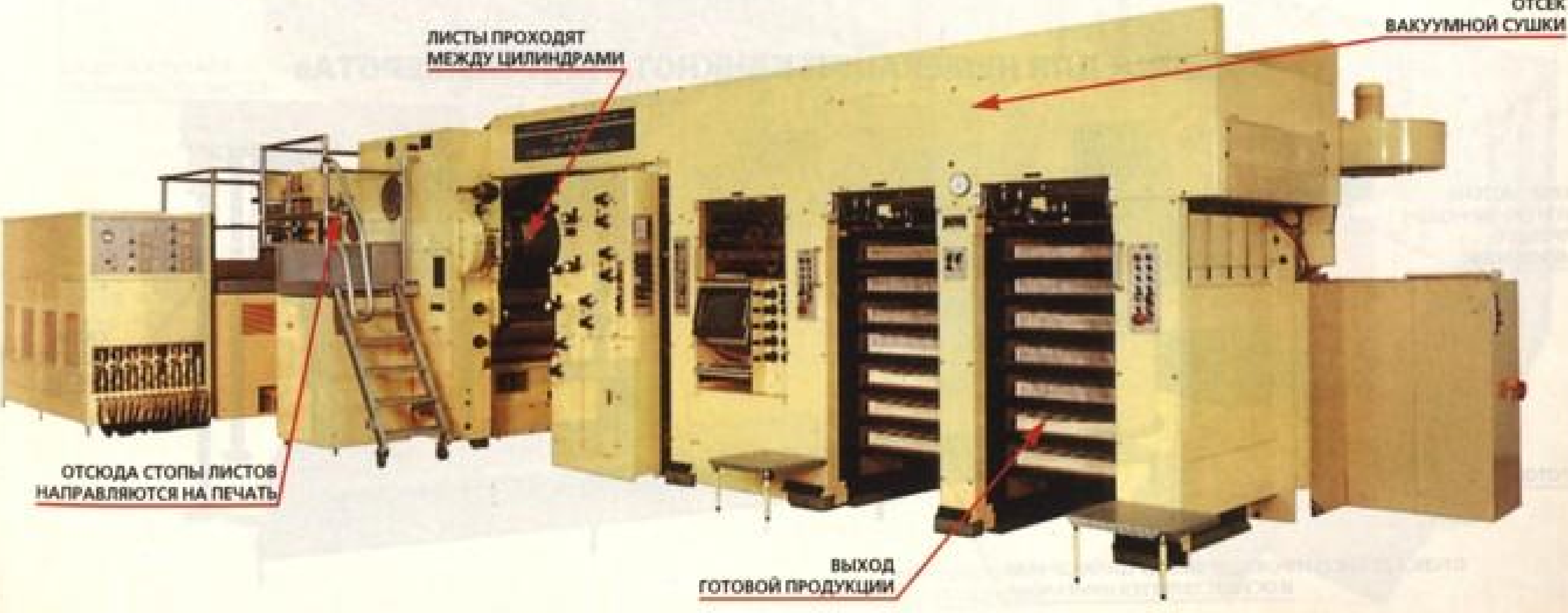

СОВЕТСКИЙ РАСЧЕТНЫЙ ЗНАК В 10 000 РУБЛЕЙ. ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ ДЕНЬГИ БЫЛИ НАПЕЧАТАНЫ В 1919 И 1921 ГОДАХ НА ФАБРИКАХ «ГОЗНАКА» И НАЗЫВАЛИСЬ «РАСЧЕТНЫМИ ЗНАКАМИ РСФСР». СЛОВО «ДЕНЕЖНЫЕ» ОПУЩЕНО, ЧТО ОТВЕЧАЛО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕЕ О ПОСТЕПЕННОМ ОТМИРАНИИ ДЕНЕГ. БИЛЕТЫ С ОБЩИМ ВОДЯНЫМ ЗНАКОМ ИМЕЛИ СКРОМНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ. БОЛЬШИНСТВО ПЕЧАТАЛОСЬ В ОДНУ КРАСКУ. ЛИШЬ ПРИ ПЕЧАТИ ОБОРОТНОЙ СТОРОНЫ ЗНАКОВ ДОСТОИНСТВОМ 5 ТЫС. И 10 ТЫС. РУБ. ПРИМЕНЯЛСЯ ОРЛОВСКИЙ СПОСОБ В ЧЕТЫРЕ КРАСКИ. ВЫСОКАЯ ИНФЛЯЦИЯ ВСКОРЕ ВЫНУДИЛА ПЕЧАТАТЬ БИЛЕТЫ НОМИНАЛОМ 100 ТЫС. РУБ., А В 1921 ГОДУ — ДАЖЕ 0,5 И 10 МЛН. РУБ.

МАШИНА ДЛЯ ОФСЕТНОЙ ПЕЧАТИ ТИПА «СИМУЛТАН»

МАШИНА ДЛЯ МЕТАЛЛОГРАФСКОЙ ПЕЧАТИ ТИПА «ОРЛОФ-ИНТАГЛИО»

на гравюрных досках, до 200 микрон. При металлографской печати краски подаются на вращающуюся печатную форму, затем другой вращающийся вал снимает их излишки, и под прессом они вдавливаются в бумагу. При этом давление достигает 52 тонн на метр, поэтому печатать в один прием можно только на одной стороне.

Это очень дорогая технология, поэтому на банкнотах небольшого достоинства, как правило, ее применяют для печати рисунка только на одной стороне, а на банкнотах большого достоинства — на обеих. В России двухсторонняя металлография применяется для печати банкнот, начиная с 1 тысячи рублей.

При печатании банкнот Банка России образца 1995 года использовались машины «Супер-Симултан 312» и «Супер-Орлоф-Интаглио», специально изготовленные для России мировым монополистом в области производства денежного оборудования швейцарской фирмой «Де Ля Рю Джори». После долгих споров «Гознаку» удалось убедить швейцарцев в перспективности орловского принципа и договориться о создании соответствующего оборудования.

БИЛЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА СССР ДОСТОИНСТВОМ 100 РУБ., ВЫПУЩЕННЫЙ В ХОДЕ ВТОРОЙ (ПОСЛЕ РЕФОРМ 1922—1923 ГОДОВ) ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ 1947 ГОДА, КОГДА ПРОВЕЛИ ДВУХЭТАПНУЮ ДЕНОМИНАЦИЮ ДЕНЕГ. ОЧЕРЕДНАЯ РЕФОРМА БЫЛА НЕОБХОДИМА СОВЕТСКОМУ ГОСУДАРСТВУ, ЧТОБЫ ЛИКВИДИРОВАТЬ ОГРОМНЫЕ ЗАПАСЫ ДЕНЕГ, ВЫПУЩЕННЫХ ДЛЯ ПОКРЫТИЯ ВОЕННЫХ РАСХОДОВ, И ИЗБАВИТЬСЯ ОТ НАПЕЧАТАННЫХ НЕМЦАМИ ФАЛЬШИВЫХ РУБЛЕЙ. НА ЭТОМ ЭТАПЕ ЗАМЕТНО УСОВЕРШЕНСТВОВАЛИСЬ ТИПОГРАФСКИЕ МЕТОДЫ, КОТОРЫЕ СОЧЕТАЛИ ТЕПЕРЬ, КАК ПРАВИЛО, МЕТАЛЛОГРАФИЮ, МНОГОЦВЕТНЫЙ ОРЛОВСКИЙ СПОСОБ (ДО ПЯТИ КРАСОК) И ВЫСОКУЮ ПЕЧАТЬ. НА КУПЮРАХ БОЛЬШОГО ДОСТОИНСТВА ВВЕДЕНЫ ЛОКАЛЬНЫЕ ВОДЯНЫЕ ЗНАКИ.

Проверку качества машинам доверяют не всегда

Отпечатанные листы сушат и отправляют на проверку качества. Проверка, промежуточная и окончательная, осуществляется на денежных фабриках и в России, и во всем мире преимущественно вручную. Работники (или чаще всего работницы) сидят у конвейера и вычеркивают специальным карандашом негодные купюры. Бракованными считаются банкноты с кляксами, недостаточно насыщенного цвета (краска на барабане заканчивалась, а печатник не заметил), иногда листы бумаги загибаются и оттиск получается частично на одной, частично на оборотной стороне. Ручной способ проверки предпочтительнее машинного, поскольку машины бракуют листы при малейшем отклонении от стандарта, например, при наличии так называемых отмарываний (когда слишком густо наложенная краска переходит на соседний лист). Между тем отмарывания не влияют существенно на качество купюр.

Проверка денег вручную — достаточно утомительная для рабочих и дорогостоящая для фабрики операция, поэтому в последнее время все-таки все чаще прибегают к помощи машин. Сейчас «Гознак» применяет проверочные машины «Нота-сейф» и «Нота-чек», ISS-300, ISS-3000, БПС-2000. Он располагает также американской проверочной системой, которая сортирует банкноты на каждом этапе производства. Заложенные в нее компьютерные программы задают допустимые отклонения от параметров «идеальной» купюры.

Отпечатанные деньги нужно еще и посчитать

На завершающем этапе производства уже отпечатанные и проверенные листы перемещают для нумерации на машину «Нумерота». Там специальный датчик, считывая информацию с поступающих листов, отличает уже помеченные бракованные купюры от «хороших». На качественные банкноты «Нумерота» ставит способом высокой печати определенный номер, некачественные машина пропускает. Технические отходы составляют обычно 2 процента.

Затем листы стопами по 100 штук направляются в установку «Катпак», которая рубит их с помощью специальной гильотины сначала по длине, а затем по ширине, получая банкноты. Полученные денежные блоки сортируются встроенным в машину компьютером в порядке возрастания номеров, их обандероливают, маркируют и пакуют в термоусадочную пленку (в России по 1000 банкнот, а в США, например, по 4000).

Новенькие готовые банкноты с предприятий «Гознака» поступают в Центральный банк РФ, оттуда в коммерческие банки, магазины, госучреждения и, наконец, к конечным потребителям — населению. Срок жизни разным банкнотам отпущен тоже неодинаковый. Мелкие купюры номиналом от 100 до 1000 рублей в среднем находятся в обороте от 5 до 8 месяцев, крупные купюры номиналом от 5000 рублей и выше — до 5 лет.

МАШИНА ДЛЯ НУМЕРАЦИИ БАНКНОТ ТИПА «НУМЕРОТА»

БАНКНОТА В 25 РУБ. ОБРАЗЦА 1961 ГОДА. ПО СВОЕМУ КАЧЕСТВУ БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ 1961 ГОДА СООТВЕТСТВОВАЛИ УРОВНЮ ДЕНЕЖНОЙ ПРОДУКЦИИ ВЕДУЩИХ РАЗВИТЫХ СТРАН И ПРОСУЩЕСТВОВАЛИ 30 ЛЕТ.

БАНКНОТА ДОСТОИНСТВОМ 100 ТЫС. РУБ., ВЫПУЩЕННАЯ В 1995 ГОДУ. С ЛИБЕРАЛИЗАЦИЕЙ ЦЕН В 1992 ГОДУ И РОСТОМ ИНФЛЯЦИИ ВОЗНИКЛА НЕОБХОДИМОСТЬ В ВЫПУСКЕ КУПЮР НОМИНАЛОМ 1, 5 И 10 ТЫС. РУБ. В 1993 ГОДУ К НИМ ПРИБАВИЛИСЬ 50-ТЫСЯЧНЫЕ БАНКНОТЫ, А В 1994-М — 100-ТЫСЯЧНЫЕ. БУМАГА ВСЕХ БАНКНОТ СОДЕРЖИТ ЦВЕТНЫЕ ВОЛОКНА, МЕЛКИЕ КУПЮРЫ ИМЕЮТ ОБЩИЙ ВОДЯНОЙ ЗНАК, КРУПНЫЕ — ЛОКАЛЬНЫЙ. ИСПОЛЬЗУЕТСЯ МНОГОКРАСОЧНАЯ ПЕЧАТЬ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОФСЕТА, МЕТАЛЛОГРАФИИ, «ОРЛОВСКОГО ЭФФЕКТА» И СПОСОБА ВЫСОКОЙ ПЕЧАТИ.

Какая защита надежнее

Многие приемы производства российских банкнот, служащие защите от подделок, общепризнанны во всем мире. Одно из эффективных средств защиты от фальсификации — водяные знаки — используется почти во всех странах. Последними, пожалуй, их решили применять американцы: на новых 100-долларовых купюрах, выпущенных в 1995 году, появились водяные изображения профилей президентов.

Кроме того, широко употребляются такие хитрости, как включения специальных волокон — видимых, цветных, или невидимых (их можно рассмотреть только под ультрафиолетовыми лучами). Не менее популярны в последнее время специальные нити, проходящие внутри денежной бумаги. Они, как правило, пластиковые или цветные металлизированные, в том числе с микротекстом, и могут размещаться как внутри бумаги, так и «нырять» с одной стороны банкноты на другую, как, например, на немецких марках.

Особенности широко применяющейся в международной практике симултанной офсетной печати также служат определителем оригинальности денежных купюр. Контуры отдельных изображений на одной стороне банкноты при рассмотрении ее на просвет должны точно совпадать с контурами на другой стороне.

Металлография, которая делает банкноту рельефной, позволяет определить подлинность купюр на ощупь даже слепым. Фальшивомонетчикам крайне сложно воспроизвести в кустарных условиях технологию печати под высоким давлением.

Для усложнения металлографской печати в некоторых странах используют оптически меняющую цвет краску фирмы «Сикпа» — OVI, которая продается только фирмам, у которых есть лицензия на печатание денег. Благодаря пирамидальной структуре частиц пигмента краска меняет цвет под разными углами зрения: с красного на оранжевый, с зеленого на синий, с зеленого на золотистый, с красного на зеленый. Причем способность переливаться на свету со временем не утрачивается. Хотя OVI — достаточно дорогое удовольствие, но это эффективнейшее средство защиты. Такая краска используется, в частности, казначейством США при изготовлении новых сотенных купюр.

«Гознак» также использует оптическую краску фирмы «Сикпа» на бланках некоторых ценных бумаг (акциях, облигациях). Однако при печатании рублей OVI пока не используется.

Кроме того, на купюрах некоторых стран, к примеру, в Германии и Австрии, используют такое средство защиты, как голограмма — переливающаяся многими цветами наклейка с меняющимся рисунком. Преимущество голограмм в том, что их нельзя сканировать на принтерах. А недостаток в том, что подделыщики могут наклеить голограмму с произвольным рисунком, оторвав ее, например, от какой-нибудь шоколадки, и люди, увидев блестящую наклейку, не обратят внимания на изображение. Это позволяет некоторым специалистам говорить о голограмме как о вчерашнем дне в области производства банкнот.

По словам сотрудников «Гознака», Россия сегодня использует при печатании денег те же приемы, что и другие страны, ориентируясь на наиболее прогрессивные мировые технологии и собственные оригинальные разработки.

МАШИНА ДЛЯ РЕЗКИ И УПАКОВКИ ТИПА «КАТПАК»

Дорога в никуда

Коренным народам Чукотки не выжить без государственной поддержки

ОБЩЕСТВО

Борис Старцев

МЕНЬШИНСТВА

О родина моя! Мне страшно думать, что ты обречена.
Лишь поколеньем старших держится осенняя листва.
И много лет спустя парнишка скажет:
«Здесь раньше было поселенье, здесь люди оленей пасли...»

Неизвестный чукотский поэт XX века

Чаунский район с центром в Певеке — Чукотка в миниатюре. Город-паразит, промышленные поселки, национальные села и тундра, по которой жители сел, в основном чукчи, кочуют с оленями.Из Певека «к чукчам» — в национальное село Янранай — мы поехали на «уазике». Вокруг голая тундра: ни человека, ни машины, ни дерева. Сопки, снег, полумрак полярной ночи и минус сорок за бортом. «Едем в никуда», — смеется шофер.

С нами едет Юрий Гопкало — директор базы отдыха для детей на озере Эльгыгыткын, добродушный украинец, полжизни проживший на Чукотке. Четыре года назад районное начальство то ли по забывчивости, то ли умышленно (были трения по финансовым вопросам) не прислало за ним на озеро вертолет. И Юра остался зимовать на своей базе, питаясь одной олениной. В Певек вернулся через семь месяцев, когда его случайно заметили с пролетавшего мимо губернаторского вертолета. «Опыт есть, — утешает нас Юра. — Не доедем до Янраная — перезимуем на дороге!»

Из истории перегибов

У коренных народов Чукотки до прихода коммунистов не было золотого века. Во всяком случае, так считали коммунисты. Первый руководитель Чаунского райкома ВКП(б) Наум Пугачев писал в 1933 году. Хилые кочевые яранги, каменный молоток, примитивный лук и стрелы, шаманство, патриархальщина».

За пятьдесят лет от традиционного уклада остались одни воспоминания. Объявив ярангу пережитком прошлого, советская власть переселила кочевников в каменные дома. Примерно раз в десять лет поселки укрупняли, ликвидируя десятки «бесперспективных» сел и стойбищ. Сегодня осталось лишь 37 «мест компактного проживания коренного населения», в народе именуемых «резервациями». Детей отбирали и отдавали в интернаты, где учили на оленеводов и чумработниц (то есть домашняя хозяйка). Получив образование в городе, к занятиям предков возвращались единицы.

По данным переписей населения, в 1897 и в 1959 годах чукчей было около 12 тысяч, в 1970-м — около 13,5 тысяч, в 1989-м — более 15 тысяч человек. Стало быть, за годы советской власти чукчи не вымерли. Огромные льготы для малых народов («приданое» новорожденному, бесплатные лекарства, внеконкурсное поступление в вузы и т.д.) привели к тому, что детей от смешанных браков стали записывать чукчами. «Один приятель национальность в паспорте сменил, — рассказывает Гопкало. — Был русский, стал эскимос».

И оленей, и людей на Чукотке становится все меньше

Людей, круглый год живущих в тундре, на Чукотке почти не осталось. Вопреки анекдотам чукчи быстро привыкли к теплым домам, стали обращаться в больницы, пользоваться завезенной техникой. Национальные села снабжались по высшему разряду, и туда стали вселяться русские и украинцы.

В империи, над которой никогда не заходит солнце, на развитие малых народов не жалели денег. В начале 90-х солнце зашло, и финансирование сел прекратили.

Янранай

Говорят, поселку Янранай повезло меньше других, потому что до него легко добраться из города, а значит, и завезти водку. За последние четыре года из Янраная выехало большинство «некоренных» жителей, и поселок совсем одичал. Недавно в подъезде одного дома заснул белый медведь, и его никак не могли прогнать. «Бурых медведей, бывает, и увидишь, — объясняют местные, — ходят по помойкам. А белые еще ни разу не забредали».

Янранай производит тягостное впечатление. Половина домов заколочена, между ними бегают стаи собак. На улице ни души — кажется, жители вымерли. Раньше здесь процветал совхоз «Большевик», теперь его преобразовали в ОПФХ (оленеводческо-промысловое фермерское хозяйство) «Ичунь». Хозяйство убыточное, еле дышит. В поселке 288 человек, 73 ребенка, 127 представителей коренного населения. В хозяйстве работают 107 человек.

Борис Николаевич Кутувг, сморщенный старичок, старейшина рода ичуньских чукчей, живет с детьми и внуками в трехкомнатной квартире двухэтажного дома. В квартире мебель 70-х годов, старенький телевизор, магнитофон «Электроника», на столе валяется пачка прокладок «Carefree». В 1983 году Кутувг ездил по путевке в Сочи. Без Севера жить не может: «Я в тундре родился, в тундре и умру».

Восседая в углу на грязных матрасах, он курит самокрутки и гасит их в горшке с грязной ржавой водой. На полу — куски оленьих туш и шкурки песца. Через несколько дней Кутувг собирается на вездеходе в тундру, за 200 километров, где пасется его стадо.

«Я, может, без поселка и проживу, — говорит Борис Николаевич, — а дети, внуки? Им тепло подавай, книги, баню. Одних в тундре и оставить-то нельзя. Ничего без стариков не сумеют. Свечей не завезли, так даже жирника сделать не смогли. Ярангу, и ту не поставят».

Руслану Гувтыну, будущему зятю Кутувга тридцать лет, но выглядит он старше (это его не первый брак). В три года его забрали из поселка в певекский интернат. К матери отпускали только на лето. В ПТУ выучился на слесаря, отслужил два года на Камчатке и вернулся в Янранай работать водителем водовозки.

Руслану хочется поговорить. «Понимаешь, я чукча, — сбивчиво объясняет он, дыша перегаром. — Но я не знаю чукотского языка, не

умею пасти оленей. Вы пришли, забрали меня в вашу цивилизацию. И что мне теперь делать? В тундру я не пойду, а вам я не нужен. На водовозке уже год зарплату не платят. Живем впроголодь, одной олениной и питаемся. Что будет с моими детьми, я не знаю».

Пятилетний чукча Боря одет в поношенное пальтишко и мохеровый шарф. Он стоит на морозе у крыльца, и его пытаются облизать две здоровые собаки. «Люблю оленей, — рассказывает Боря. — Они меня боятся, а я их гоняю. Люблю кушать оленьи глазки...» Мальчик задумывается, потом начинает задавать вопросы: «А у тебя дома тепло? А ты со своими братьями на одной кровати спишь?..»

По самым скромным подсчетам на обустройство Янраная требуется 66 миллиардов рублей. Поселку нужны тридцать новых жилых домов, школа-детсад, система электро-водо-теплоснабжения, баня и так далее. Для оленеводческих бригад — вездеход, трактор, четыре

СМОГУТ ЛИ ЧУКЧИ ЖИТЬ ТАК, КАК ЖИЛИ ИХ ДЕДЫ? (ВВЕРХУ). **РУСЛАН ГУВТЫН ИЗ ЯНРАНАЯ** (ВНИЗУ СЛЕВА) **НЕ СМОЖЕТ**

снегохода, жилищно-бытовой комплекс, холодильное оборудование, забойный пункт...

Северный кризис

Кризис, охвативший Север, на Чукотке сказался особенно болезненно. В начале 90-х прикрыли нерентабельную добычу олова, и оставшихся без работы людей стали выселять на материк. В поселке Красноармейский жило больше трех тысяч человек. Николай Чеснов, бывший глава администрации, приехал в Певек попрощаться: «У нас там семь человек осталось, не считая памятника Ленину. Рядом чукчи оленей пасут, по школе зайцы бегают».

Убыточным оказалось и чукотское золото. По данным Чукотгеолкома, его средняя себестоимость — 75 100 рублей за грамм, а закупочная цена — 66 508 рублей. Самые убыточные предприятия закрыли, остальные перебиваются за счет кредитов на будущий год. Пока что с Чукотки уехала только половина жителей — осталось около 80 тысяч, в том числе около 15 тысяч из числа коренных народов.

Завоз продуктов в села и оленеводческие бригады стал зависеть от наличия бензина и настроения районного начальства. «Зажрались до потери пульса! — кричал губернатор Александр Назаров на встрече с руководителями Чаунского района. — Окорочка держите на складах, а народу есть нечего! О людях надо думать, а не о своем кармане!»

В конце ноября ИТАР-ТАСС передал информацию о том, что в 136 километрах от Певека упал в снег вертолет, летавший за боль-

ным на оленеводческое стойбище.

На самом деле за больными в стойбища вертолеты летают очень редко — обычно санрейсы оформляются, когда начальство отправляется на охоту. На этот раз «выполнять санзадание» полетели главврач и начальник ГАИ. Подстрелили семнадцать оленей, посидели у костра и полетели назад. Но то ли пилот выпил лишнего, то ли погнались за восемнадцатым оленем, но на небольшой высоте вертолет зацепился винтом за сопку и упал. Пассажиры и члены экипажа остались живы. На место падения прибыла спасательная бригада. Потом охотники неделю отмечали в Певеке свое второе рождение.

Браконьерство на Чукотке, похоже, не пре-

ЧУКОТСКОЕ ЗОЛОТО НЕ СПАСЕТ НАЦИОНАЛЬНЫЕ СЕЛА. БОРИС КУТУВГ (ВВЕРХУ СПРАВА): **«Я В ТУНДРЕ РОДИЛСЯ, В ТУНДРЕ И УМРУ»**

следуется. Попав в тундру, люди охотятся на все, что движется. Популярна охота на домашних животных. Этой осенью в окрестностях Певека, где чукчи пасли стадо оленей, побывало все мужское население города. Сначала оленя разрешали отстрелить за три бутылки, потом за две, за одну, а под конец вовсе даром, поскольку, напившись вдрызг, пастухи завалились спать в походной яранге. Несколько дней за городом громыхали одиночные выстрелы.

За последние пять лет поголовье домашних оленей сократилось с 436,6 до 180 тысяч голов. Держать большие стада невыгодно — оленину в певекских магазинах никто не берет (она стоит столько же, сколько завозные окорочка). Катастрофой стало обледенение ягельников — сотни оленей гибнут, не в силах достать корм.

Администрация округа прежней поддержки коренному населению не оказывает. В селах изнашивается техника, приходят в негодность дома, продовольствие поставляется с перебоями. «Как можно в третье тысячелетие входить с поселками, где люди хуже собак живут?» — возмущается губернатор.

Рыткучи

Через двадцать километров после Певека асфальтированная дорога уходит влево, и мы съезжаем на свежепроложенную колею — «зимник». Сто километров до села Рыткучи мы должны проехать за четыре-пять часов.

По дороге буксовали раз пять, шофер раскачивал машину, и снова пробирались сквозь снег. И вот на горизонте появился дым от труб котельной. Три десятка домов в два этажа сгрудились посреди тундры. Справа на горизонте чернели несколько точек — на льду Чаунской губы жители ловили корюшку. История Рыткучей типична для большинства чукотских сел. Местная долгожительница Клавдия Геятваль рассказывает: «Село появилось в 1939 году, в 1957-м открыли совхоз «Певек», дома построили. Ни вездеходов не было, ни тракторов. Ездили на оленях, на собачках. В 1962 году появился первый трактор. Продукты стали возить — зимой на вездеходе, летом на катере. А сейчас забыли о нас — совсем еды не стало: рыбка, оленина да хлеб. Снегоходы без горючего стоят. У меня дом протекает весь, скоро совсем развалится».

Рыбу жители Рыткучей ловят сами, оленина совхозная, с хлебом вообще повезло: когда завозят муку, работает своя мини-пекарня. Только с водой перебои: опреснительных установок нет, а водовозка из Певека приходит редко. Из-под крана течет вода Ледовитого океана.

Только что пойманная корюшка пахнет свежим огурцом. Одессит Иван Ворсуляк, пока рыба жарится, наливает нам соленый чай и кладет на стол плохо пропекшийся хлеб. «Шестьдесят первый год. Гагарин в космос, а я на Чукотку. Был охотник-промысловик, белое золото добывал — песца. На пенсию вышел, сижу без работы. Денег нет, корюшку вот ловлю. Хорошо, что хоть дом на материке успел купить».

В этом году сын Ивана заканчивает школу, и они всей семьей уезжают с Чукотки. «Да, я люблю Север, — говорит Иван, — но не чувствую его своей родиной. Когда рубль был в кармане, по-другому думал. За шкуру песца 40 рублей давали. А сейчас кому дикий песец нужен, когда проще его в клетке вырастить? Если в совхозе на мясо и поменяют, мне дороже будет брать «Буран» и в тундру ехать».

«Мы как пришли сюда, так и уйдем, — заключает Иван. — Чукчей жалко — без нас не проживут. Народ хороший, без задней мысли. Как выпьют, сразу становятся националистами. И кричат, что, дескать, наша земля, уходи, русский Иван. А когда протрезвеют, говорят: «Вы-то уедете, а с нами здесь что будет?»

«Чукча уже не тот, — объясняет директор совхоза «Певек» Михаил Сизов, — круглый год тухнуть в яранге не хочет. Ему надо в тепле пожить,

ПОКА НАЧАЛЬНИК ЧУКОТКИ НЕ ПОСТРОИЛ МАГИСТРАЛЬ ПАРИЖ — АНАДЫРЬ — НЬЮ-ЙОРК, **ПРИХОДИТСЯ ЕЗДИТЬ НА ОЛЕНЯХ**

стиции. Часть безработного населения переселили на материк. Возводятся новые золотодобывающие фабрики, строится дорога Певек — Билибино (которая начнет себя окупать в лучшем случае через 25 лет). Чаунский отдел культуры приглашает в Певек эстрадных звезд — в декабре в городе гостила группа «Комбинация».

Имидж Чукотки в Москве создается умелыми руками. На показные мероприятия расходуются миллиарды. Недавно в лучших советских традициях в Москве были проведены дни Чукотки: сотни людей в национальных костюмах, свезенные в Парк культуры, исполняли национальные танцы, а потом раздавали рыбу и говядину, выдаваемую за оленину. Выступая в Министерстве национальностей, Назаров сообщал, что Чукотка процветает и в ближайшие годы будет процветать еще пуще. Московские чиновники губернатору верят, поскольку важные столичные птицы до Чукотки не долетают. В прошлом месяце в селах Чаунского района ждали Александра Заверюху. Вице-премьер так и не смог вылететь из Якутска.

Назаров же тем временем всерьез рассуждает о строительстве тоннеля под Беринговым проливом, который соединит Аляску с Чукоткой в начале XXI века. Тоннель, по замыслу губернатора, станет частью трансмагистрали Париж — Анадырь — Нью-Йорк. Пресса пишет, что Назаров уже начал собирать средства на тоннель. Как известно, чем утопичнее проект, тем легче на нем заработать: для межпланетного шахматного турнира в Васюках начальный капитал был найден за несколько минут.

на простыне поспать, чая индийского попить, на юга съездить. И техника нужна, лекарства нужны. А ничего не завозят — совхоз-то убыточный. Что такое деньги, мы забыли. Бартер — десять оленей за две бочки бензина. У меня только что был директор певекского мясомолочного комбината. Мы ему оленину, он нам картошку».

В совхозе осталось 130 человек, стадо — 13 тысяч оленей. Бригады чукчей кочуют с ними по тундре, русские и украинцы — в руководстве и на технических должностях. «Чукчи торговать не умеют, кто без нас их оленину будет сбывать? — резюмирует Сизов. — И пока мы остаемся, нам тоже без чукчей нельзя. Как мы уйдем, и они уйдут. Куда? Я не знаю. Наверное, уйдут совсем...»

Слово и дело

Если смотреть на Чукотку из Москвы, может сложиться благоприятное впечатление. Есть инве-

УКРАИНЦЫ ИВАН ВОРСУЛЯК (СЛЕВА) И ЮРИЙ ГОПКАЛО (СПРАВА) **НА ЧУКОТКЕ ПРИЖИЛИСЬ.** НО ИМ ПРИДЕТСЯ ОТСЮДА УЕХАТЬ

Один крупный чиновник в анадырской администрации сказал мне: «Эти чукчи в селах — как бельмо на глазу! Повесили их себе на шею, а теперь прокормить не можем. Вывезти бы их отсюда к чертовой матери! Без них Чукотка давно бы уже процветала!» Эти слова отражают истинное положение коренных народов, которые оказались в числе «излишних людских ресурсов». Традиционные занятия чукчей никогда не будут рентабельными. А это значит, что их дешевле вывезти на материк, чем содержать на севере. Проблема одна: со своей родины люди никуда не поедут.

От укрупнения поселков давно отказались. Интернаты (ныне колледжи) стали делом добровольным. Политики и ученые признают, что насильственное приобщение северных народов к цивилизации — страшная ошибка, и многие считают, что исправить ее возможно. Президент Союза возрождения Севера Татьяна Карацуба, выросшая на Чукотке, а теперь перебравшаяся в Москву, полагает, что малые народы выживут, если поддержка государства будет хотя бы минимальной: «Сработают навыки адаптации, заложенные в генофонде. Ведь тундра — их родная стихия. Чукчам не нужен наш образ жизни — пусть живут так, как жили их деды».

Впрочем, государство не отказывается от поддержки малых народов. Есть указ президента, есть целевая программа правительства, по которой запланировано выделить на развитие коренных национальностей 15,5 триллиона рублей. По инициативе России во всем мире 1995—2004 годы объявлены десятилетием коренных малочисленных народов.

В 1989 году коренные народы российского Севера объединились в ассоциацию, тогда же состоялся ее первый съезд. После съезда экспертная группа начала работать над законопроектом «О правовом статусе коренных малочисленных народов России». Согласно законопроекту, часть земель, на которых проживают малочисленные народы, должна быть передана этим народам.

Недавно закон в очередной раз был завернут Советом Федерации. Член экспертной группы, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Зоя Соколова объясняет это тем, что губернаторам просто невыгодно отдавать землю малым народам. Ведь тогда за их промышленное освоение придется платить. В этом случае одними обещаниями уже не отделаться.

Но все идет к тому, что и обещания скоро давать перестанут. В федеральной программе «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 года» есть малозаметная фраза: «Устанавливается постепенная тенденция снижения доли федерального бюджета и увеличения доли внебюджетных источников финансирования, имея в виду после 2000 года переход к устойчивому развитию коренных малочисленных народов Севера преимущественно за счет собственных источников финансирования и средств субъектов Российской Федерации». По мнению Зои Соколовой, такая постановка вопроса абсурдна: «Как минимум в ближайшие 50 лет малые народы будут нуждаться в государственной поддержке. Иначе они просто не выживут, прекратятся как этносы. Им ведь помогают во всем мире — на той же Аляске, в Канаде».

...Из Рыткучей мы уезжали в темноте, и «уазик» фарами освещал занесенный метелью зимник. Вокруг была пустота — бесконечная снежная пустыня, ночной вой волков и висящие низко над сопками ледяные звезды. ■

ВОЕННЫЕ

Заклятие долины смерти

Поселок Гудым Анадырского района на картах не значится. Расположен он между сопками, всегда покрыт туманом и не просматривается из космоса. Согласно древней легенде, раньше на месте Гудыма была Долина смерти, куда чукчи приходили умирать. В долине не хватает кислорода, порывы ветра — до шестидесяти метров в секунду. Легенда сообщает, что над долиной тяготеет страшное проклятие богов, и человек, однажды попавший сюда, обречен. Не веря в легенды, командование советских вооруженных сил решило сделать долину военной базой. Построили аэродром, вырыли шахты, завезли стратегические ракеты. За несколько месяцев в долине вырос военный городок.

Координаты пусковых установок перестали быть тайной в 80-е годы после очередной утечки информации. Ракеты из долины вывезли, но аэродром и поселок остались. Сейчас здесь расположены 24-й и 25-й полки 99-й мотострелковой дивизии. Два другие полка — на мысе Шмидта и на мысе Провидения. «Лучшая дивизия на Чукотке, — говорит майор Николай Монцев, — потому что она здесь единственная. Кроме пограничников и связистов, никого не осталось». Дальневосточный военный округ снабжают продуктами плохо. Овощей и фруктов нет, коровы на ферме дают по два-три литра молока: для беременных женщин, грудных детей и пациентов медицинской роты. Большинство офицеров живут здесь без семей — оставили их на материке. Северная надбавка — второй должностной оклад. Лейтенант первого года службы получает меньше миллиона рублей. «Как в Арбатском военном округе (то есть в Министерстве обороны. — **«Итоги»**)», — смеются офицеры.

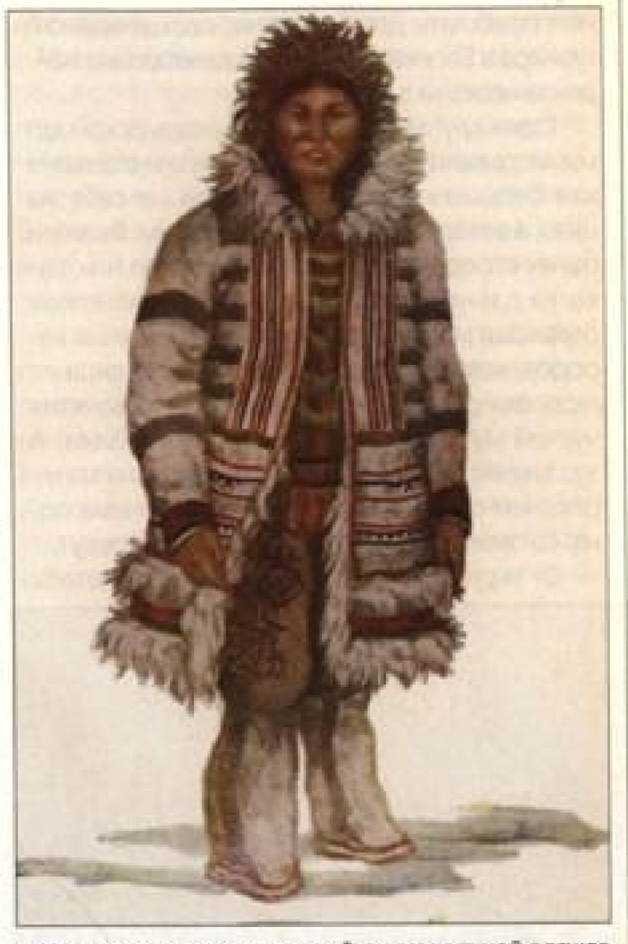
«Для чего вы здесь?» — спрашиваю командира батальона связи майора Олега Волкова. «Мы не привыкли задавать вопросы, — отвечает он. — Дивизия готова занять оборону, готова принимать самолеты на взлетной полосе. Парк боевой техники в полном порядке. Раз надо, будем служить. Заметьте: в любом, хоть самом проклятом месте».

Флирт по-таймырски

«Если я приду к тебе ночью, пустишь ли ты меня?»

НГАНАСАНЫ В ТРАДИЦИОННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОДЕЖДЕ

Елена Новик

СЕВЕР

В БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЕ НЕКОТОРЫХ ЭТНОСОВ имелись формы ухаживания, позволявшие молодежи достаточно открыто выражать свои чувства. У нганасан, живущих на самом севере Сибири, на полуострове Таймыр, традиционная «культура флирта» существовала еще совсем недавно — лет 40—50 назад.

Добрачные отношения между парнями и девушками не прикрывались стыдливо, а развивались открыто на глазах родителей или случайных свидетелей. Парень на виду у всех усаживался рядом с понравившейся ему девушкой — обнимал ее, допускал и другие вольности — и упрашивал стать его любовницей. Впрочем, на прямой вопрос парня принято было отвечать отказом, и молодому человеку часто приходилось приезжать к девушке несколько раз, прежде чем он получал желанный ответ.

Для выражения согласия существовали особые формы, исключавшие прямое словесное подтверждение. Например, дарили друг другу связки бус или металлические украшения для кос (у нганасан мужчины, как и женщины, заплетали волосы в косички). О первой любовной встрече тоже договаривались, не прибегая к словам: парень, желающий прийти ночью к девушке, бросал ей на колени пояс от своего натазника (типа «семейных» трусов), и в случае согласия девушка оставляла пояс у себя. Обещанием вступить в интимную связь служил и обмен кольцами от штанов.

После обмена подарками и знаками согласия юноша мог приходить ночью к девушке и спать с ней. Непосредственно перед интимной встречей девушка расчесывала волосы своего возлюбленного на прямой пробор и вплетала в концы косичек свои металлические украшения для волос, а себе вплетала подаренные им украшения, тем самым давая понять окружающим об их отношениях. С прекращением интимной близости подарки возвращались друг другу, а если рождался ребенок, родители оставляли его себе. Во всем этом нганасанская этика не видела ничего предосудительного — если соблюдался запрет сходиться с девушками из рода отца или матери. Традиционная система воспитания строилась так, что мальчики и девочки с самого раннего детства знали круг своих будущих мужей и жен, которые еще до формального заключения брака назывались супругами.

Право на половую жизнь имели только совершеннолетние. Для девушки оно определялось появлением менструации, а юношу считали взрослым после того, как он самостоятельно добывал дикого оленя. В ознаменование этого события ему нашивали на одежду специальный орнамент, и с этого времени он становился полноправным взрослым членом общины, мог ухаживать за девушками, вступить в брак и т.д.

Пожалуй, самой яркой особенностью ритуала ухаживания у нганасан были особые песни-иносказания — *кэйнгэйрся*. По обычаю, на первых стадиях знакомства, особенно прилюдно, парень и девушка могли объясняться только с помощью иносказательных песен.

Юноша, обращаясь к девушке в первый раз, например, поет: «Ты видишь ли то, что я вижу впереди? Две горы я вижу, крутые горы вижу. На середине между гор круглая лайда есть. На той лайде очень много куропаточьих и заячьих дорог. На той лайде на самой середине цветочек виден. Нижний ветер дует, верхний ветер дует. Когда эти ветры дуют, то цветочек в обе стороны качается». Иносказание таково: горы — это спинки санок, на которых едет девушка, лайда (равнина, окруженная возвышенностями) — доски сидения, дороги зайцев и куропаток — разговоры молодых людей, которые раньше пытались завязать отношения с девушкой, цветок — сама девушка, которая наклоняется, чтобы слушать обещания парней.

Девушка в ответ должна была спеть свою песню, причем наиболее умелые не только демонстрировали способность понять смыслы, зашифрованные партнером, но еще и обыгрывали их, нанизывая на них свои иносказания. Например, пустопорожние речи претендента или его неудачные сравнения могли быть названы «каменистыми вершинами», которые нравятся только девушкам, не избалованным вниманием молодых людей (их именуют «неезженными дорогами» или «местом, которое обходят стороной»), сомнительные достоинства ухажера — «полусухими дровами», надежные люди — «прочными местами земли», «местом для опоры» и т.д.

Обмен такими песнями становился своеобразным состязанием в умении как можно более витиевато зашифровать смысл, а изощренность словесного поединка оценивалась слушателями тем выше, чем дальше текст отходил от своего прямого смысла. Само владение иносказательным языком котировалось очень высоко: при сватовстве, например, юноша, не проявивший в этом отношении необходимых навыков, рисковал, при всех прочих своих достоинствах, получить отказ.

В моде – старомодность

Новое поколение, томясь в настоящем, культивирует «старое доброе время»

Кендалл Гамильтон,
Трент Джигекс
(Newsweek)

ВЕЯНИЯ

АЛЕКСУ КЛЕНЕРТУ ВСЕГО ДВАДЦАТЬ ДВА ГОда, но он уже прочно усвоил вкус к изысканной жизни. Он любит послушать классический джаз, хорошенько размяться на поле для гольфа и ночи напролет играть в карты в чисто мужской компании. Когда приходит время наведаться к парикмахеру, он точно знает, куда направить свои стопы. Всего несколько кварталов от Уолл-стрит, несколько гранитных ступеней, дверь — и вот он уже в царстве Джона Аллена, в раю, отделанном темным деревом. Опустившись в кресло зеленой кожи, юный Алекс перелистывает глянцевые страницы свежего номера ежемесячника Smoke, посвященного сигарам и способам их воскурения. А меж тем Мэри-Энн, хорошенькая парикмахерша-стилист в очень короткой юбочке, колдует над его прической. Одновременно другая девица делает ему маникюр, а третья ставит перед ним на черную металлическую консоль бокал холодного бочкового пива. «Втягиваешься как-то, знаете ли», — говорит Кленерт, которому его маркетинговые отчеты приносят никак не больше 20 тысяч долларов в год. Тем не менее каждые полтора месяца Алекс позволяет себе поход в заведение Джона Аллена. Там его ждет стрижка, и маникюр, и обжигающе-горячие душистые полотенца, и даже чистка башмаков. Обходится это ему в 44 доллара плюс чаевые, но, ей-богу, дело того стоит. «Когда тебя окутывают горячей салфеткой, ты словно растворяешься в зное, он омывает тебя всего».

Весьма вероятно, что столь блаженным ощущениям в данном случае способствует и присутствие Мэри-Энн, но мир, дарящий их, вовсе не ограничен пределами кресла зеленой кожи в салоне Джона Аллена. Похоже, что молодые — те, кому еще нет тридцати, притом не только мужчины — стараются всему придать привкус «хорошей жизни», «старого стиля». И теледебаты Клинтона и Доула они не желали смотреть потому, что слишком заняты воссозданием внешних примет — так сказать, амуниции и снаряжения — и самого духа эпохи Эйзенхауэра. Одни, как Кленерт, не по годам рано обретают мироощущение завсегдатаев мужского клуба, становясь знатоками сигар и ценителями выдержанного виски. Другие находят изысканность в обыденности времен давно минувших. Кто-то видит в употреблении коктейлей не только вкус и отраду, но и эстетический смысл, обменивается «bons mots» на банкетах от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса, и ирония их так же суха, как их мартини. Нет такого гольф-клуба, где вы, размахнувшись клюшкой, не задели бы какого-нибудь юнца, приобщающегося к дедовским ценностям. Даже бридж становится любим и популярен среди тех, у кого все зубы еще свои. «Новое поколение» падко на все старомодное.

Вот вам еще пример. «Когда удалюсь от дел, осяду где-нибудь в Палм-Бич (роскошный курорт в штате Флорида, иметь там дом очень престижно. — **«Итоги»**) — вот жизнь, которая мне по душе», — заявляет Аарон Крэг, юрист-первокурсник Йельского университета. Ему всего 23 года, но на день рождения он с удовольствием получил от папы в подарок специальную камеру для хранения сигар, в которой поддерживается определенный процент влажности. «Больше всего на свете я люблю играть в гольф с сигарой во рту — или в бридж, опять же с сигарой. Бридж оттачивает мои аналитические способности». Гольф привлекает духом борьбы и соперничества. А сигары — это превосходная тема для разговора. «С очень многими из нынешних моих приятелей я познакомился на приеме или на вечеринке, где курил сигары. Неизменно кто-нибудь спросит: «Что это за сорт?» — и тотчас завязывается беседа о преимуществах того или иного типа или марки».

И можно не опасаться, что главным преимуществом сигары окажется необходимость курить ее где-нибудь на сквознячке. От этого застрахованы, по крайней мере, посетители пооткрывавшихся недавно «сигарных клубов» вроде нью-йоркского «Маканудо» или «Гранд Гавана-рум» в Лос-Анджелесе. Марк Гроссич владеет сетью таких заведений в Нью-Йорке, и половине его завсегдатаев лет по двадцать с небольшим. «Кому-то это покажется этаким «щенячьим снобизмом», — заявляет он, — а на самом деле это возможность пообщаться. Сигары и виски ломают лед отчуждения».

«ПО СТАРОМУ СТИЛЮ»: ЮНОГО ДЕНДИ ОБСЛУЖИВАЮТ В НЬЮ-ЙОРКСКОМ САЛОНЕ ДЖОНА АЛЛЕНА

В наши дни не диво встретить и юную леди, потягивающую виски и попыхивающую сигарой. «Я уже довольно давно курю сигары, — говорит 26-летняя учительница Элиссон Уэйнбаум, которую мы встретили на Гудзоне в одном из таких баров вместе со своей приятельницей, 29-летней Ли Томкин. — И все мои друзья не прочь выпить стаканчик старого доброго скотча и выкурить сигару». А как насчет гольфа? «Гольф, — отвечает Уэйнбаум, — отличное развлечение для парочек» — «Одну мою подругу, — вступает Ли, — ее молодой человек пригласил поиграть в гольф — к этому времени они уже довольно долго встречались».

И что же может свидетельствовать о серьезности намерений лучше, чем совместное посещение гольф-клуба? Но насколько вообще серьезны эти увлечения, вот в чем вопрос. Да неужели едва начавший бриться юнец, который с непроницаемым лицом посасывает сигару, в самом деле получает от этого удовольствие?! 24-летний Арт Чанг каждые две недели играет с друзьями в бридж в No Bar, расположенном в нью-йоркском районе Ист-Виллидж. Разумеется, он играет и в гольф и курит сигары. «Для молодежи это способ окунуться во взрослую жизнь, причем наилучшим для нас способом — как бы в шутку, — говорит он. — Знаете поговорку «Первый раз — трагедия, второй — фарс». Тут все наоборот. Именно в первый раз это — нормально». Иными словами, хорошо играть во взрослого, когда знаешь, что в любой момент можешь выйти из игры. Послушаем снова Чанга: «Не думаю, что мы и в сорок лет будем увлекаться бриджем и гольфом — ведь тогда это все уже будет взаправду».

Дай-то бог. Для значительной части «нового поколения» чисто внешних примет преуспевания и «красивой жизни» может оказаться вполне достаточно и хватить очень-очень надолго. А что ж на свете долговечней большого старого «динозавра» детройтской сборки?! Жак Уэйт, 28-летний музыкант из Миннеаполиса, водит черный кадиллак «Седан Де Вилль», 73 года выпуска, отделанный изнутри красной кожей оттенка «вырви-глаз» и, конечно, оснащенный электрическим стеклоподъемником. «Я отдал за эту машину сумасшедшие деньги; не буду же я сам еще и ручку крутить?» — резонно замечает Уэйт. В окошечке спидометра с указанием пробега значится совершенно невероятная цифра, но Уэйт считает, что стиль требует жертв. «Люблю старинный дизайн, — говорит он. — В этих допотопных автомобилях действительно можно почувствовать себя набобом. И это очень здорово».

ВОЗЬМИТЕ СИГАРУ, НЕ ТО ОСТАНЕТЕСЬ В МЕНЬШИНСТВЕ. ОБЪЕМ ПРОДАЖ ПЕРВОСОРТНЫХ СИГАР В ПРОШЛОМ ГОДУ УВЕЛИЧИЛСЯ НА 35, В НЫНЕШНЕМ — НА 50 ПРОЦЕНТОВ БЛАГОДАРЯ ТОМУ, ЧТО НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К «СТАРЫМ ВКУСАМ»

ДЖОН ФАВРО (НА ФОТО ВНИЗУ В ЦЕНТРЕ) И ЕГО ПАРТНЕРЫ ПО ФИЛЬМУ **«СВИНГЕРСЫ».** ФАВРО, АВТОР И ЗВЕЗДА ЭТОГО СМЕШНОГО И ЗАНЯТНОГО НОВОГО ФИЛЬМА, ПОВЕСТВУЮЩЕГО О ТОМ, КАК ЛЮБЯТ И ЧТО ПЬЮТ МОЛОДЫЕ ПРИВЕРЖЕНЦЫ «СТАРОГО» СТИЛЯ ЖИЗНИ ИЗ ЛОС-АНДЖЕЛЕСА, ТАК ОПРЕДЕЛЯЕТ «СВИНГОВУЮ КУЛЬТУРУ»: «ОНА ПЫТАЕТСЯ ИЗВЛЕЧЬ ЧТО-ТО ИСТИННОЕ ИЗ ПРОШЛОГО — ОСОБЕННО ИЗ ГОЛЛИВУДА, ГДЕ ИСТИННОГО НЕТ НИЧЕГО»

«Америка-он-Лайн» испугалась и убежала

Крупнейшая американская компания-провайдер постыдно ретировалась, убоявшись трудностей работы на российском рынке Интернет-услуг

Андрей Сельский

СКАНДАЛ

«Работать с российскими клиентами? — с демонстративным испугом переспросил меня собеседник. — Нет уж, увольте, как минимум до конца нынешнего безумного тысячелетия». Несмотря на мирно дымящийся в чашке кофе и открывавшийся за окном вид юго-западного Лондона, представитель «Америка-он-Лайн» (AOL) никак не мог совладать с дрожью, охватившей его после моего вопроса.

Беседа, которая началась с гордого представления «Америка-он-Лайн» как лучшей в мире компании, представляющей услуги по доступу к Интернету более чем семи миллионам частных пользователей и компаний, плавно дотекла до центрального вопроса, который в январе буквально взбудоражил компьютерный мир. «Да, недавно мы были вынуждены исключить Россию из списка постоянных клиентов, — поведал мне Гарет Левелдин, эксперт «AOL Бертелсманн онлайн» — главного оператора «Америка-он-Лайн» в Европе. — Это решение продиктовано необходимостью остановить мошенничество и попытки незаконно пользоваться нашей сетью».

По его словам, в середине декабря специалисты AOL зафиксировали «лавинообразное увеличение попыток российских клиентов расплачиваться за услуги при помощи краденых номеров кредитных карточек». В общей сложности «Америка-он-Лайн» обслуживала 3 тысячи клиентов в 40 городах Российской Федерации, представляя им «точно такие же услуги, как любому жителю Западной Европы». Однако в ходе кропотливой проверки выяснилось, что во многих случаях новоиспеченные клиенты, открывая специальный счет по оплате сетевого времени, использовали номера купленных на «черном рынке» кредитных карточек.

Любой желающий в любой стране мира может через модем своего персонального компьютера зарегистрироваться в глобальной схеме AOL, сообщив свое имя и номер кредитной или дебетовой карточки. «Америка-он-Лайн» верит новичкам на «модемное слово» и не проверяет их кредитоспособность. Как правило, AOL замораживает счета только тогда, когда в Лондон через некоторое время начинают звонить возмущенные истинные владельцы «Виз», «Мастеркард», «Американ экспресс» и другого «пластика», которые получают счета из далекой России за неведомые им услуги. Детективы по номеру модема обычно без труда могут вычислить адрес мошенника. Но в Москве и других российских городах в сеть AOL неоднократно влезали «зайцы», личность которых установить так и не удается. Даже если эксперты «Америка-он-Лайн» выясняли, что фальшивые счета открывались с компьютера той или иной российской организации, руководители этих учреждений лишь разводили руками, отвечая на вопрос, кто мог пройти тогда-то в такое-то помещение и воспользоваться стоящим там модемом.

«Расхлябанность менеджера крохотной конторы где-нибудь в Сибири — дело неудивительное, однако с трудом верится, что в столичных компаниях такая же полная неразбериха , — сказал мне представитель «AOL Бертелсманн», попросивший не называть его имени. — Мы впервые столкнулись с проблемой открытия фальшивых счетов в таком масштабе. Не отключи мы рубильник, дававший «компьютерный ток» России, остались бы без штанов» (очевидно, штаны держатся не слишком крепко — ведь российские клиенты составляют 0,003 от общего количества клиентов AOL. — **«Итоги»**).

По убеждению Гарета Левелдина, «отключение целой страны» означает изоляцию всего трех тысяч клиентов «Америка-он-Лайн» и вряд ли нанесет мощный удар по престижу компании. «Мы прилагаем все усилия для того, чтобы вскоре найти способы возобновления деятельности на территории Российской Федерации», — сообщил он, отказавшись уточнять, какими именно будут эти «способы».

Несмотря на оптимистические настроения руководства компании, в лондонском Сити считают, что бегство «Америка-он-Лайн» и его главного оператора с российских просторов поставило жирный крест на планах американского гиганта завоевать прочное место на восточноевропейском рынке компьютерной информации. Эксперт британской финансовой группы «Барклайс» считает, что «уход AOL вряд ли вызовет панику среди более мелких западных телекоммуникационных компаний, действующих в России, он лишь преподаст им хороший урок». ■

Лондон

А мы остались!

Андрей Солдатов

ПОДОПЛЕКА

Известие о решении «Америка-он-Лайн» (America Online) закрыть своим российским клиентам доступ к глобальным сетям вызвало у отечественных провайдеров не совсем ту реакцию, на которую, видимо, рассчитывал мировой лидер предоставления доступа к Интернету.

Виктор Русских, директор по маркетингу АО «Релком»:

«Основная потребность отечественного пользователя Интернета — все-таки информация на русском языке. Поэтому уход «Америка-он-Лайн» с российского рынка не очень затрагивает интересы АО «Релком». Однако то, что столь крупная и известная в мире компания принимает подобное решение, — безусловно плохой симптом. Интернет создавался как открытая и демократическая система, и тот факт, что какая-то его часть становится закрытой для российского пользователя, не вызывает оптимизма».

Евгений Пескин, руководитель проекта «Россия-он-Лайн»:

«Решение компании «Америка-он-Лайн» не было для нас удивительным. AOL быстро столкнулась с реальностями работы в нашей стране, в России у них было очень немного легальных клиентов, и мы не рассматривали их как конкурента. Будучи крупным поставщиком сетевых услуг, мы знаем, что настоящая работа на рынке Интернет-услуг требует действительно крупных вложений — и материальных, и нематериальных. Надо отметить, похожие проблемы (с банковскими картами) вставали и перед нами, но мы нашли эффективные способы их решения и продолжаем предоставлять услуги по кредиткам».

Какой бы разной ни была реакция российских провайдеров, объединяет их одно — отечественные компании не считали и не считают AOL серьезным конкурентом. Более того, ее ссылки на «тотальное мошенничество» вызывают недоумение. Любопытно, что, как сообщила газета «Сегодня», российские процессинговые компании (обслуживающие трансакции с пластиковыми картами) отрицают сколько-нибудь серьезный рост мошенничества с кредитками за последние несколько месяцев.

От редакции. Мошенничество, как известно, не имеет национальности. Видимо, «система безопасности» американцев просто оказалась хуже, чем у их российских коллег. AOL вообще не приложила каких-то особых усилий, чтобы добиться успеха на российском рынке, — и проиграла. Теперь ищут виноватого. ■

Балбес и Небалбес

Про Эльдара Рязанова и Леонида Гайдая после выхода фильма «Привет, дуралеи!»

Юрий Гладильщиков

ВСЁ О КИНО

Позволим себе приятную роскошь: НЕ РЕЦЕНЗИРОВАТЬ новейший фильм Эльдара Александровича Рязанова «Привет, дуралеи!». Правда, есть искушение отрецензировать само название фильма. Название — весьма знаковое. При всей невинной простоте содержит в себе позицию и даже вызов. Имея представление о последних работах Эльдара Александровича, заранее догадываешься, что дуралеи (которым и передан привет) — ребята милые, старомодные, цитирующие Пушкина и песни на музыку Сергея Никитина, что живется им туго, однако они не унывают, когда надо, способны на жесткий отпор гэбистам, коммунистам, черносотенцам и прочему быдлу, и все у них (у нас) будет хорошо. Более того, название и даже его важная составляющая — восклицательный знак — дают повод для обстоятельного культурологического комментария. Который, впрочем, плавно и неизбежно перейдет в разговор о словесном барьере между поколениями, перекинется на разногласия мировоззренческие и породит еще (не дай Бог) такую вспышку обоюдного поколенческого Сопротивления, что ну ее, эту культурологию, к лешему.

Дать представление о сюжете все-таки необходимо. Он придуман Рязановым в паре с Алексеем Тиммом. Действуют Он и Она. Она — закончила, кажется, библиотечный, почти слепая, кристально честная и незащищенная. Он — закончил не помню что, но тоже интеллигент, тоже неудачник и зачем-то (при наличии удобной квартиры) спит на крыше с видом на храм Христа. Оба привлекательны еще и тем, что не умеют и не желают приспосабливаться к окружающей действительности, но между нами, девочками, производят впечатление не дуралеев и даже не интеллигентов, а скорее идиотов. Не потому, что лазают по крышам и не желают приспосабливаться, а исключительно потому, что постоянно несут волнительную ахинею, заставляющую всерьез усомниться в их реальной начитанности. В фильме также действуют: его бывшая жена — типичный парикмахер-визажист, то есть дура, богачка и мещанка; его крутой друг, прошедший Афган и Чечню, которого всякие разные негодяи уговаривают продаться в киллеры. Глава социально-социалистической, что ли, партии — вор, козел, подлец, еврей, косящий под русского и прикрывающийся фашистскими лозунгами (ну, ясно, в общем, кто). В завязке картины, где события разворачиваются в 1917-м, действуют еще и пьяные сволочи — революционные матросы.

Она — Татьяна Друбич. Он — Вячеслав Полунин (который главный «Лицедей» и Асисяй). Он и Она встречаются по иронии судьбы, долго робеют, не могут найти путь друг к другу, но затем успешно находят. Несмотря на зримые моменты столь полезной и своевременной салтыков-щедринщины, первые зрители фильма решили, что Рязанов, увлекшийся в последнее десятилетие социальностью, попытался вернуться к себе — к «Иронии судьбы» и «Служебному роману». «А я и не уходил!» — чуть запальчиво ответил Эльдар Александрович на премьере фильма. И был абсолютно прав. Рязанов — фигура цельная. Размножать Рязановых, утверждая, что Рязанов «Гаража» и «Небес обетованных» — одно, а Рязанов «Служебного романа» — другое, абсолютно нелепо. Цельность тем более заметна, если соотнести творческий путь Рязанова с творческим путем другого — тоже цельного — отечественного комедиографа Леонида Гайдая.

Информация для поклонников

Пока что фильм можно было увидеть лишь на спецпросмотрах: на кинорынке в Измайлове, на торжественном открытии кинотеатра «Ударник» в конце декабря (это теперь суперкинотеатр западного типа с «долби» и прочими удовольствиями, второй в Москве «настоящий кинотеатр» наряду с «Кодаком»), а также в январе в Центральном доме кинематографистов. Но, надо полагать, вскоре «Дуралеев» удастся обнаружить и в обычных кинотеатрах, а также на видеокассетах. Во время премьеры в «Ударнике» заодно отметили сорокалетие «Карнавальной ночи». Зал устроил овацию Людмиле Гурченко и барабанщику, который (в «Ночи») играл в биг-бэнде, а недавно был найден Рязановым выступающим чуть ли не на улице возле ресторана «Прага».

ЯЗВИТЕЛЬНЫЙ КИНОКРИТИК ДЕНИС ГОРЕЛОВ напечатал в «Сегодня» (во времена оны, понятно) статью про пути отечественной комедии. По Горелову, наша комедия становилась год от года глупее, а редкие ростки интеллектуального, пробивавшиеся в ней буквально сквозь толщу асфальта,

были затоптаны. Забыл, кем именно, но, кажется, народом. Заноза Горелов известен как автор самой злобной рецензии на пап-интеллигентов вообще и Эльдара Александровича в частности, порожденной рязановским фильмом-предостережением «Предсказание». Тем не менее в тексте про комедию он был целиком на стороне Рязанова (Рязанова 60—70-х), сказав, что умному «Деточкину вечно суждено собирать подаяние у храма Балбеса».

Сторонники Леонида Иовича Гайдая не могли оставить безнаказанным столь наглый и безответственный выпад против кумира и сочинили в ответ пару статей, где речь, напротив, шла о том, что если у нас и был современный Грибоедов, то это, конечно, Гайдай. Не зря все классические комедии Гайдая почти целиком растащены публикой на словечки и фразочки. По степени растащенности на цитаты с фильмами Гайдая могут сравниться разве что «Джентльмены удачи» и «Белое солнце пустыни», а из всех рязановских фильмов — только «Берегись автомобиля».

Это так: для затравки. Занятнее другое: два человека в одно и то же время в одной и той же стране снимают кинокомедии (есть еще третий классик — Данелия, но о нем разговор особый). Оба безумно популярны. Конкурируют между собой. Но отличаются один от другого настолько, что — при всем старании — не найдешь точек соприкосновения. Пойдем от простейшего к парадоксальному.

Рязанов — очевидный и законченный шестидесятник. Гайдай — нисколечки.

Гайдай со всеми своими Шуриками и даже с булгаковским «Иваном Васильевичем» — народен. Точнее, городско-народен. Сочиняет для всех. Пронизывает все слои общества: это, кстати, редкое умение в кинематографе — делать фильмы, в которых каждый находит свое: один тащится от смешных пинков под зад, а другой вычитывает умное. Рязанов (если брать его основные картины — уровня «Берегись автомобиля») — подчеркнуто интеллигентен и ориентируется на слои от среднего и выше. Слухи о народности Рязанова сильно преувеличены. Он, может, и начинал как народный, но по-настоящему народным (своим, знакомым) его сделала «Кинопанорама».

Далее. Гайдай снимает в 60—70-е такие фильмы, словно бы порядки в стране его более или менее устраивают, и нет ни цензуры, ни режима. Он как бы вообще не интересуется серьезными общественными проблемами. Нет-нет, и дураку ясно, что Гайдай на самом деле иронизирует над режимом, но как-то легко, спокойно, будто бы взирая на происходящее со стороны. Рязанов (чем дальше, тем сильнее) тяготится режимом, ощущает и, насколько позволяет ситуация, отражает его давление и присутствие. В какой-то момент режим начинает отвечать ему взаимностью. Рязанову не позволяют экранизировать «Самоубийцу», «Мастера и Маргариту», «Дракона». «Дорогую Елену Сергеевну» он пробивает с трудом.

Соответственно Гайдай как бы увлечен жанром и только жанром — изобретает эксцентрические комедии. Кино Рязанова — это миссия (не люблю и никогда не использую цитат, но в данном случае это слова постоянной актрисы Рязанова 70—80-х Лии Ахеджаковой). Для него важнее не пинок под зад, а идея, мысль, атмосфера. Интеллигент в его фильмах — это именно ИНТЕЛЛИГЕНТ. Честный, умный, страдающий, влюбленный, закомплексованный, отчасти родственный вудиалленовскому (черт, никак не обойтись теперь без сравнений с Голливудом), в последние годы все ответственнее несущий знамя демократии. Главный гайдаевский интеллигент по имени Шурик — не более чем смешная маска. Отечественный вариант Чарли, ловко

побеждающего больших и сильных раздолбаев при помощи сметки и отваги. Мастер комедии Рязанов, сняв более двадцати игровых картин, так и не породил ни одной маски. Он к тому и не стремился. Он порождал в своих фильмах индивидуумов. Родил, например, Деточкина. Классическая комедия славна, однако, именно масками. Интеллектуальная публика 90-х — и та ценит в комедии маску, с пеной у рта доказывая, что Бастер Китон был гораздо талантливее Чаплина. Вуди Аллен — тоже маска. Из наших комедиографов новейших времен маски сумел внедрить в сознание зрителя лишь Гайдай. Причем сразу четыре: Шурик, Трус, Балбес, Бывалый.

По странной логике все, однако, вывернулось таким образом, что именно Гайдай сделал картину, которая воспринимается сегодня откровенно антисоветской. Рязанов, даже в «Берегись автомобиля», пытался в меру сил усовершенствовать режим, придать ему человеческое лицо, исправить недостатки. Гайдай (который вел себя, повторяю, так, словно оценивал ситуацию со стороны) отнюдь не метил в отдельные недостатки режима и не мечтал о социализме с человеческим лицом. Он слишком хорошо всё про всё угадал. В «Бриллиантовой руке» Гайдай создал нечто, что в корне противоречит традиционной идеологии шестидесятников: образ страны, где все одним миром мазаны. Страны, которую не исправишь. Страны Совка. Самое время вспомнить «Старые песни о главном». Авторы «Песен» Леонид Парфенов и Константин Эрнст говорили, что их проект — это в какой-то мере реабилитация того, что именуется совком. Реабилитация эмоций и специфического типа мышления, характерного для близкого прошлого. Теперь уже можно точно сказать, от кого именно надо защищать совок и кто первый поставил зеркало перед ним — это Гайдай. Одни песенки из «Бриллиантовой руки» чего стоят: про дикарей, на лицо ужасных, добрых внутри, у которых, что они ни делают, не идут дела, да еще про зайцев. С припевом: а нам все равно, пусть боимся мы волка и сову.

Ответ на вопрос, почему всех других режиссеров давила цензура, а Гайдаю разрешали откровенную крамолу, оставим за рамками этих заметок. Уже публиковалось предположение, что крамолу у него попросту не замечали. В отличие от умных — и с ходу настораживавших — комедий Рязанова или Данелии фильмы Гайдая, видимо, воспринимали как чисто развлекательные, тупо-народные. Эксцентрика завораживала и обманывала. И чиновников, и, кстати, тех же интеллигентов, которые Гайдая долгое время на дух не переносили. Случай Гайдая удивителен еще и тем, что его фильмы (от ранних до «Ивана Васильевича») не только не покрылись паутиной, но стали с годами словно бы умнее.

Забавно (и опять-таки логично), что свой главный, наиболее популярный и откровенный фильм — «Бриллиантовую руку» — вольный комедиограф и категорический нешестидесятник Гайдай сделал в относительно вольные 60-е. Пусть и на их излете. Что до интеллигентного шестидесятника и певца свободной кухни Рязанова, то свою главную и наиболее популярную картину — «Иронию судьбы» — он снял в глухие 70-е. Рязанов в его лучшие годы всегда точно угадывал и воспроизводил атмосферу времени. «Ирония судьбы» — не просто приятная рождественская сказка (как сказали бы на Западе). Это ведь еще и фильм абсолютно экзистенциальный. Безвременье. Герои прячутся в квартирах, в кухонном веселье, в песенках Никитина. И даже красивый утренний заснеженный Питер, по которому героиня Барбары Брыльской идет на вокзал, — и тот вневременен и пустынен. Личный уход от мерзкого мира. Бог мой, да какое отношение «Дуралеи» имеют к «Иронии судьбы» (речь не о качестве, а о сути — качество и сравнивать-то глупо)? В «Иронии» половина кайфа от того, что нам нравится мир героев, а внешнего, неприятного для зрителей, мира нет. В «Дуралеях» как бы Мягков приходит к как бы Брыльской (то бишь Полунин приходит к Друбич), а та ему и говорит: в этой моей квартире чего только раньше не бывало — была даже явочная квартира КГБ (!). Если бы в «Иронию» проникло что-нибудь подобное (например, Барбара призналась бы, что ее прадеда запытала до смерти царская охранка), фильм давно расхотелось бы смотреть каждый Новый год.

При утяжелении общественной ситуации (начиная с конца 70-х) оба мэтра нашей комедии пришли к тому, к чему, похоже, и должны были. (Заметим в скобках, что оба вдобавок постарели, а возраст, как свидетельствует практика мирового кинематографа, в девяти из десяти случаев сказывается на режиссерских способностях вполне отрицательно, в первую очередь гробя вкус.) Гайдай перестал работать на верхние слои. Стал снимать нечто плоско-народное и тупо-эксцентрическое.

Рязанов, напротив, совсем перестал учитывать слои «низшие». Повторив «Иронию судьбы» в «Служебном романе», он озверел и ринулся в сатиру. Он действительно дважды повлиял на общественное развитие. «Карнавальная ночь» в какой-то мере предопределила атмосферу конца 50-х — начала 60-х. Без нее и «Заставы Ильича» бы не было. «Гараж» стал скандалом начала 80-х (устарев довольно быстро).

Пережив самые подцензурные годы при помощи «Вокзала для двоих», «Жестокого романса» и «Забытой мелодии для флейты», Рязанов затем и вовсе начал делать фильмы, преследуя цели, ради которых... разве что газетные статьи пишут. Рязанов начал снимать, чтобы растолковать, кого он любит, а кого нет. Чтобы поквитаться на экране с теми, с кем не удалось поквитаться в жизни. Втоптать кого надо во что хочется. В «Дуралеях» к главному хорошему герою подкатывает премерзкий прощелыга из конторы, скупающей недвижимость. Когда герой его посылает, прощелыга вдруг принимается орать... Что бы вы думали? Нечто по поводу паршивых интеллигентов и шестидесятников, которых давно всех передушить надо. Но уж отвел Эльдар Александрович свою режиссерскую душу: он этого, в клевый костюмчик одетого, прощелыгу сначала в корыто с раствором цемента уронил, потом что-то на башку ему обрушил — пусть знают, собаки, кто кого уважать должен.

Рязанов окончательно стал русским бунтарем-шестидесятником. Жестоким, но справедливым. Бессмысленным и беспощадным. «Дуралеи», кстати, фильм не про-, а, скорее, антиинтеллигентский. Ничего, кроме нелюбви к идиотам-героям, он не вызовет. К тому же интеллигент, который способен считать кого-то быдлом и не видит человека в каждом, это уже не классический интеллигент, а мутант какой-то. ■

Гордый финн со славянской душой

Братья Каурисмяки в московском Музее кино

Андрей Плахов

КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ

Финские братья Аки и Мика Каурисмяки — такой же феномен в режиссуре, как наши Михалковы. Младшему (на два года) Аки вот-вот стукнет сорок, а феномену исполнится шестнадцать: в 1981-м братья начали сообща снимать и продюсировать кино. За эти годы едва ли не на всех фестивалях мира прошумели их картины и ретроспективы. Теперь пришел черед Москвы: весь январь в Музее кино отдан братьям. Мика, снимающий то в Бразилии, то в Америке, то в Италии, имеет имя, связи и поклонников. Аки помимо всего этого обладает уникальной режиссерской интонацией, уверенно входя в пятерку лидеров европейского кино. Его главные фильмы: «Тени в раю» (1986), «Гамлет входит в дело» (1987), «Ариэль» (1988), «Ленинградские ковбои» едут в Америку» (1989), «Девушка со спичечной фабрики» (1990), «Я нанял для себя убийцу» (1990), «Жизнь богемы» (1992), Total Balalaika Show (1993), «Береги свою косынку, Татьяна» (1994), «Вдаль уплывают облака» (1996). Кстати, снимок братьев (Аки — слева, а Мика — справа) сделан не кем-нибудь, а великим классиком американского независимого кино Джимом Джармушем.

Не знать Аки Каурисмяки — все равно что не иметь понятия о северном сиянии, находясь рядом с ним. Нам в России до недавнего времени это успешно удавалось. Удавалось не слышать и «Ленинградских ковбоев» — «самую громкую и самую худшую рок-группу мира», как говорит Аки, истинный виновник ее славы, сделавший из музыкантов еще и кинозвезд по совместительству.

Фильм Total Balalaika Show был снят во время совместного концерта «Ковбоев» с ансамблем имени Александрова. Немыслимое, словно бы безумцем срежиссированное зрелище собрало 50 тысяч человек перед самой большой открытой сценой, когда-либо выстроенной в Финляндии. В течение всего Каннского фестиваля 1994 года представители обоих музыкальных коллективов выступали прямо на улице рядом с модным баром «Маленький Карлтон», сопровождая парный музыкальный конферанс потреблением немереного количества пива. «Ленинградские ковбои» в гротескных постмодернистских париках и полуметровых остроносых ботинках пели «Дубинушку» и «Дилайлу», обняв своих русских братьев в мундирах. А в ответ на восторги публики демонстрировали фирменно-кошмарный английский: «Сэнк ю вери мэни!» Аки сделал целый ряд картин про странствия и приключения «ковбоев»: как те прокатились по своей, как они сами считают, прародине — Америке, заглянули в Мексику и вернулись к истокам, то бишь в сибирский колхоз. Репертуар кантри-мьюзик «ковбои» обогащают лирическими напевами о колхозных полях и фермах. Заметим, что веточка стеба на древе соцреализма расцвела в творчестве Каурисмяки задолго до появления «старых песен о главном».

Действие большинства картин Аки развивается словно бы в нашем захолустье. Каурисмяки экранизирует (переделывая на финский лад) «Преступление и наказание», то и дело использует музыку Шостаковича и Чайковского. Это, конечно, свидетельство близости русской культуры — близости не только духовной, но и географической, что, как известно, укрепляет любой союз. Иногда близость проявляет себя неожиданно. То вдруг в фонограмме фильма Аки послышится обрывок русской речи — из телевизора, что без труда принимает нашу программу. То зазвучит голос Георга Отса, то песня «Не спеши» (Бабаджанян — Евтушенко — Магомаев), памятная тем, кому за тридцать пять. А в фильме «Береги свою косынку, Татьяна» трогательные отношения двух финнов, эстонки и гостьи из Алма-Аты с ироничным лаконизмом характеризуют менталитет финских мужчин и советских женщин, каким он был до сексуальной революции и распада Союза.

Каурисмяки — певец «страны, которой больше нет»: имеется в виду Финляндия дотелевизионной эры. Певец городских предместий, ненавидящий красивые ландшафты (их он, в самом крайнем случае, соглашается запечатлеть из окна мчащейся машины). Мир Каурисмяки пронизан инстинктом саморазрушения, ощущением задворок Европы. Маргиналы в маргинальной стране — центральная тема фильмов «Тени в раю», «Ариэль», «Девушка со спичечной фабрики» (за эту трилогию Аки окрестили «пролетарским метафизиком»), равно как и последней картины «Вдаль уплывают облака». Фильмы Аки населяют официантки и продавщицы, мусоросборщики и шахтеры, водители трамваев и трейлеров, проклинающие свою работу, когда она есть, и проклинающие жизнь, когда эту работу теряют. Оказывается, финская душа — тоже загадочна. Герои Каурисмяки способны и на веселое безумство, и на нежность, и на хладнокровное убийство. И на полный мрачной решимости вызов судьбе.

ЛЮБИМЫЕ АКТЕРЫ АКИ (ОН — МАТТИ ПЕЛЛОНПЯЯ, ОНА — КАТИ ОУТИНЕН) В ФИЛЬМЕ «ТЕНИ В РАЮ»

Серая как мышка, затравленная «девушка со спичечной фабрики» мстит этому миру с артистизмом и изяществом, достойными великих преступниц и магических кинодив. Не меняя кроткого выражения лица, она отправляет на тот свет маму, отчима, отца своего будущего ребенка и случайного приставалу в баре. Тихий ужас перед жизнью, дарящий тем не менее катарсис, от которого, как утверждают фанаты Аки, сладко затрещали бы кости Аристотеля.

САМЫЙ ТИТУЛОВАННЫЙ ИЗ ФИЛЬМОВ АКИ «ЖИЗНЬ БОГЕМЫ»

Плен лунатических ночей, дорогих и унылых алкогольных увеселений, принудительных уроков английского. «Невыносимая легкость бытия» запросто превращает обывателя в анархиста, а неудачника — в гангстера и преступника. Столь же легко трансформируются жанры: от социальной драмы — через черную комедию — Аки выходит в криминальную сказку-утопию. А за кадром тянется сладкая и печальная песня о том, как свет фар разгоняет ночные тени и уносит путника туда, где безумствует мечта. Фильмы Каурисмяки, «мрачные и прекрасные, как сентябрьский вечер», то и дело озаряются вспышкой чуда, северного сияния. Не делая из своих героев монстров, а из монстров героев, режиссер открывает в финском характере скрытый темперамент, спонтанность, юмор.

Вы не забудете двух работяг за обедом: угощаясь сыром, один обещает другому вернуть долг паштетом. Вы поймете папашу-пьяницу, который, не найдя в доме денег, прихватывает детскую копилку. Вы оцените ироничное целомудрие любовных сцен — даже в самых извращенных, невротических коллизиях. Аки считает, что американцы вполне обеспечивают сексуальную составляющую кинематографа, так что ему нет резона заниматься еще и этим.

Каурисмяки, не учившийся в киношколах, долго считался бэд-боем финской киноиндустрии. Он и вел себя соответственно. Однажды обратился в Кинофонд за субсидией и прислал сценарий, но без последних двадцати пяти страниц. В сопроводительной записке пояснил, что часть текста съела его собака. Вскоре пришел чек на половину требуемой суммы: финский Кинофонд с сожалением сообщал, что вторую половину тоже сожрала собака.

Однако никто не может отрицать, что именно Каурисмяки реанимировал культурный интерес к своей стране. Интерес, которого, говорят, не было со времен олимпийского триумфа какого-то финского атлета в 20-е годы. Каурисмяки заставил мир выучить свое трудное имя. Он стал для Финляндии тем же, чем Альмодовар для Испании. Ее полпредом в культуре. Жизнеописателем ее флоры и фауны, ее физиологии и антропологии, ее рефлексов и нравов.

Это не исключает для «органичного космополита» Аки работы за границей. В его самом знаменитом и титулованном фильме «Жизнь богемы» (по модной в XIX веке мелодраме Мюрже) действие происходит в Париже — том самом легендарном Париже, который считается столицей мира, и где еще до Бель Эпок и Пуччини персонажей богемы мифологизировали тот самый Мюрже и Дюма-сын. Однако чувство маргинальности в этом фильме даже обостряется. Герои фильма — художник, поэт и композитор, которые живут в Париже, поддерживая друг друга в любовных смутах, в периоды нищеты совершенно по-русски соображают на троих. В этой меланхоличной комедии, которая вдруг действительно становится мелодрамой, Каурисмяки цитирует и «Парижанку» Чаплина, и «Загородную прогулку» Ренуара, и «Ночи Кабирии» Феллини, и ленты Рене Клера — самых больших мудрецов и оптимистов среди классиков десятой музы. Разумеется, и в этом оптимизме, и в мелодраматической надрывности фильма немало иронии, ведь Каурисмяки — художник сегодняшнего дня. Но именно в «Жизни богемы» он наиболее точно прочертил путь для художников малых стран и периферийных культур, напомнив, что все мы, в сущности, из одной деревни.

Каурисмяки ввел в иконографию европейского кино два образа, созданных актером Матти Пеллонпяя и актрисой Кати Оутинен — двумя потрясающими минималистами-меланхоликами. Им, по словам режиссера, не приходится, как другим актерам, отрубать руки, если те ими слишком размахивают. Главная роль в фильме «Вдаль уплывают облака» была написана на Матти (получившего за «Жизнь богемы» европейский приз «Феликс» за лучшую мужскую роль года), но тот умер от сердечного приступа перед самым началом съемок. Тогда Аки переделал характер в женский и поручил сыграть его Кати.

Сам режиссер — тоже ипохондрик и меланхолик — побеждает депрессию работой. Которой он, по собственным уверениям, всячески стремится избежать. Именно поэтому частенько обращается к литературе, чтобы не корпеть над сценариями и сэкономить время для бара. Якобы впервые он прочел «Гамлета» в баре и сочинил по нему импровизированный сценарий. А лучший из всех баров, по убеждению Аки, находится в Хельсинки, называется «Москва» и принадлежит ему самому на пару с братом Микой. На сцену Московского фестиваля он в свое время вышел за наградой с бутылкой шампанского. Приехав в Карловы Вары, первым делом оценил «бехеровку», а в Глазго опустошил рекордное для одного человека количество бутылок виски. Аки верит, что рай — это профессиональный ресторан, где можно встретить Бунюэля, Эриха фон Штрогейма и Ясуджиро Одзу.

«ЛЕНИНГРАДСКИЕ КОВБОИ» В КАННЕ У ТОГО САМОГО БАРА «МАЛЕНЬКИЙ КАРЛТОН» В ДНИ ПРЕЗЕНТАЦИИ TOTAL BALALAIKA SHOW

Несмотря на приз в Москве, показы в Сочи и два-три фильма, промелькнувших по питерской телепрограмме, Каурисмяки абсолютно не востребован нашими режиссерами-постмодернистами, апологетами тотального стеба. Между тем их неуклюжие (по большей части) попытки «протыриться» в Европу не учитывают драгоценного опыта Аки. Именно Аки ловко использовал и обыграл клише западных представлений о России. Именно он создал привлекательный образ северного изгоя-алкоголика, бедного, но гордого, наделенного загадочной, почти славянской душой. ■

Апостол Филип

К юбилею известного композитора, теоретика музыки и педагога Филипа Гершковича

Михаил Шейнкер

СУДЬБА

ПОКИДАЯ ВЕНУ, ГДЕ ОН ПРОЖИЛ 12 ЛЕТ, Филип Гершкович получил рекомендательное письмо от Антона Веберна, в котором последний называет его выдающимся композиторским дарованием и с восхищением говорит о его способностях в музыкально-теоретической и преподавательской областях. Это письмо свидетельствует о том, как высоко учитель оценивает призванность и посвященность ученика. Вся последующая жизнь Филипа Гершковича (1906–1989) стала доказательством еще и его избранности.

Вена

Он родился в еврейском квартале румынских Ясс и, по его собственным словам, в детстве не представлял себе, что «на земле живут еще и другие люди, кроме евреев и румын». Но «странным и причудливым образом» — опять его слова — стал немецким музыкантом, сначала учеником мастеров Новой венской школы Альбана Берга и Антона Веберна, потом наследником и продолжателем их идей.

В 1927 году, окончив Ясскую консерваторию, он приехал в Вену и поступил в музыкальную академию, но довольно скоро ее покинул и начал заниматься с Альбаном Бергом. Встречу с ним Гершкович в своих воспоминаниях называет случайностью, но осознает как случайность того рода, что действует с упорством неизбежности. «С тех пор я стал объектом одного очень и очень медленного переворота, (полу-) конца которого я достиг по меньшей мере 25 лет спустя, когда начал обширную частную преподавательскую работу в Москве. И так, в тесной связи с своими учениками, я смог выбраться в одиночку на тропинку, на которую, до всемирного потопа, мои учителя один за другим вывели меня за руку», — пишет Филип Гершкович в «Воспоминаниях об Альбане Берге».

Начиная с венских лет, положение этого человека в мире превращается в соревнование абсолютной беззащитности с абсолютной неуязвимостью. И какими хрупкими кажутся его доспехи в сравнении с оружием, против него направленным. В Австрии до 1939 года защитой ему служил румынский паспорт — нацисты не решались отправить в концлагерь иностранного подданного. Гершкович покинул Вену только с началом войны, в сентябре 1939-го ему как раз исполнилось 33 года. До последних дней продолжались его занятия с Веберном.

В письме Креллману, автору книги о Веберне, Гершкович описывает сцену своего прощания с учителем: «Веберн, его жена и дочь встретили нас в своем маленьком саду. Через несколько минут после нашего прихода он сказал мне: «Оставим женщин здесь и пойдем в дом; я хочу Вам еще кое-что сказать». И это «кое-что» ... оказалось большой лекцией о Моцарте и Вагнере, о взаимосвязи их сценических произведений. Даже его прощание ... было музыкой». В том же письме Гершкович отвечает на волнующий Креллмана вопрос о «симпатиях Веберна к национал-социализму»: «В течение пяти с половиной лет [с февраля 1934-го по сентябрь 1939-го (!)], трижды в месяц, Веберн давал мне уроки; уроки, которые всегда продолжались по меньшей мере два часа. И я получал эти уроки *бесплатно*! Я был беден. Так же беден, как и он. Как Веберн. Который *мне* бесплатно давал уроки. Мне. Еврею».

Покинув Вену, Гершкович возвращается на родину, в Румынию, и оказывается единственным в Восточной Европе музыкантом, унаследовавшим традиции новой венской школы, и единственным человеком, так многому научившимся у ее мастеров. Можно представить, как сознание того, что обладаешь невероятным богатством, сталкивается с ощущением полной его бесполезности. По-видимому, это мучительное противоречие преследовало Филипа Гершковича многие годы, если не десятилетия, и стало тем внутренним испытанием, которое помогало, как ни странно, выносить испытания внешние и выходить живым из положений вполне гибельных.

Война

В Бухаресте Гершкович провел год, не имея никакой работы, а после прихода к власти фашистского диктатора Иона Антонеску был вынужден задуматься о новом месте жительства. Тут на помощь ему пришли тайные протоколы Молотова — Риббентропа. Западная Украина отошла к Советскому Союзу, и Гершкович отправился в эти, как ему казалось, сравнительно безопасные края. Он поселился в Черновицах, где преподавал — на немецком языке — гармонию в музыкальном училище. На 22 июня 1941-го был назначен его дирижерский дебют, но история запланировала на этот день другой концерт, а Гершковичу пришлось дебютировать в качестве беженца.

ФИЛИП ГЕРШКОВИЧ — НАСЛЕДНИК И ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ НОВОЙ ВЕНСКОЙ ШКОЛЫ

В одном из писем он вспоминает, как уходил от наступавших немцев. Под Каменец-Подольским, оказавшись в чистом поле под обстрелом немецкого самолета, он не нашел ничего лучшего, как броситься на землю и спрятать голову в неглубокую лужу. В Днепропетровске, когда он, измученный и голодный, брел по какому-то длинному мосту, началась воздушная тревога. Тогда, постелив прямо на мосту свое новое пальто и подложив под голову чемоданчик с туфлями (все, что было у него с собой), он заснул так крепко, что даже не узнал, была бомбежка или нет. «... Сейчас мне представляется, — пишет Гершкович, — что ночевкой на мосту я спас свое лицо. То лицо, которое в Каменец-Подольском я уронил в лужу. Причем спас его вовсе не намерено, что еще приятнее».

Даже через сорок лет его воспоминания об этих событиях сохраняют подлинность тогдашних впечатлений. Но поражают в них не фатальная обреченность или фатальная же удачливость, а сознание этого человека — несокрушимо приватное, способное и в состоянии смертельного ужаса сохранять зону полного спокойствия.

«Карьера»

Кажется, что последующие два десятилетия жизни в Советском Союзе были для Гершковича продолжением спокойного сна на «новом пальто». Осенью 1941 года он оказывается в Ташкенте, ставшем центром музыкальной эвакуации, в 1942-м принят в Союз композиторов, в 1944-м становится младшим научным сотрудником Ташкентского института искусств, тогда же его командируют в Андижан для сбора уйгурских песен. Он работает заведующим музыкальной частью сначала Уйгурского, а затем Русского драматических театров. На этом «высшем» витке официальная карьера Гершковича прерывается. После переезда в Москву в 1946-м и исключения из Союза композиторов в 1949-м он внештатно работает в музыкальных издательствах, а затем получает должность музыкального редактора в Оркестре кинематографии. Последним взлетом его «карьеры» было принятие в Музфонд в 1953 году. Необходимость приспосабливаться к новой реальности, новому языку, к мучительному неустройству жизни, по-видимому, была для Гершковича не самой сложной проблемой этих лет. Удивительным образом все, что он писал о своих учителях, относится и к нему самому. О Веберне: «Само собой разумеется, что он имел дело с окружающим миром. Но, в общем, приблизительно так, как водолаз имеет дело с теми, кто остается на берегу. Берег не был стихией Веберна». О Берге: «...*музыка*, его музыка, его *отношение* к музыке требовали от него большого внутреннего одиночества, которое (это мое глубочайшее убеждение) совсем сознательно скрывало себя за сердечной общительностью».

Музыка, отношение к музыке — вот что искало своего выражения в жизни этого человека. И нашло. Процитируем его еще раз: «Веберн — скорее всего сознательно — придал прощанию со мной вид переходной точки к продолжению моего учения в будущих условиях отсутствия учителей. Одним из таких продолжений стала моя частная преподавательская деятельность в Москве... И таким образом я сохранил целостным контакт со скромным и очень чистым домиком в Maria Enzersdorf, Auholz 8». Адрес Веберна, названный здесь, стал для Гершковича одной из точек, по которым он строил линию своей жизни.

В 60-е годы он находит единственный способ «продолжения учения» — сам становится учителем, преподавая теорию музыкальной формы музыкантам, среди которых много знаменитых. Он читает курсы лекций в ленинградском Союзе композиторов, в Киевской и Ереванской консерваториях. Кроме того, он пишет теоретические работы, развивающие идеи его учителей, и возвращается к сочинению музыки. Все эти занятия были для него неразрывно связаны и дополняли друг друга.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

1906 — родился в Яссах в Румынии.
1927 — заканчивает Ясскую консерваторию и приезжает в Вену.
1927—1929 — учится в Венской музыкальной академии.
1929—1931 — учится у Альбана Берга.
1932 — учится на дирижерских курсах у Шерхена в Страсбурге.
1932—1938 — работает внештатным сотрудником «Universal Edition» (под его наблюдением издаются произведения Берга).
1934—1939 — учится у Антона Веберна.
1939 (сентябрь) — возвращается в Румынию.
1940 (ноябрь) — переезжает в СССР.
1940—1941 — преподает в музыкальном училище в Черновицах.
1941—1944 — живет в эвакуации в Ташкенте.
1942 — принят в Союз композиторов.
1944—1946 — командирован в Андижан (Узбекская ССР) для сбора уйгурских песен; работает зав. музыкальной частью Уйгурского, затем Русского драматического театров.
1946 — переезжает в Москву.
1949 — исключен из Союза композиторов.
1953 — принят в Музфонд.
1960 — начинает частную преподавательскую деятельность и теоретическую работу.
1968—1969 — читает курс лекций в Киевской и Ереванской консерваториях.
1979 — исключен из Музфонда.
1987 — уезжает в Вену.
1989 — умер в Вене.

Тарту

Примеры подобной целостности мы можем найти в литературно-филологической сфере, скажем, у русских формалистов: Тынянова, Шкловского, Эйхенбаума.

Не случайно единственным местом в Советском Союзе, где в 70-х годах публиковались статьи Гершковича, был Тарту. Крупнейший филологический центр, созданный Юрием Михайловичем Лотманом, унаследовал традиции формальной школы и собрал на страницах своих «Трудов по знаковым системам» («Семиотики») крупнейших филологов-структуралистов. Ученые, проникающие в глубины словесного текста, поняли и оценили мышление человека, проникшего в глубину текста музыкального, и значимость хранимых им традиций. В 1973 году в «Семиотике» были напечатаны «Тональные истоки шенберговой додекафонии», исследующие принципы созданной Шёнбергом атональной музыки, и в 1979-м — «Об одной инвенции Иоганна Себастьяна Баха», где рассматривается происхождение классической венской сонатной формы. Тарту сыграл в его жизни особую роль как место, где он обрел понимание не только профессиональное, и стал для него если не новой Веной, то важнейшей точкой на пути возвращения в нее.

Тартуские публикации охватывают лишь малую часть написанного Гершковичем, но начиная с 1991 года героическими усилиями его жены издано уже три и в ближайшее время выйдет четвертый том его трудов. Они включают не только исследования по теории музыки, но и заметки, воспоминания, письма, в которых особенно отчетливо проявляются два редко сосуществующих качества: способность к глубокому пониманию и нетерпимость. Только человек, обладающий ими одновременно и в высочайшей мере, способен сказать о Гитлере, что он «...жених чеховской «Свадьбы», относящийся к Европе, как к теще и невесте, слившимся в одно лицо...», перефразировать крылатое латинское выражение: Lupus lupi homo est, а в письме к Генриху Бёллю назвать коммунизм «рыгающей готикой».

Fin

В 1979 году Гершкович с женой подали прошение о выезде из СССР. Последствиями стали отказ и очередное его изгнание — на этот раз из Музфонда. Только в 1987 году по приглашению Фонда Альбана Берга им удалось уехать в Вену. В 1989 году в Вене Филип Гершкович умер.

Вот еще один эпизод из его воспоминаний. В один из мартовских дней 1942 года, гуляя по тихой улице Ташкента, он читал партитуру и услышал позади себя разговор двух мужчин. Один из них сказал: «Смотри! Он читает ноты!» Второй ответил: «А что же другое ему остается делать?» «Слова эти, — пишет Гершкович, — были для меня самыми приятными из всех, которые я о себе когда-либо услышал».

7 сентября этого года Филипу Гершковичу исполнилось бы 90 лет. Судьба была к нему беспощадна, лишив его многого из того, что ценится людьми, но и благосклонна, наделив его драгоценной способностью понять и осуществить свое предназначение. ■

Оазис на горе Скопус

Роман Тименчик: «В Иерусалиме я живу в том же ритме, что и раньше в Риге»

Борис Ентин

ДОРОГОЙ ГОСТЬ

— Скажите, а как соотносится для вас Иерусалим мифологический с тем городом, в котором вы живете, ходите на работу, по улицам которого гуляете?

— Я недостаточно долго живу здесь — всего пять с половиной лет. Для меня Иерусалим еще не отделим от мифа, символа, каким он предстает для всего мира... А может быть, такое отделение и невозможно. Я допускаю, что миф здесь уникальным образом совпадает с реальностью, легенды с повседневностью.

Я не стану говорить о том энергетическом поле, которое действительно здесь существует. Я убежден, что почувствовать его можно, только побывавши здесь. А как это претворяется в буднях? Иерусалимцы часто говорят о постоянных мелких чудесах в быту и в работе — ими, собственно, мы и живы. Например, в домашних библиотеках и архивах приехавших из России людей обнаруживаются удивительные вещи. Словно из небытия возникают редкие книжки, письма, фотографии, что очень украшает работу историка...

Разумеется, это все можно объяснить перемещением людских масс, особо трепетным отношением представителей русской еврейской интеллигенции к культурным реликвиям, связанным с жизнью их отцов, дедов, прадедов. Но дело, мне кажется, не только в этом, а и в маленьком местном чуде...

В связи с празднованием 3000-летия Иерусалима об этом сейчас особенно часто вспоминают и размышляют. Совсем недавно в нашем университете состоялась конференция «Иерусалим в славянских культурах», в которой приняли участие слависты со всего мира. Конференция была целиком посвящена попыткам как-то приблизиться к ответу на вопрос, в чем феномен Иерусалима для русских писателей, для русского народного сознания, для литературной рефлексии с XVIII по XX век.

— И все же, чем интересен Израиль для филолога-слависта?

— Мне кажется, что занятия конкретного филолога, его интересы во многом определяются тем, что есть в наиболее доступных ему библиотеках. Есть прямо пропорциональная зависимость между составом библиотек и развитием местных гуманитарных исследований.

Так получилось, что в Израиле сохранилось довольно большое количество печатной продукции, какой нет в России. И через нее я вышел на некоторые, до сих пор не исследованные пласты русской истории литературы и — шире — культурной истории XX века.

Во-первых, это русская словесность Эрец-Исраэля в 10 — 30-е годы, до образования Государства Израиль.

Во-вторых, история всей русской эмиграции: в библиотеках Израиля и в частных собраниях сохранилось большое количество редких книг — в частности, константинопольские издания начала 20-х годов. И я пытаюсь пролить свет на эту часть русской эмиграции: парадоксальным образом даже в самом Стамбуле осталось недостаточно материалов, чтобы эту историю восстановить.

В-третьих, в Израиле сохранились издания, выходившие на русском языке на оккупированных нацистами территориях. Эти издания подбираются местными научными фондами как источники по истории антисемитизма, но в них содержатся и забытые, достойные научной обработки и комментария материалы по истории русской культуры, поскольку на оккупированной нацистами территории оказалось немало представителей русской литературы.

Есть много и других любопытных моментов. Например, здесь находятся, я бы сказал, оборванные концы русской литературы. Вот один пример. В воспоминаниях разных мемуаристов о Багрицком упоминается молодой поэт Эзра Александров, обращавший на себя внимание непривычными по стилистике и эмоциональному накалу стихами. Он оказал большое влияние на Багрицкого и близкий ему круг одесских поэтов: Олешу, Катаева... Во всех воспоминаниях говорится о том, что он исчез с литературного горизонта. Между тем Эзра Александров действительно выпал из русской литературы, но впал, так сказать, в литературу ивритскую. Эзра Зусман стал впоследствии известен в Израиле как поэт, литературный и театральный критик, переводчик на иврит Мандельштама, Ахматовой, Бродского. Он прожил долгую и плодотворную жизнь. И вот у наследников Зусмана сохранился его архив с очень интересными воспоминаниями о Бабеле, Олеше, Катаеве, Багрицком, которые сейчас готовятся мною к печати.

— Израильская жизнь полна драматических событий, жесткой политической борьбы. Как это все влияет на ваше восприятие Израиля?

— Вы знаете, когда я только приехал в Иерусалим, коллеги сказали мне: университет — это своего рода оазис. Он находится в стране, но как бы и вне ее. Он позволяет полностью сосредоточиться на деле, которым занимаешься.

А преподавать здесь чрезвычайно интересно. Я разделил бы своих студентов на две категории. Одни — это новые репатрианты из России, начало сознательной духовной жизни которых пришлось на время либерализации. Они живо интересуются современным культурным процессом в России. Среди них немало талантливых людей. Многие из них не собираются связывать свою судьбу со славистикой (они — будущие математики, психологи или статистики), но посещают занятия нашей кафедры, и работать с ними на семинарах — сплошное удовольствие. Мне кажется, что сейчас очень изменился — и смело могу сказать, что изменился к лучшему, — тип молодого российского читателя.

Такой читатель стал значительно умнее — благодаря тому, что получил возможность читать хорошие книжки. За пару десятилетий читатель вырос на несколько голов, и я думаю, что угнаться за ним для современного писателя — проблема. Такая же проблема существует и для исследователя, историка литературы.

А другая часть студентов — это те, кто пришел к русской литературе не потому, что сам вышел из России. Начав изучать русский язык уже в достаточно зрелом возрасте, эти люди влюбились в русскую литературу и сейчас ни за какие коврижки от нее не откажутся. Именно в них я вижу залог того, что русская культура будет больше проникать в израильское общество — как это случилось после прибытия русских поселенцев в Палестину в начале XX века.

— Сегодня в Израиле пишется и печатается довольно много стихов, рассказов, романов на русском языке. Как вы оцениваете этот процесс?

— Пять лет пребывания здесь я наблюдаю такую закономерность: в каждом русскоязычном журнале обязательно есть как минимум один материал, заслуживающий прочтения из-за своих литературных качеств или, что чаще, из-за новой, неожиданной информации историко-культурного или исторического плана. И мне очень жаль, что не удается делать постоянных обзоров этих материалов, хотя бы составлять их библиографию, что уникальные человеческие свидетельства могут уйти в зону историко-культурной пустоты.

Изучение и структурирование разного рода региональных подходов к русской литературе достаточно важны и составляют особую часть русской культуры. Обычно не учитывается, скажем, взгляд поляка, подданного Российской империи, на русскую литературу и польские сюжеты в ней. Или же взгляд еврея.

Это часть более общей методологической проблемы: мы изучаем литературу как историю писателей, забывая, что на самом деле это явление двустороннее, и мы должны изучать также и историю читателя. Поскольку рано или поздно новая литература диалогически откликается на читательские чаяния.

Несомненно, что в нынешней культурной жизни Израиля присутствует особый тип русского читателя со своими — я бы сказал, кастовыми — привычками, замашками, со своим этикетом. Здесь очень много читают русскую литературу, но под несколько специфическим углом зрения — упрощенно говоря, еврейским и, кроме того, эмигрантским. Все это, безусловно, достойно изучения.

— Как изменилась ваша жизнь с переездом в Израиль?

— Я прожил здесь уже какое-то время, когда приехал в гости мой очень старый друг Анатолий Смелянский. Мы погуляли с ним денек по Иерусалиму, заходили в книжные магазины, встречали знакомых, обсуждали прямо на ходу, на улице последние культурные новости, и к исходу дня Смелянский сказал: «Я понял. Тебе удается жить здесь в том же ритме, в котором ты жил там, в Риге».

А потом я спросил как-то у своего старшего коллеги по кафедре, знаменитого российского литературоведа: «Скажите, вы счастливы своей нынешней жизнью?» Он мне ответил: «Что такое счастье? Счастье — это существовать в соприродном тебе ритме».

Я допускаю, что моя ситуация отличается от ситуации моих сверстников, земляков и, так сказать, коллег по репатриации начала 90-х. Одно несомненно для меня: та часть жизни русской общины в Израиле, с которой я связан, не менее интенсивна, не менее интересна, чем жизнь русской общины в Прибалтике, которую я хорошо знал предыдущие 45 лет своей жизни. ■

ФОТО ИЗ АРХИВА РОМАНА ТИМЕНЧИКА

ДОСЬЕ

Роман Давидович Тименчик

1945 — родился в Риге.

1962 — 1967 — учился в Латвийском университете.

1968 — 1991 — заведующий литчастью Рижского ТЮЗа.

1982 — защитил в Тартуском университете кандидатскую диссертацию по поэтике Ахматовой.

С апреля 1991 — профессор Еврейского университета в Иерусалиме (Отделение русских и славянских исследований).

Автор около 150 публикаций по истории русской культуры начала XX века.

Страница в альбом Романа Тименчика

Чтобы объяснить читателю, кто такой Роман Тименчик, надо совершить исторический экскурс в 60-е годы, когда рождалась тартуская школа Юрия Михайловича Лотмана, притягивавшая к себе все живые филологические силы страны. На блоковские и семиотические чтения приезжали те, кто составляет теперь цвет мировой славистики.

Поколение наших «архивных юношей» входило в жизнь азартно. Они объединились на почве комментариев, бороды, застолья и сложнейших любовных пересечений. Начинали с документов, продолжали тюрьмой и высылками. Там были москвич Гарик Суперфин и ленинградец Арсений Рогинский. (Филолог-архивист Габриэль Суперфин сейчас живет и работает в Бремене, а Арсений Рогинский стал одним из ведущих деятелей «Мемориала». — **«Итоги»**.) Там был выводок рижской школы, в которой ярко светили две восходящие звезды — Лазик Флейшман и Рома Тименчик. (Лазарь Флейшман ныне заведует кафедрой славистики Стенфордского университета в Калифорнии. — **«Итоги»**.)

«Архивные юноши» сражались с режимом по-своему. Понятие Сноски приобрело героический оттенок. Кафедр они не получали, выживали в маргинальных нишах: кто в архиве Пушкинского дома, кто в библиотеке.

Роман Тименчик большую часть своей советской жизни работал завлитом Рижского ТЮЗа. Наипервейший знаток Ахматовой и серебряного века, он проводил репетиции с исполнителями «Чукоккалы», учил их стиху. Знаточество стало страстью: серебряный век отразился в самом его человеческом составе. Всепонимание и ироническая отстраненность, глубоко скрытый этический пафос и открытый эстетизм, тайное построение собственной жизни по модели тех, кого знаешь лучше всех на свете.

Он читал, как и положено завлиту, десятки пьес. Обычный его ответ Адольфу Шапиро, своему главрежу: «Интересная пьеса, но не ставить же?!»

Знакомые знали, что под завлитовским советским мундиром скрывается крупнейший «вед». Обычная мизансцена тех лет — уткнешься в какой-нибудь литературно-театральный тупик, звонишь в Ригу: «Рома, а что ты знаешь про...». Он знал все.

Все эти годы, что он профессорствует в Иерусалиме, меня не покидает чувство сиротства. Давно уже нет той страны, в которой мы начинали, уничтожен тот театр, в котором он репетировал «Чукоккалу». Тупиков не поубавилось, да вот беда: не позвонишь просто так в землю обетованную. Обязывающее пространство. Слишком long distance.

Анатолий Смелянский

«Кощей православия» претендует на бессмертие

Почвенники возвращают в строй ветерана пера

Николай Павлович

ИСТОРИЯ

Один раз и глупец может иметь обо всем ясные мысли и представления.
Константин Победоносцев

Есть в российской истории персонажи не то чтобы неизвестные или забытые, а, пожалуй, подвергнутые во фрейдистском смысле «вытеснению». Всяк помнит, что «Победоносцев над Россией простер совиные крыла». Однако не каждый толком объяснит, кто он, собственно, таков и от чего тщился заслонить отечество.

В этом смысле издательство Русского Христианского гуманитарного института решилось совершить весьма полезную терапевтическую акцию, посвятив ему один из выпусков своей серии «Русский путь». Составителям пришлось даже отступить от установившегося серийного канона, обычно включающего в себя только воспоминания и отзывы о главном герое, и отвести добрую половину увесистого тома собственным сочинениям Победоносцева. Спасибо.

Константин Петрович Победоносцев (1827—1907), сын профессора филологии Московского университета из поповичей, окончил Училище правоведения и служил в московских департаментах Сената, занимаясь на досуге научной работой. В 1860 году он получил кафедру гражданского права в Московском университете. С этой поры начинается его крутой взлет. Ясные и практичные лекции Победоносцева произвели столь сильное впечатление на университетского попечителя Сергея Григорьевича Строганова, что тот рекомендовал его для преподавания законоведения наследнику престола. Так Победоносцев сделался ментором двух последних императоров Александра III и Николая II — пожизненным наставником и главным идеологом режима в последние годы его самодержавного бытия. В 1868-м Победоносцев — сенатор, в 1872-м — член Государственного совета. В 1880-м он занимает пост обер-прокурора Синода — светского главы Православной церкви. 19 октября 1905 года Победоносцев уходит в отставку, протестуя против знаменитого манифеста 17 октября, даровавшего России конституцию.

Такова стандартная словарная «объективка». При чтении книги обнаруживается, что Победоносцевых, собственно, двое. И только стилистическое сходство показывает, что либеральный памфлет «Граф Панин. Министр юстиции», напечатанный Герценом в «Голосах из России» (1859), и «реакционно-охранительный» «Московский сборник» (1896) — произведения, вышедшие из-под одного пера. Тем книга и актуальна для современного отечественного читателя, вместе со страной проделывающего эволюцию от «тоталитаризма» к «либеральной демократии». Не может не настораживать, что сильный критический рассудок Константина Петровича, которого не отрицали и его противники, заставлял его двигаться ровно в противоположном направлении — от почитания либеральных политических идеалов к защите православной монархии.

Острие атаки «позднего» Победоносцева направлено на «главную ложь нашего времени» — идеал представительной демократии. Именно идеал — его теоретические основания, а не исторические модификации, недостатки которых можно было бы списать на людские «амбиции». Взгляд Победоносцева прост и трагичен: «дефект» идеала в самом его фундаменте — в «ложном представлении о совершенстве человеческой природы». Народное множество не способно действовать разумно и ответственно, как предполагается идеалом, а демократические институты превращаются в инструменты манипулирования массой, «способной только принимать — по увлечению — мнение известного предводителя партии... или безразличное мнение того или другого влиятельного органа печати». Процедура законодательных решений вырождается в игру партий, приводящую «неотвратимо к анархии, от которой общество спасается одною лишь диктатурой».

Для многонациональных обществ, по мысли Победоносцева, демократия вообще смертельна. Она провоцирует конфликты и ведет к распаду государства. «Каждое племя из своей местности высылает представителей — не государственной и народной идеи, но представителей племенных инстинктов». В конце концов «каждое племя» желает иметь «свое самостоятельное управление, со своею, нередко мнимою, культурой».

Положительная программа Победоносцева откровенно консервативна. Он выступает апологетом «натуральной, земляной силы инерции», которой, «как судно балластом, держится человечество на путях своей истории». Сила эта коренится в «народном духе» — спасительной «простоте» немудреной народной веры. В плане практической церковной политики это означало замораживание церковной жизни, блокирование всех попыток отдельных священников и мирян оживить православие, приблизить его к духовным запросам современников. За что и получил обер-прокурор прозвище «Кощея православия».

Победоносцев — реакционер. Его писания — защитная реакция живого еще традиционного деревенского «русского мира» на агрессивное вторжение городского либерального индустриального, в общем «западного», порядка. Апелляция к моральному чувству и пренебрежение рациональной аргументацией роднят победоносцевские «плачи» об оскудении народного духа с «деревенской прозой» позднесоветского времени, несмотря на, казалось бы, значительное различие в статусе и политических позициях писателей.

Разум, завороженный идеей «прогресса», легко опрокидывает простые доводы Победоносцева. Понятно, что современники «Серебряного века» высокомерно третировали синодальную «Кассандру», твердившую о погибели России, — страна шла на подъем, к «светлому будущему». Но нам-то, знающим уже, какого перца задаст «народный дух» «либеральным реформаторам», следовало бы отнестись к предостережениям такого рода более вдумчиво.

Не тут-то было! Наиболее квалифицированные гуманитарии продолжают чураться «почвенников». Вот и новый том «Победоносцев: Pro et contra» «оставляет желать». Начать с того, что текст «Московского сборника» приводится почему-то по изданию 1896 года, а не последнему (1901), в котором автором были внесены существенные исправления и дополнения.

Отбор текстов, которыми «обложен» Победоносцев, и редакторское предисловие грешат провинциальностью — неискоренимым, родовым свойством «наших патриотов». Знакомство составителей с литературой остановилось в 1937 году. Неудивительно, что автору предисловия то и дело приходится напускать туману и строить «гипотезы» и прямые «догадки», злоупотребляя отточиями, претендующими на многозначительность. Между тем если бы составитель просмотрел хотя бы только книгу о Победоносцеве Роберта Байрнса (тоже не новинка, вышла в 1968 году), написанную в жанре классической «научной биографии», жеманных отточий в книге сильно поубавилось бы к пользе читателя и вящей славе издателей.

Однако это мелочи, лишь незначительно омрачающие важное культурное событие: провокационный победоносцевский текст доступен теперь широкой публике. Над ним хорошо думается всем, не утратившим этой привычки, а не одним только «патриотам» и «либералам». ■

«Золотая маска-97»

Из огромного списка нынешних российских театральных наград профессиональная премия Союза театральных деятелей России «Золотая маска» — пожалуй, самая престижная, хотя не дает лауреатам ни денег, ни поездок, ни новых возможностей, а лишь саму «Золотую маску» (автор — художник «Ленкома» Олег Шейнцис). Сейчас закончен первый этап — отбор номинантов на премии за прошедший сезон. Его проводил экспертный совет, состоящий из специалистов по всем видам театрального искусства: музыкальному, драматическому и кукольному. С 14 по 23 марта 1997 года в Москве состоится фестиваль лучших российских спектаклей, после которого высокое жюри (состав которого еще не определен) провозгласит лауреатов.

Список номинантов комментируют для нас члены экспертного совета.

Балет

Лучший спектакль

1. Мариинский театр (Санкт-Петербург) «Симфония до мажор» на музыку Жоржа Бизе.
2. Театр балета Бориса Эйфмана (Санкт-Петербург) «Братья Карамазовы».
3. Балет Евгения Панфилова (Пермь) «Ромео и Джульетта» Сергея Прокофьева.

Ольга Гердт:

— Спектаклей для национальной премии сегодня никто специально не создает. И это радует. «Лучших» нет и не предвидится. Произошло расслоение: поиски не пересекаются, единого контекста не существует. Для академического балетного театра удача сегодня — справиться с неоклассикой Баланчина, что удалось Мариинке. А для современных хореографов удача — завоевать зрителя, ориентируясь на массовую культуру, как это делает Борис Эйфман. Для экспериментаторов, например Евгения Панфилова, важно доказать свой профессионализм.

Объединение столь разных претендентов под «шапкой» одной премии неизбежно оказывается искусственным: законы реальных театральных поисков и рамки «Золотой маски» плохо совместимы.

Опера

Лучший спектакль

1. Музыкальный театр имени К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко (Москва) «Богема» Джакомо Пуччини.
2. Мариинский театр (Санкт-Петербург) «Игрок» Сергея Прокофьева.
3. Детский музыкальный театр «Зазеркалье» (Санкт-Петербург) «Любовный напиток» Гаэтано Доницетти.

Оперетта

Лучший спектакль

1. Театр музыкальной комедии (Екатеринбург) «Девичий переполох» Юрия Милютина.
2. Музыкальный театр (Омск) «Белая акация» Исаака Дунаевского.

Марина Нестьева:

— Увереннее всего эксперты чувствовали себя, обсуждая кандидатуры номинантов-исполнителей. Тут было из кого выбирать. Например, Владимир Галузин — Алексей в «Игроке» Мариинки. А вот название номинации «Лучший спектакль» предельно условно. Шедевров нет, предложенные нами спектакли столь различны, что просто не могут конкурировать. Мы попытались представить «срез» сезона. Поэтому пришлось иногда выдвигать то, что лично мне, как и большинству в экспертном совете, эстетически не близко, но обратило на себя внимание зрителей. Вообще мы старались рекомендовать работы, где чувствуются идеи, характерные именно для сегодняшнего дня, — в оперетте, например, вдруг появился интерес к «советскому» репертуару. Были и неожиданные приятные сюрпризы экспериментальных театров, например «Золушка» России из Екатеринбурга.

Драма

Лучший спектакль

1. Театр имени Евг. Вахтангова (Москва) «Пиковая дама» Александра Пушкина.
2. Театр «Школа драматического искусства» (Москва) «Плач Иеремии» (книга «Плач Иеремии»).
3. Театр Сатиры (Санкт-Петербург) «Таня, Таня...» Ольги Мухиной.
4. ТЮЗ (Екатеринбург) «Ля Бемоль» Натальи Скороход.
5. Театр драмы (Омск) «Женщина в песках» Кобо Абэ.
6. ТЮЗ (Москва) «Казнь декабристов», композиция Камы Гинкаса.

Ольга Егошина:

— Главной неожиданностью прошлого сезона стало возвращение к зрителям легенды нашего театра Анатолия Васильева. Поставленный им «Плач Иеремии» настолько близко подошел к границе между театром и религиозным действом, что расширил представление о границах театральной формы. Другим полюсом стала «Пиковая дама» Петра Фоменко. Фоменко обладает практически потерянным секретом адресовать свои постановки одновременно и публике, и «ведам». «Казнь декабристов» Камы Гинкаса — спектакль прежде всего для искушенных зрителей, способных оценить безжалостную точность режиссерского видения. «Женщина в песках» омского режиссера Владимира Петрова — удивительно слаженный и мужественный спектакль, впечатляющий лаконической четкостью постановочного решения и замечательной игрой обоих исполнителей. Пленительная, изящная музыкальная питерская постановка Владимира Туманова «Таня, Таня...» воспринимается почти как стихотворение. Любителей театра абсурда порадует екатеринбургский спектакль Анатолия Праудина «Ля бемоль» с великолепной Светланой Замараевой.

Может быть, разномасштабность оцениваемых явлений и была самым трудным в экспертной работе — какой общей шкалой можно измерить душевное озарение и профессиональную одаренность, лабораторный опыт и лирическое стихотворение? Впрочем, нашим делом было лишь собрать афишу фестиваля. Оценивать и награждать будут другие.

Кукольные театры

Лучший спектакль

1. Театр Сатиры (Санкт-Петербург) «Песнь о Волге» Резо Габриадзе.
2. Театр «Тень» (Москва) «Гастроли Лиликанского Большого Королевского балета в России».
3. Театр кукол (Екатеринбург) «Картинки с выставки» по Модесту Мусоргскому.

Ольга Глазунова:

— В этом году кукольные спектакли, выдвинутые на премию, были гораздо разнообразнее, чем в прошлом году, тем не менее в совете царило полное единодушие, поскольку лидеры были безусловными (в отличие, например, от драматического театра). Главной неожиданностью стал екатеринбургский бессловесный спектакль по Мусоргскому «Картинки с выставки» — невероятные гофмановские фантазии молодого художника Андрея Ефимова. Споры в жюри были лишь по поводу премий актерам. Действительно, в спектакле по Мусоргскому и в «Лиликании» трудно выделить кого-то из актеров. Но выдвижение Виктора Платонова на премию «за мужскую роль» закономерно: Платонов выделяется особым чувством стиля, тем, как ведет куклу, чувствует ее пластику. В женских ролях такого не было, так что решили никого не выдвигать. ■

Из года в год перелетая...

Святочная прогулка по вернисажам

ЕВА ЛЕВИНА-РОЗЕНГОЛЬЦ. ИЗ ЦИКЛА «ЛЮДИ»
ВЛАДИМИР ЛЮБАРОВ. ЯЙЦА КУРИЦУ НЕ УЧАТ.
СЕРГЕЙ МАКСЮТИН. РОСПИСЬ ПО ЗОЛОЧЕНОЙ ШИРМЕ «ПЛЫВУЩАЯ РЫБА».

Андрей Толстой

ВЫСТАВКИ

Когда, как не на святках (а мы теперь празднуем все – от католического Рождества до православного Крещения), открывать выставки с шумным вернисажем и богатым фуршетом? Правда, Третьяковка сейчас почти не организует больших шоу, а устраивает персональные, как правило, камерные, экспозиции незаслуженно забытых мастеров. В Лаврушинском недавно показывались произведения Марлена Шпиндлера (р. 1931), а на Крымском – живопись и графика Евы Левиной-Розенгольц (1898–1975). Ученица Анны Голубкиной и Роберта Фалька, Левина-Розенгольц, унаследовала от них изобразительную культуру серебряного века. Ее работы, особенно поздние, напоминают не только о монументальных росписях Возрождения (одна из серий пастелей 1960-х годов называется «Фрески»), но и о ветхозаветных фантазиях Рембрандта («Рембрандтовская серия», исполненная тушью, пером и кистью), и о «симфониях природы» кисти Тернера (циклы «Небо», «Деревья», «Болота», «Пейзажи» 60–70-х). Живописный мир Левиной-Розенгольц напоминает о Первоначальном Хаосе – так он неуютен. Персонажи пастельных циклов 60-х «Люди – пластические композиции» и «Портреты» воплощают идею Человека вообще: их тела сплетены в сложные ритмические узлы, а лицо – на всех одно. Свойственная позднему искусству художницы космичность привлекала к ней внимание нонконформистов 60–70-х.

В ЦДХ недавно открылась первая Международная квадриеннале уникальной и тиражной станковой графики 120 авторов – амбициозный проект Министерства культуры и союзов художников СНГ и России. Состав участников более чем пестр: тут и академики из «центра» и с бывшей «периферии», и представители легальной и полулегальной «левизны» советского периода, и некоторые из сегодняшних мастеров. Плюс к тому – художники из всех бывших союзных республик, а также из Израиля, Китая, Словакии, Франции, США, Болгарии. Невольно вспоминаешь о былых «сборных» выставках, где каждому автору (в зависимости от его статуса) и каждому направлению (в зависимости от его близости к начальственным вкусам) выделялось строго определенное место. Квадриеннале, которая распадается на множество мелких выставочек, к сожалению, мало отражает даже сегодняшнее состояние станковой графики.

Зато персональные выставки в ЦДХ бывают удачны. Владимир Любаров известен в первую очередь как бывший главный художник журнала «Химия и жизнь». Теперешняя его экспозиция именуется «Неновые русские» и как бы продолжает серию гротесковых, примитивистских работ художника, знакомых нам и по оформлению журнала, и по книжкам издательства «Текст». Стилистика его работ напоминает лубок. Любаров предпочитает иллюстрировать анекдотцы, байки, пословицы, отражающие «особенности национальной жизни» во все времена. Герои Любарова – это действительно не «новые», а некие вневременные русские. Сопровождающие каталог тексты (в том числе Владимира Войновича) оказываются здесь весьма кстати.

Сергей Максютин представил на выставке в ЦДХ не только живопись (три основные темы: «Земля», «Свет», «Тишина»), но и объект – накрытый «Стол-мир». А еще восемнадцатиптих «Золотой треугольник» – попурри на темы своих живописных работ и старинные, расписанные по золоту ширмы и экраны. Максютин пишет широко, неторопливо, его работы насыщены историческими и религиозно-философскими аллюзиями, а объекты балансируют на грани эстетской ностальгии по «прикладному» творчеству эпохи модерна и иронии по отношению ко вкусам новых богатых. Приятно, что постмодернистские причуды художника конца XX столетия облекаются в эстетически внятную форму. Такое искусство может оказаться неплохим подарком к святочным праздникам, примиряющим нас с окружающей антиэстетической действительностью. ■

НТВ – ТЕЛЕВИДЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛОВ. ЗДЕСЬ УСТАЛОСТЬ МЕРОЙ РАБОТЫ НЕ СЧИТАЮТ

НТВ с плюсом

За три года своего существования НТВ стало одной из лучших телекомпаний страны

Андрей Букин

ЮБИЛЕЙ

Пять лет назад, пятого января 1992 года, впервые в эфир вышла программа «Итоги» Евгения Киселева. А три года назад, в январе 1994 года, началось регулярное вещание НТВ. В сущности, и пять лет, и три года – сроки небольшие, но теперь даже вообразить современный российский телевизионный пейзаж без НТВ совершенно невозможно.

Когда вещание НТВ только начиналось, наверное, никто, кроме создателей канала, не был уверен в его успехе. Однако он не заставил себя ждать. К исходу трехлетия НТВ может похвастаться следующими достижениями:

– прочное место в тройке ведущих российских вещателей. Причем ни один из новых каналов, которые сыплются в последнее время, как из рога изобилия, пока не в состоянии составить конкуренцию НТВ. В столице НТВ (по данным Russian Research) имеет дневной охват (то есть количество людей, которые хоть что-нибудь смотрят на канале) в 37%, отставая только от «вечного» Останкино;

– телевизионная информационная служба НТВ. В большинстве случаев бьет конкурентов и по оперативности, и по уровню осведомленности, и по чисто телевизионному оформлению – «картинке». По размеру аудитории информационных программ НТВ уступает только 1-му каналу, но, вообще говоря, не стоит забывать, что «первый – это первый», а «первые» каналы во всех странах мира имеют преимущества, связанные с психологическими особенностями восприятия телевидения: что бы ни случилось, их продолжают считать главными. В Москве средний рейтинг «Сегодня» (22.00) – 12%, тогда как «Вестей» (20.00) – 7%. Еще более заметны достоинства информационной службы НТВ при сравнении аналитических передач. В Москве «Итоги» и «Время» (с Доренко) имеют практически одинаковый рейтинг – 20%. Эти показатели означают, что зрители 1-го канала меньше интересуются аналитикой (поскольку у обычного «Времени» рейтинг выше), чем новостями, тогда как аудитория НТВ отдает предпочтение анализу и комментариям. Третья же аналитическая программа «Зеркало» не в состоянии составить конкуренции: ее рейтинг – 6%. По этому показателю она уступает даже культурному обзору «Намедни», который смотрели примерно 10% москвичей;

– НТВ заняло позицию не просто средства массовой информации, но непременного атрибута жизни российского истеблишмента. Влияние канала на мнение и позиции лиц, принимающих решения, неоспоримо и, судя по всему, более значительно, чем других каналов. «Итоги» уже писали о повышенной доле в аудитории НТВ людей с высшим образованием и руководителей разных рангов;

– НТВ сумело создать эффективную систему распространения по России, которая позволяет с полным правом называться федеральным телевидением. По данным ВЦИОМ, в городе Ростове-на-Дону, например, почти 60% горожан имеют возможность принимать НТВ с хорошим качеством. Это сопоставимо с 68% РТР и 73% ОРТ, унаследовавшими два крупнейших «советских» канала вещания. НТВ стало «добивать» уже до Байкала с помощью обычной системы распространения;

– НТВ первым сумело построить и самостоятельную систему спутникового телевидения, включающую в себя несколько новых каналов. Так что уже можно говорить и о целой информационно-развлекательной империи НТВ и новых возможностях привлечения аудитории;

– наконец, НТВ постиг и финансовый успех.

Конечно, итоги трех лет развития не исчерпываются исключительно достижениями.

Поведение аудитории показывает, что зрители пока «не прочитали» новую структуру вещания канала, появившуюся в ноябре и покрывающую весь день. Многие наблюдатели отмечают, что увеличение числа часов вещания за счет полного освоения 4-го канала поставило НТВ в трудное положение. Должного количества программ для заполнения эфира, похоже, нет. Понятно, что бесконечное «Времечко» не в состоянии качественно заполнить паузу. Хорошо выстроенная сетка вещания после 18.00 подрывается рыхлостью дневных и утренних программ. Это видно, кстати, из того, что низкие рейтинги «Российских университетов», в общем-то, не преодолены.

Очевидно и то, что есть проблема и с собственным производством программ (или, если хотите, с правильным их подбором). Известно, что НТВ изначально и сознательно выбрало для себя роль не столько производителя, сколько вещателя. Но новый объем вещания требует, естественно, от компании и собственного производства.

Так что дальнейшее развитие канала скорее всего потребует некоторого изменения стиля вещания. К этому подталкивает и расширение территории распространения (и как следствие, изменение структуры аудитории), и конкуренция с другими каналами, и, возможно, общее изменение умонастроений граждан. К примеру, отмечается некоторое общее ослабление внимания к новостным передачам, причем наибольшее к «Вестям», а наименьшее ко «Времени». Вероятно, это знак усталости от политики, от «злой», «тяжелой» информации. Кроме того, исследователи аудитории телевидения указывают и на то, что в последнее время зритель все чаще выбирает не конкретную передачу, а канал в целом. То есть возрастает значение стиля канала, общего рисунка вещания, целостности планирования программы при разнообразии передач. И хотя НТВ, несомненно, самый «стильный» телеканал России, новые времена потребуют новых песен.

Впрочем, как бы там ни было, ныне НТВ как минимум лучшая негосударственная телекомпания страны. Что же касается недостатков... Ну и на солнце есть пятна.

Приходы, выходы, отходы

ПРЕФЕРАНС

Преферанс в точном смысле слова — не «азартная» игра. То есть она, конечно, очень увлекательная и захватывающая, но все-таки в основе успеха здесь лежат не везение и удача, а расчет и мастерство. Именно поэтому тем, кто «чувствует», а не считает, лучше переключиться на игру в «очко» или «покер».

Один из парадоксов преферанса состоит в том, что при розыгрыше «дорогих» игр, например, девятерных или мизера, большого мастерства не требуется: если к тебе пришла такая «ломовая» карта, главное — ее не испортить, а это не большая заслуга. Поэтому только новичку придет в голову хвастаться: «Я вчера за одну пулю сыграл три мизера». Опытные игроки рассказывают о своих подвигах иначе: «Меня вчера в три струи закрывали, а проиграл я в результате два виста». Преферансист должен уметь ждать. Настоящий игрок, во-первых, твердо уверен: «карта — не лошадь, к утру повезет», а во-вторых, не будет рассчитывать на двух тузов в прикупе или что-нибудь подобное. Но доколе вожделенное утро не наступило и судьба остается злодейкой, надо быть аккуратным и беспощадным, следует использовать малейшую возможность «посадить» своего противника и бороться за каждый вист. Поэтому, несмотря на кажущуюся незначительность «простых» (шестерных) игр, именно они решают исход «пули».

Обычно после торговли обе стороны прибегают к упрощенному подсчету существующих в данном раскладе вистов (и соответственно взяток). Есть второй король у вистующих — есть вист, есть третья дама — еще один и т.д.

В первом приближении этот подход дает удовлетворительные результаты. Но только в первом. При таком методе подсчета как бы негласно предполагается, что ход будет от играющего (ходит ведь взявший взятку, а играющий хочет взять их много, а стало быть, ход будет большей частью от него) и соответственно висты возьмут положенное. Но если представляется возможность оставить играющего «без одной» на шестерной игре, то уже в этом случае каждая из сторон возьмет по крайней мере по пять взяток, значит, и выходов будет с каждой стороны примерно поровну. Алехин называл шахматы трагедией одного темпа, это определение вполне справедливо и для преферанса. Ведь каждый раз, когда ход переходит, вистовая рука может превратиться в играющую (с соответствующей «переоценкой») и наоборот. Поэтому нужно быть очень внимательным при анализе расклада и считать не только висты, но и отходы. То есть возможность передать ход сопернику, не наигрывая ему лишнюю взятку.

Отсюда ясно, почему преферансисты печально вздыхают, увидев мощный вист на одной руке. Это не кокетство, а так называемое перенасыщение — все заходы от вистующих придется делать с одной руки, что существенно ограничивает для них свободу маневра и даже может привести к «наигрышу» лишних взяток играющему.

Обычно наигрыша пытаются избежать, «прорезая» карты играющего, то есть стремятся сделать заход, при котором последнюю карту кладет второй вистующий, или пытаются «экономить» отходы, используя розыгрыш «систем» (таких наборов карт в масти, которые обеспечивают взятки даже при розыгрыше со своего хода, например: Т, Д, В или К, В, 10). Кроме того, если у вас проблемы с отходами, необходимо отобрать свои взятки, то есть разыграть те масти, с которыми у вас нет проблем.

Особенное внимание нужно уделять «фиксированным приемам». Если у играющего ТК+ (напомним, что значком «+» мы обозначаем любую «фоску»), а у вас есть Д++, то это, с одной стороны, приятно, как-никак — вист, но с другой стороны — причина для повышенной бдительности, поскольку играющий, зайдя три раза в эту масть, может заставить вас ходить именно с этой руки. Все вышесказанное относится не только к вистующим, но и к играющему: наличие фиксированного приема может позволить вам спасти безнадежную игру или посадить вистующих.

Рассмотрим пример:

Взять максимальное число взяток при своем ходе, ♣ козырь

Играющий	Вист 1	Вист 2
♣Т, К, 10	Д, 8,7	9, 8
♦К, 10	Т, 8	Д, 9, 7
♥Т	К, 8	Д, 10
♠В	—	—

Чтобы взять пять взяток из оставшихся семи карт, нужно играть следующим образом:

1) ♥Т (отбор, чтобы не давать лишнего отхода противнику);

2) ♠В (откозырять, заставив соперника снести последний отход);

3а) ♣, ♣, ♣ (играя в фиксированный прием ♣ и заставляя противника самого разыгрывать ♦).

Если Вист 1 на втором ходу сносит маленькую ♣, то играет ♣10, а если Вист 1 на втором ходу сносит маленькую ♦, то играем так:

3б) ♦10, после чего на ♥ ход проносим ♣10 и берем еще три взятки. ■

Ход

Задача №2
Посадить играющего

Снос

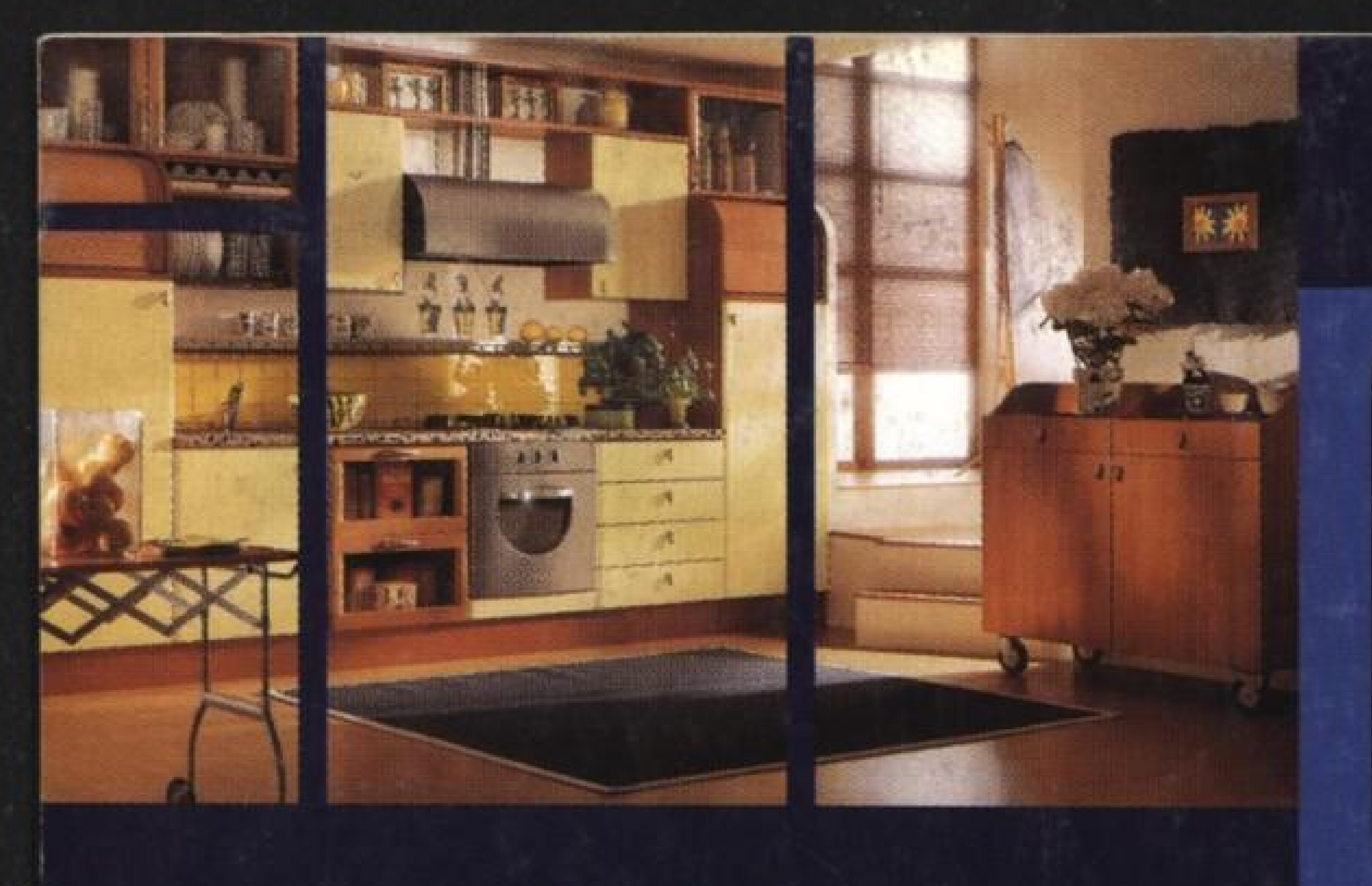
Заказ: шесть ♣

Если вистующие решили бы попадать игроку в козыря, они лишь облегчили бы ему задачу, например:
1) ♣8, ♣9, ♣K; 2) ♦K, ♦7, ♦T; 3) ♣T, ♣10, ♣B; 4) ♦Д, ♦B, ♦8;
5) ♦9, ♣7, ♦10; 6) ♥8, ♥7, ♥10; 7) ♠T, ♠B, ♠8; 8) ♠Д, ♠K, ♠9
и наигрываются еще две червы (результат — 7 взяток),
поэтому вистующие запланировали примерно следующее:
1) ♣8, ♣T, ♣7; 2) ♦K, ♦7, ♦T; 3) ♥9, ♥T, ♥8; 4) ♦Д, ♦B, ♦8;
5) ♦9, ♣B, ♦10; 6) ♠K, ♠9, ♣9; 7) ♠K, ♠8, ♣10; 8) ♠Д, ♠B, ♠8;
обе оставшиеся червы не играют (результат — 5 взяток),
и соответственно пошли с ♣8.
Играющий после некоторого размышления пропустил, положив ♣10.
Попробуйте все-таки посадить играющего.

Страница Дмитрия Генина

Решение задачи №2

Играющий замыслил, наверное:
1) ♣8, ♣10, ♣B; 2) ♠K, ♠8, ♠9;
3) ♦K, ♦7, ♦T; 4) ♥9, ♥Д, ♥K;
5) ♣B, ♣9, ♣10; 6) ♦Д, ♦B, ♦8;
7) ♣T, ♣7, ♠T; 8) ♦9, ♣K, ♦10;
обе оставшиеся червы наигрываются
(результат — 6 взяток).
Правильно со стороны вистующих было бы:
5) ♦B, ♦8, ♦Д; 6) ♣T, ♣7, ♠T;
7) ♦9, ♣K, ♦10; 8) ♠B, ♠Д, ♣Д;
(5 взяток).

I.Q.M.

Специалисты из Италии
К Вашим услугам:
офисная
и жилая
мебель
кухни
мягкая
мебель
бары
рестораны
гостиницы
сантехника
керамическая
плитка

ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ *на территории* РОССИИ ФИРМЫ *Las mobili и Gory*

LAS
MOBILI PER UFFICIO

I.Q.M.
italian quality manufacturer ...

ул. Нижняя Красносельская 32/29
107064 Москва
Тел. (095) 267 86 25, 232 35 58, 232 36 22
Факс (095) 232 13 51

Italy-42100 Reggio Emilia
Via E. Benassi 14
Tel. (0522) 383100
Fax (0522) 308984